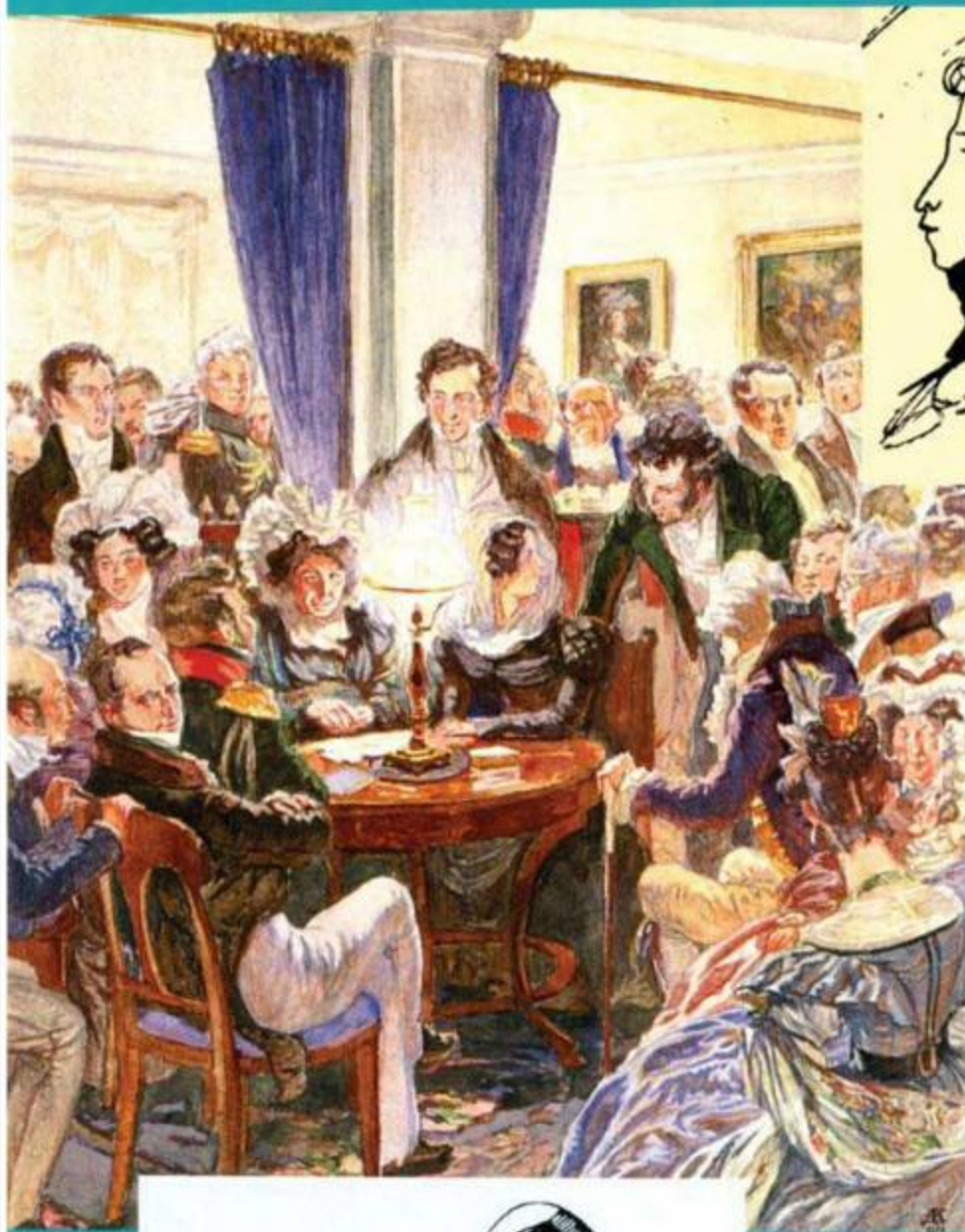

Г.С. Меркин

ЛИТЕРАТУРА

7 КЛАСС

*Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 12 —
адрес последней квартиры А.С. Пушкина*

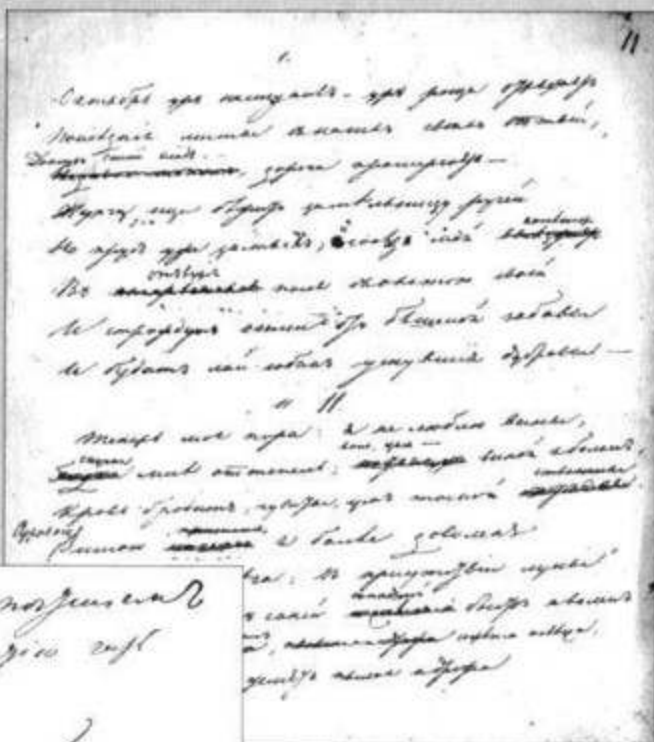

Кабинет А.С. Пушкина в доме на Мойке

Чернильница
и печатки
А.С. Пушкина

Автографы
А.С. Пушкина:
стихотворение «Осень»
1833 г.;
фрагмент
последнего письма
А.С. Пушкина
детской писательнице
А.О. Ишимовой,
написанного
в день дуэли —
27 января 1837 г.

Литература

7 класс

**Учебник
для общеобразовательных
учреждений**

**В двух частях
Часть I**

**Автор-составитель
Г.С. Меркин**

*6-е издание, исправленное
и дополненное*

*Рекомендовано
Министерством образования и науки
Российской Федерации*

(экспертиза РАН и РАО 2007 г.)

**Москва
«Русское слово»
2008**

Л 64 Литература. 7 класс: Учебник для общеобразовательных учреждений: В 2 ч. Ч. 1 / Авт.-сост. Г.С. Меркин. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: ООО «ТИД «Русское слово — РС», 2008. — 416 с.

ISBN 978-5-9932-0103-0 (ч. 1)
ISBN 978-5-9932-0102-3

Учебник «Литература. 7 класс» соответствует программе по литературе для 5–11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

ББК 83.я721

Любите читать!

Замечали ли вы, какое большое впечатление производят те произведения литературы, которые читаются в спокойной, неторопливой и несуетливой обстановке?

Литература дает вам колоссальный, обширнейший и глубочайший опыт жизни. Она делает человека интеллигентным, развивает в нем не только чувство красоты, но и понимание, — понимание жизни, всех ее сложностей, служит вам проводником в другие эпохи и к другим народам, раскрывает перед вами сердца людей, — одним словом, делает вас мудрым. Но все это дается вам только тогда, когда вы читаете, вникая во все мелочи. Ибо самое главное часто кроется именно в мелочах. А такое чтение возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия), а потому, что оно вам нравится — вы прочувствовали, что автору есть что сказать, есть чем с вами поделиться и он умеет это сделать. Если первый раз прочли произведение невнимательно, — читайте еще раз, в третий раз. У человека должны быть любимые произведения, к которым он обращается неоднократно, которые знает в деталях, о которых может напомнить в подходящей обстановке окружающим и этим то поднять настроение, то разрядить обстановку (когда накапливается раздражение друг против друга), то посмеяться, то просто выразить свое отношение к происшедшему с вами или с кем-то другим.

Бескорыстному чтению научил меня в школе мой учитель литературы. Я учился в годы, когда учителя часто вынуждены были отсутствовать на уроках, — то они рыли окопы под Петроградом, то должны были помочь какой-либо фабрике, то просто болели. Леонид Владимирович (так звали моего учителя литературы) часто приходил в класс, когда другой

учитель отсутствовал, непринужденно садился на учительский столик и, вынимая из портфеля книжки, предлагал нам что-нибудь почитать. Мы знали уже, как он умел прочесть, как он умел объяснить прочитанное, посмеяться вместе с нами, восхититься чем-то, удивиться искусству писателя. Так мы прослушали многие места из «Войны и мира», несколько рассказов Мопассана, былин о Соловье Будимировиче, другую былину — о Добрыне Никитиче, «Повесть о Горе Злосчасти», басни Крылова, оды Державина и многое, многое другое. Я до сих пор люблю то, что слушал тогда, в детстве. А дома отец и мать любили читать вечерами. Читали для себя, а некоторые понравившиеся места читали и для нас. Читали Лескова, Мамина-Сибиряка, исторические романы; что нравилось им, то постепенно начинало нравиться и нам. «Незаинтересованное», но интересное чтение — вот что заставляет любить литературу и что расширяет кругозор человека.

Умейте читать не только для школьных ответов и не только потому, что ту или иную вещь читают сейчас все — она модная. Умейте читать с интересом и не торопясь.

Почему телевизор вытесняет сейчас книгу? Да потому, что телевизор заставляет вас не торопясь посмотреть какую-то передачу, сесть поудобнее, чтобы вам ничего не мешало. Он вас отвлекает от забот, он вам диктует, как смотреть и что смотреть. Но постарайтесь выбирать книгу по своему вкусу, отвлекитесь на время от всего на свете, сядьте с книгой поудобнее, и вы поймете, что есть много книг, без которых нельзя жить, которые важнее и интереснее, чем многие передачи. Я не говорю: перестаньте смотреть телевизор. Но я говорю: тратьте свое время на то, что достойно траты...

Классическое произведение — то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени. Но классика не может вам ответить на все вопросы сегодняшнего дня. Поэтому надо читать и современную литературу. Не бросайтесь только на каждую модную книгу. Не будьте суетны. Суетность заставляет человека безрассудно тратить самый большой и самый драгоценный капитал, которым он обладает, — свое время.

Д.С. Лихачев

1. Какие основные мысли о книге и чтении заключены в статье Д.С. Лихачева? Сформулируйте их сами или оформите в виде развернутого плана.
2. Что значит «незаинтересованное», но интересное чтение?
3. Настоящее чтение, по Д.С. Лихачеву, «возможно только тогда, когда вы читаете с удовольствием, не потому, что то или иное произведение надо прочесть (по школьной ли программе или по велению моды и тщеславия)...». Значит ли это, что произведения, включенные в школьную программу, «неинтересное чтение»? Свой ответ аргументируйте.
4. Просмотрите внимательно учебник. Произведения каких любимых вами писателей вы здесь нашли?
5. «Классическое произведение — то, которое выдержало испытание временем. С ним вы не потеряете своего времени». Какие произведения классической литературы, прочитанные вами ранее, не оставили вас равнодушными?
6. Согласны ли вы с утверждением Д.С. Лихачева, что для чтения одной классики мало? Свой ответ аргументируйте.

Вместе с Д.С. Лихачевым мы призываем вас бережно относиться к своему времени. И вместе с тем мы убеждены, что время, которое вы проведете с произведениями, представленными в учебнике, не окажется потраченным напрасно.

Из устного народного творчества

БЫЛИНЫ

Теперь нам предстоит погрузиться в былинный мир — совсем не похожий не только на тот мир, в котором живем мы сегодня, но и на далекий, отстоящий от нас на многие столетия и знакомый нам по учебникам истории и книгам, написанным учеными-историками или историческими романистами. Не похожи люди, населяющие мир былин (а уж тем более — «нелюди», которых там немало), отношения между ними, их представления о природе, земле, обществе. Необычайны события, происходящие в этом мире. Даже вещи, предметы, о которых упоминается в былинах, чаще всего необыкновенны... Мы могли бы назвать этот мир художественным, поскольку он создан поэтическим воображением, художественной фантазией. Но, с другой стороны, можем ли мы забыть, что многие поколения в течение столетий верили в этот мир как реально существовавший? Значит, мир этот не просто художественный, в нем запечатлелся многовековой исторический опыт наших предков, выразилось народное понимание прошлого...

Реальность — политическая, бытовая, житейская — проглядывает в былинах. Но она растворена в истории эпической, сконструированной народной фантазией. Былинная история — это век богатырства, время жизни, деяний, подвигов богатырей. Неповторимость этого искусства заключается в том, что эпическое повествование огромного размера, сложного

содержания не рассказывается, а пропевается от начала до конца. Когда сказочник или сказочница рассказывают сказку, они более или менее свободны и в манере изложения, и в выборе слов, и в построении фраз. Они могут повторить одно и то же слово и даже одну и ту же фразу, вернуться к только что рассказанному, внести поправку, сделать замечание «от себя» и так далее. Другое дело — былинный сказитель: его ведет, до известной степени сковывает напев, с которым он должен все время согласовывать словесный текст... Школа сказительского искусства предусматривала, среди многого другого, овладение формульной речью, «былинным словарем», умением строить былинный стих, чувством звучащего слова.

Понятие «формула» применительно к былинам означает устойчивое, повторяющееся из текста в текст выражение, сочетание слов, обозначающих какой-либо предмет, какую-то ситуацию, какое-то событие. Язык былин насыщен формулами разного объема и разного назначения. Есть формулы предельно краткие, из двух или нескольких слов, образующих единое, нерасчлененное по смыслу и выразительности целое: «поле чистое», «шатры белые», «копье острое», «конь добрый», «башня на-угольная», «скатерти браные» (с узорами), «тетивочка шелковая», «облако ходячее». В сознании сказителя такие сочетания живут прочно, он не затруднится при пении быliny вспомнить их.

Хорошие сказители отличались тем, что умели создавать распространенные формулы, внося в них дополнения, которые несколько не нарушали цельность, но зато обогащали содержание разными подробностями, деталями...

Живые голоса сказителей навсегда угасли. Но музыка былин нашла свою новую жизнь в творениях выдающихся русских композиторов, которые использовали былинные мотивы в своих симфониях, операх, концертных произведениях. В преображенном и музыкально обогащенном виде они звучат в операх Н.А. Римского-Корсакова «Садко» и М.П. Мусоргского «Борис Годунов», в симфониях А.П. Бородина и В.С. Калинникова.

Б.Н. Путилов

Вспомните определение эпоса из учебника 6 класса, а затем прочитайте приведенные ниже определения. Расскажите своими словами, что такое «эпос».

Эпос (от гр. *êpos* — повествование) — повествовательный род литературы, в отличие от лирики и драмы.

Эпос — совокупность народных героических песен, былин, сказаний, поэм.

Вы неоднократно составляли планы различных видов: простые, сложные, цитатные. Есть еще один вид плана, составление которого помогает лучше усвоить изучаемый материал, — это *тезисный план*.

Тезис — положение, кратко излагающее какую-либо идею, а также одну из основных мыслей лекции, доклада, статьи, научного сочинения.

По предложенному тезисному плану расскажите о русских былинах. Используйте статью известного русского ученого-фольклориста Бориса Николаевича Пutilова.

1. **В былинном мире.** Поэтический мир былин отличается не только от мира реального, но и от художественного мира других литературных произведений. Этот мир населен своеобразными героями и персонажами; в нем происходят необычные события, которые в реальной жизни невозможны.
2. **Художественная память народа.** Былины отражают запечатленные в художественных образах представления народа о прошедших событиях и дают им свою нравственную оценку. «Былинная история — это век богатырства, время жизни, деяний, подвигов богатырей».
3. **Своеобразие художественного мира былин:**
 - а) былинного сказителя «ведет, до известной степени сковывает напев, с которым он должен все время согласовывать словесный текст»;
 - б) былина включает в себя определенного типа «формулы», имеет своеобразный «былинный словарь», на основе которого во многом строится былинный стих.
4. **Новая жизнь былин.** Многие былины послужили основой для произведений других искусств: живописи, музыки.

БЫЛИННЫЕ ГЕРОИ

Главная мысль былин — высокая ценность крестьянского труда. Однако неверно представлять слагателей былин людьми, которых интересовали лишь земледельческие заботы...

Былинами о труде пахарей и торговых делах предваряются поэтические повествования о воинской доблести и ратных подвигах. Главные герои былин — Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович. Илья Муромец, вставший на ноги только в зрелом возрасте, старается наверстать упущенное и покидает родное село Карачарово, чтобы стать воином и служить Руси. Дело, за которое взялся Илья, доброе: отец с матерью благословили его. Первый подвиг Ильи — победа над чудовищем Соловьем-разбойником. Загородил Соловей нужную народу Руси прямую дорогу — приходится ездить окольной, долгой. Очистил прямоезжую дорогу Илья-богатырь. Принятый на службу к великому киевскому князю Владимиру, Илья заставил грозного Калина-царя платить дань Руси. Нет в Киеве богатыря сильнее Ильи Муромца.

Достойный сподвижник Ильи — Алеша Попович. На поединке он убил Тугарина Змеевича за то, что тот оскорбил честь великого

Богатыри.
Художник В.М. Васнецов. 1881—1898 гг.

Бой Добрыни Никитича со Змеем Горынычем.
Художник Е.А. Кибрик. 1948–1950-е гг.

киевского князя и посягнул на независимость Руси. Алеша — поповский сын и порой бывает нетверд в своих обещаниях, пускается на обман — так случилось в истории о неудавшейся его женитьбе на Добрыниной жене, — но в воинских делах он отважен, предан долгу.

Пример верности воинскому и патриотическому долгу явил и Добрыня Никитич: он побил огненного Змея, свершил трудное дело, требовавшее много отваги и мужества. Опорой и поддержкой Добрыне служило материнское слово — она благословила сына на воинский подвиг. Добрыня освободил огромный русский полон, многих царей, королей, захваченных чудовищем. Вышли на свободу томившиеся в змеиных норах люди, среди них — княжеская племянница Забава Потятична.

Герои былин — богатыри — бьются с врагами во имя спокойствия и благополучия Руси, они защищают родную землю от всех, кто посягает на ее свободу и самостоятельность. Народные певцы подняли воинский подвиг на высоту самого благородного деяния, но захват чужих земель, чужих богатств они осудили.

Богатыри-воины — выходцы из разных сословий. Илья — крестьянский сын, Добрыня — по-видимому, княжич, а Алеша —

сын попа. Но при всем различии богатыри едины в любви к своей земле. Певцы знали, что борьба за независимость и целостность Русской земли, когда угрожает жестокий неумолимый враг, должна отодвинуть в сторону все споры и различия между русскими людьми...

Таков круг главных идей былин. Поэтическое понятие о «богатырской заставе» стало синонимом мужественной верности воинскому долгу, служения Родине во имя ее мирного труда, счастья и благополучия.

В. П. Аникин

Для вас, любознательные

Музыкальные произведения на темы русских былин были созданы композиторами А.С. Аренским («Фантазия на темы Рябинина») и А.Т. Гречаниновым («Алеша Попович»).

Слово *былина* употреблялось в народной речи в значении *быль, бывшее*. В этом значении оно встречается в «Слове о полку Игореве» («По былинам сего времени»), а в литературу вошло как название русских эпических песен в середине XIX в. На севере России для обозначения этих песен использовался народный термин «старѣина» (или *ста́рина, старѣнка*). Понятие «былина» как общепринятое обозначение этих произведений к середине XX в. постепенно закрепилось в научной и художественной литературе.

В последние столетия былины исполнялись без музыкального сопровождения, в более давние времена — под аккомпанемент гуслей. В казачьих селениях юга России былины преобразовывались в протяжные песни, исполняемые хором, но на европейском севере России их пение не было коллективным. Эпические песни знали и исполняли немногие знатоки, которых называли *сказителями*. Самые известные из них — Т.Г. Рябинин, М.Д. Кривополенова, М.С. Крюкова.

В среде крестьян сказители пользовались особым почетом и уважением. Например, Т.Г. Рябинина, ходившего на рыболовный промысел, старалась заманить к себе каждая артель. «Если бы ты к нам пошел, Трофим Григорьевич, — говаривали рыболовы, — мы бы на тебя работали: лишь бы ты нам сказывал, а мы бы тебя

Сказительница М.Д. Кривополенова.
Художник П.Я. Павлинов. 1916 г.

все слушали». Собиратель былин П.Н. Рыбников удивлялся: «И где Рябинин научился такой мастерской дикции: каждый предмет у него выступал в настоящем свете, каждое слово получало свое значение!»

В былинном словаре множество слов, которых нет в обычной народной речи. Многие из них пришли из древности и связаны с давно исчезнувшими из быта предметами, должностями, понятиями и делами. В этом словаре большое число географических названий, для сказителя совершенно чужих, таких, например, как Почай-река, Сафат-река, море Верейское, горы Сорочинские... Непривычно и большинство имен былинных героев: Добрыня, Дюк, Чурила Пленкович, Хотен, Потык, Ставр...

А с какими глаголами приходится ему иметь дело! О заросшей травой дорожке говорится, что она *замуравела*. К богатырям, своим или чужеземным, которые проводят всю жизнь в поле, ищут встреч

с противниками, в былинне применяется глагол *поляковать* — его конечно же в обыкновенной речи не встретишь. А что сказать о таких глаголах, как *подлыгаться* (врать), *воспроговорить*, *порасхвастаться*, *повмехать*? О персонажах былин говорят, что они *приутихнули*, *прирасплакались*, то есть обыкновенные слова наделяются приставками и звучат совсем непривычно. Сказители приучаются к тому, что былинный язык — особенный, даже привычные слова начинают звучать в былинне по-своему, и это потому, что они становятся частью поэтических формул.

По В. Катаеву

Вопросы и задания

1. Вы познакомились с двумя значениями понятия *эпос*. Можно ли, опираясь на них, употребить словосочетание — «былинный эпос»? Дайте аргументированный ответ.
2. Составьте тезисный план статьи В.П. Аникина по образцу плана статьи Б.Н. Путилова.
3. Попробуйте дать определение былины, введя в него слово *героический*.
4. Черты каких былинных персонажей угадываются на картине В.М. Васнецова «Богатыри»?

СВЯТОГОР И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ

Поехал Святогор путем-дорогою широкою, и по пути встретился ему прохожий. Припустил богатырь своего добра коня к тому прохожему, никак не может догнать его: поедет во всю рысь, прохожий идет впереди; ступою едет, прохожий идет впереди. Проговорил богатырь таковы слова:

— Ай же ты, прохожий человек, приостановись немножечко, не могу тебя догнать на добром коне.

Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и выкладывал сумочку на сыру землю. Говорит Святогор-богатырь:

— Что у тебя в сумочке?

— А вот подыми с земли, так увидишь.

Сошел Святогор с добра коня, захватил сумочку рукою, — не мог и пошевелить; стал здымать обеими руками, только дух под сумочку мог подпустить, а сам по колено в землю угрыз. Говорит богатырь таковы слова:

— Что это у тебя в сумочку накладено? Силы мне не занимать, а я и здынуть сумочку не могу.

— В сумочке у меня тяга земная.

— Да кто же ты есть и как тебя именем зовут, величают как по изотчины?

— Я есть Микула Селянинович.

Микула Селянинович.
Художник Е.А. Кибрик. 1948–1950-е гг.

ПОГОВОРИМ О ПРОЧИТАННОМ

Святогор — архангель и наиболее загадочный былинный образ. Былины о Святогоре почти не сохранились в напевном исполнении. В одном из вариантов говорится, что он ездит по горам (или лежит на них), что его мать сыра земля не держит. Нет ему равных по силе, и в то же время эта сила не находит применения. Святогор не совершает воинских или каких-либо других подвигов. Не случайно сумочка, которую не мог поднять Святогор, принадлежит Микуле Селянновичу, пахарю. То, что легко несет пахарь, губит богатыря, не связанного с земледельческим трудом или с защитой Родины.

Одним из наиболее характерных для былин художественных приемов является гипербола.

Гипербола — художественный прием преувеличения, имеющий целью усиление выразительности речи.

Вопросы и задания

1. Почему богатырь Святогор не мог догнать Микулу Селянновича?
2. В чем глубокий инсказательный смысл былины?
3. Какая мысль, выраженная с помощью гиперболы, предстает в былине наиболее ярко?
- 4^{*}. Былина «Святогор и Микула Селяннович» принадлежит к числу наиболее ранних произведений былинного эпоса. Как вы думаете, в чем проявляется ее тесная связь со славянской мифологией?
5. Былина — это героический эпос. Какие подвиги совершали былинные богатыри? Расскажите о них.
6. Выпишите непонятные слова и попробуйте самостоятельно объяснить их значение.

^{*} Звездочкой * помечены задания повышенной сложности.

1. Устно нарисуйте портрет одного из богатырей, знакомых вам по прочитанным произведениям. Сопоставьте его с иллюстрациями, созданными Е.А. Кибриком.
2. Картины каких художников, посвященные русским богатырям, вы знаете? Расскажите хотя бы об одной из них.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ-РАЗБОЙНИК

Из того ли то из города из Мурома,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый молодец.
Он стоял заутреню во Муроме.
А й к обеденке поспеть хотел он в стольный
Киев-град.
Да й подъехал он ко славному ко городу к Чернигову.
У того ли города Чернигова
Нагнано-то силушки черным-черно,
А й черным-черно, как черна вóрона.
Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживат,
Птица черный ворон не пролетывают,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великоей.
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конем топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую,
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град.
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.
Говорит-то им Илья да таковы слова:

«Ай же мужички да вы черниговски!
Я нейду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град».
Говорили мужички ему черниговски:
«Ты удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела,
А й по той по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покаяныя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей-разбойник на сыром дубу,
Сидит Соловей-разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.
И от его ли то от посвиста соловьего,
И от его ли то от покрика звериного
То все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст,
А й окольной дорожкой — цела тысяча».

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озера промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко покаяныя,
К тому славному кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному,

Так все травушки-муравы улетались,
Да й лазоревы цветочки осыпались,
Темны лесушки к земле все приклонялись.
Его добрый конь да богатырский
А он на корзины да спотыкается.
А й как старый-то казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белую руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
«Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!
Али ты идти не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзины, собака, спотыкаешься?
Не слыхал ли посвиста соловьего,
Не слыхал ли покрика звериного,
Не видал ли ты ударов богатырских?»
А й тут старья казак да Илья Муромец,
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тетивочку шелковую натягивал,
А он стрелочку каленую накладывал.
Он стрелил в того-то Соловья-разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному.
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездышка повез да соловьиного,
Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.
Больша дочка — эта смотрит во окошечко косящато,
Говорит она да таковы слова:
«Едет-то наш батюшка чистым полем,
А сидит-то на добром коне,
И везет он мужичица-деревенщину
Да ко правому ко стремени прикована».
Поглядела его друга дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет батюшка раздолыцем чистым полем,
Да й везет он мужичица-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована».

Поглядела его меныша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
«Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром коне,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею».
Говорила-то она да таковы слова:
«Ай же мужевья наши любимые!
Вы берите-ка рогатины звериные
Да бегите-ка в раздольище чисто поле,
Да вы бейте мужичища-деревенщину!»
Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные,
Бежали-то они да во чисто поле
Ко тому ли к мужичищу-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.
Говорит им Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ка рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его естwuшкой сахáрною,
Да вы пойте его питьцем медвяным,
Да й дарите ему дáры драгоценные!»
Эти зятевья да соловьиные
Побросали-то рогатины звериные,
Ай зовут-то мужика да деревенщину
Во то гнездышко да соловьиное.
Да мужик-то деревенщина не слушался,
А он едет-то по славному чисту полю
Прямоезжею дорожкой в стольный Киев-град.
Он приехал-то во славный стольный Киев-град.
А ко славному ко князю на широкий двор.
Ай Владимир-князь он вышел из божьей церкви,
Он пришел в палату белокаменну,
Во столовую свою во горенку,
Они сели есть да пить да хлеба кушати,
Хлеба кушати да пообедати.

Ай тут старый казак да Илья Муромец
Становил коня да посередь двора,
Сам идет он во палаты белокаменны.
Приходил он во столовую во горенку,
На пяту он дверь-то поразмахивал,
Крест-то клал он по писаному,
Вел поклоны по-ученому,
На все три, на четыре на сторонки низко кланялся,
Самому князю Владимиру в особину,
Еще всем его князьям он подколенным.
Тут Владимир-князь стал молодца выспрашивать:
«Ты скажи-ко, ты откулешний, дородный добрый молодец,
Тебя как-то, молодца, да именем зовут,
Величают, удалого, по отчеству?»
Говорил-то старый казак да Илья Муромец:
«Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да с Карачарова,
Есть я старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович».
Говорит ему Владимир таковы слова:
«Ай же старый казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?»
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай ты, славный Владимир стольнокиевский!
Я стоял заутреню христовскую во Муроме,
Ай к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то Чернигов-град,
Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную.
Мимо славну реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест».
Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься.
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много-множество —

То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туда серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у славной у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпой,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит разбойник Одихмантьев сын.
То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному.
То все травушки-муравы улетаются,
А лазоревы цветки прочь осыпаются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей, то все мертвы лежат».
Говорил ему Илья да таковы слова:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский!
Соловей-разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный».

Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скорешенько вставал да на резвы ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко,
Тут он шапочку соболью на одно ушко,
Выходил-то он на свой широкий двор
Посмотреть на Соловья-разбойника.
Говорил Владимир-князь да таковы слова:
«Засвищи-ко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-ко, собака, по-звериному!»
Говорил Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати».
Говорил Владимир-князь да стольнокиевский:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Прикажи-ко засвистать ты Соловью да по-соловьему,
Прикажи-ко закричать да по-звериному».
Говорил Илья да таковы слова:
«Ай же Соловей-разбойник Одихмантьев сын!

Засвищи-ко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-ко ты во полкрика звериного».
Говорил-то ему Соловей-разбойник Одихмантьев сын:
«Ай же старый казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
Ай вели-ка князю ты Владимиру
Налить чару мне да зелена вина.
Я повыпью-то как чару зелена вина —
Мои раночки кровавы поразойдуться,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному».
Говорил Илья-то князю он Владимиру:
«Ты Владимир-князь да стольнокиевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ка чару зелена вина.
Ты не малую стопу — да полтора ведра,
Поднеси-ка Соловью-разбойнику».
Тут Владимир-князь да стольнокиевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зелена вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью-разбойнику.
Соловей-разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкой,
Выпил чарочку ту Соловей одним духом.
Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал разбойник по-звериному, —
Маковки на теремах покривились,
А околени во теремах рассыпались.
От него, от посвиста соловьего,
Что есть людюшек, так все мертвы лежат,
А Владимир-князь стольнокиевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старый казак да Илья Муромец
Он скорешенько садился на добра коня,

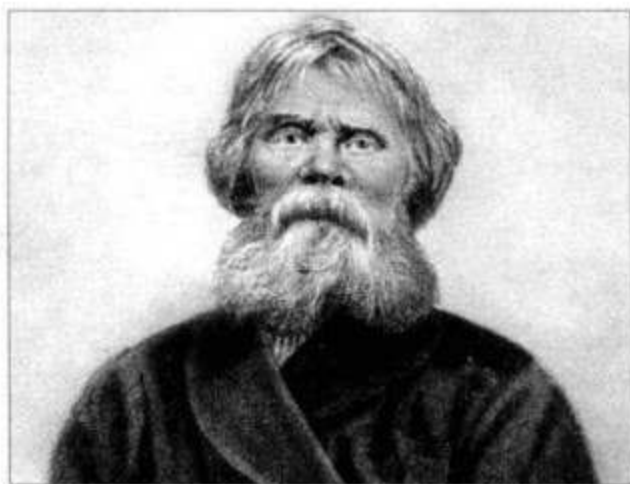
И он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
«Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых.
Тебе полно-тко спущать сиротать малых детушек!»
А тут Соловью ему и славу поют,
А й славу поют ему век по веку!

В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ БЫЛИНЫ

Былина записана от выдающегося сказителя Трофима Григорьевича Рябинина.

В тексте былины высокохудожественно, по-эпически обстоятельно разрабатывается почти каждая сцена сюжета.

Илья Муромец предпочел ехать в Киев не окольной, длинной, хотя и спокойной дорогой, а опасной, прямой, через дремучие леса. Действия богатыря наполнены особым смыслом. Северо-Восточную Русь с ее городами: Владимиром, Суздалем, Рязанью, Муромом — отделяли от Киева непроходимые в XI — XII вв. леса. Илья Муромец очистил прямоезжую дорогу от помех, чинимых на ней Соловьем-разбойником. В образе чудовищной птицы воплотились реальные черты враждовавших с Русью жителей лесного края. Крестьянин-богатырь

Т.Г. Рябинин. Рисунок по фотографии

совершил подвиг, который поставил его выше даже великого киевского князя.

Как у той ли то у Грязи-то у Черной... — Местоположение не установлено. Недалеко от Курска есть село Смородинное. В том же Курско-Орловском крае есть места, именуемые Грязью. Этими местами мог ехать Илья Муромец.

Старый-то казак да Илья Муромец... — Именование Ильи казаком появилось в былинах позже: возможно, в XVI в.

Лук разрывчатый... — Эпитет «разрывчатый» означает качество: добрый лук при спускании тетивы издавал резкий звук — «разрывал» воздух.

Око со косицею... — Косица — висок и надбровье.

Рогатины звериные... — копыта с широким железным обоюдоострым лезвием. Рогатина звериная, т.е. охотничья, а существовали еще рогатины и боевые.

На пяту он дверь-то поразмахивал... — распахивал настежь. Пята — нижний угол двери у стены, на этом месте находится шип, вставленный в гнездо.

Князья подколенные... — младшие. Колено — род, племя; здесь: родственники.

Я обедал-то у старого казака Ильи Муромца... — В древнерусской литературе, в устной поэзии некоторые явления обозначались иносказательно-символически (вспомните о былинной формуле). Так, сражение — пир, угощение; в данном случае Илья «угостил» Соловья, поэтому Соловей выполняет требования только богатыря.

Соловью... славу поют... — Речь идет не о славе в ее положительном значении (добрая молва), а о славе как песенной форме сохранения памяти о событиях, связанных с Соловьем-разбойником. Есть и подтекст в этом былинном стихе: здесь он звучит иронически.

Вопросы и задания

1. К какому герою относятся эпитеты: *дородный, добрый, славный*? Как они его характеризуют?
2. Есть ли в былинне гиперболы и какую роль они выполняют?

3. Объясните значение слов: *стольный, прямоезжая, заколодела, лазоревый, величать, в особину, воспеть*. Назовите слова, которые могут употребляться только в былинах.

4. Вам предложен план структурных частей былины. На его основе составьте цитатный план.

1. Отъезд Ильи Муромца из Муром в Киев.
2. Победа в первом бою.
3. Рассказ черниговцев о Соловье-разбойнике.
4. Встреча с Соловьем-разбойником.
5. Победа Ильи Муромца.
6. Встреча Ильи Муромца с князем Владимиром.
7. Сомнения князя Владимира.
8. Два приказа Соловью-разбойнику.
9. Расправа с Соловьем-разбойником.

5. Какие приемы народно-поэтической речи встречаются в былине «Илья Муромец и Соловей-разбойник»? Возьмите лист бумаги и слева запишите название приема, справа — пример.

Образец:

прием

пример

эпитет

славной [речки]

6*. Вы уже знакомы с отличиями стихотворной речи от прозаической, знаете, что такое силлабо-тоническая система стихосложения. Как вам кажется, в чем особенности былинного стиха по сравнению со стихотворениями, в которых использован определенный размер (ямб, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест)?

Для вас, любознательные

К темам былины неоднократно обращались многие русские поэты. Среди них — *Алексей Константинович Толстой* (1817—1875). Он родился в Петербурге, но детские годы прошли на Украине, в имении дяди — писателя Антопия Погорельского. Влияние дяди на мальчика было огромным, и это сказалось не только в страсти к книгам, особенно по истории Руси, но и в сознательном выборе литературного принципа.

Портрет А.К. Толстого в юности.
Художник К.П. Брюллов. 1836 г.

Толстого обучали его мать, гувернеры и домашние учителя. Мальчик рано начал пробовать писать. Впоследствии он вспоминал: «С шестилетнего возраста я начал марать бумагу — настолько поразили мое воображение некоторые произведения наших лучших поэтов».

Юношеские стихотворения племянника дядя показывал В.А. Жуковскому и А.С. Пушкину. Жуковский одобритительно отозвался о стихах начинающего автора. Можно себе представить, как этот отзыв окрылил Толстого.

Историческая тема нашла свое отражение в его балладах, романе «Князь Серебряный», пьесах, лучшая из которых — «Царь Федор Иоаннович». История является темой многих поэтических созданий А.К. Толстого; кроме того, в своем творчестве он часто обращался к фольклорным, в том числе и былинным, образам.

Прочитайте балладу А.К. Толстого «Илья Муромец».

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ (В сокращении)

1

Под бронею с простым набором¹,
Хлеба кус жуя,
В жаркий полдень едет бором
Дедушка Илья;

2

Едет бором, только слышно,
Как бряцает бронь,
Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир², что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнес меня ты чарой³
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

<...>

¹ Под бронею с простым набором — в броне, просто, скромно украшенной.

² Владимир — киевский князь.

³ Обнес меня ты чарой — не первому предложил на пиру чару вина и этим обидел старого богатыря.

9

Правду молвить, для княжого
Не гожусь двора;
Погулять по свету снова
Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
Мраморных тех плит;
От царьградских от куреней
Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрине,
Только киснет кровь!
Государыне-пустыне
Поклонюся вновь!

12

Вновь изведаю я, старый,
Волюшку мою —
Ну же, ну, шагай, чубарый,
Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
Просветлел опять,
По нутру его здоровым
Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
На него простор,
И смолой и земляникой
Пахнет темный бор.

1871

1. Объясните значение слов и словосочетаний: *конь чубарый; богатые сени; курень; нутро.*
2. На что в характере былинного богатыря прежде всего обращает внимание поэт?
3. Почему «ворчит Илья сердито», думая о князе Владимире? Из-за чего поселилась в сердце обида?
4. Почему Илье Муромцу «душно в Киеве», отчего там у него «киснет кровь»?
5. Что и почему заставило «старика» «просветлеть»?
- 6*. Как вы думаете, с какой целью А.К. Толстой обращается к былине и чем его баллада отличается от первоисточника?

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ПЕСНИ

Народная песня — один из древнейших жанров фольклора, тесно связанный с музыкой: как правило, текст песни и ее мелодия создавались одновременно.

Принято различать *эпические, лирические и лироэпические* народные песни.

В зависимости от условий бытования народные песни делятся на *обрядовые и необрядовые.*

ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

Обрядовая поэзия — это произведения фольклора, которые возникли и исполнялись во время совершения обрядов — установленных действий, имеющих для исполнителей магическое, бытовое и ритуально-игровое значение. Сюда относятся и заговоры, причитания, присловья, песни и др.

Существуют календарные и семейно-бытовые обряды.

Календарные обряды: новогодние, масленичные, встреча весны, троицко-семичские¹, купальские², похороны Костромы³, осенние (жатвенные).

Семейно-бытовые обряды: родильные, крестильные, свадебные, рекрутские, похоронные.

Песни обрядовые — стихотворно-музыкальный вид обрядового фольклора. Среди них выделяются заклинательные, хороводные, величальные, корильные, игровые.

Песни колядные

Девочки, колядки!	Девочки, колядки!
Душечки, колядки!	Душечки, колядки!
Да кидайте гребенки	Да пеките блины
За грядки,	Да ладки.
Да кидайте гребенки	Да пеките блины
За грядки.	Да ладки.

Песни масленичные

Наша Масленица дорогая,
Дорогая, люли, дорогая.

А что немножечко постояла,
Постояла, люли, постояла.

Ажно Масленица семь денечков,
Семь денечков, люли, семь денечков.

¹ Праздник Троицы — 50-й день после Пасхи — приходится на последний день (воскресенье) *семицкой* (то есть седьмой после Пасхи) недели. Семиком также называется четверг этой недели. Отсюда и название обряда.

² *Купальские обряды* совершаются в дни летнего солнцеворота; это «макушка лета», время наивысшего расцвета природы. Для крестьянства после Ивана Купалы (24 июня) начинается самая горячая пора — пора сенокоса и жатвы.

³ Само название — *Кострома* — происходит от слов «костер», «костричка», что означает мохнатую верхушку трав и колосьев, то есть созревающие семена, символизирующие жизнь. Древнее значение обряда и заключалось в том, чтобы помочь созреванию урожая.

Мы думали пост постити,
Пост постити, люли, пост постити.

Ко обеденке ходити,
Ай, ходити, люли, ай, ходити.

Ко попу грехи носити,
Ай, носити, люли, ай, носити.

Мы ж про все грехи расскажем,
Ай, расскажем, люли, ай, расскажем.

Про один грешок не скажем,
Ай, не скажем, люли, ай, не скажем.

Как на свете у нас соловейка,
Соловейка, люли, соловейка.

Выше садику летает,
Летает, люли, летает.

На высок терем заглядает,
Заглядает, люли, заглядает.

На Масленной неделе у Исаакиевской площади.
Литография В.Ф. Тимма. 1860-е гг.

А в том тереме девка плачет,
Девка плачет, люли, девка плачет —

За старого замуж не желает,
Не желает, люли, не желает.

Песни свадебные

ГОВОРИЛИ — СВАТЫ НА КОНЯХ БУДУТ

Говорили — сваты	А наши сваты
На конях будут.	Пешочком пришли.
Говорили — сваты	А наши сваты
На конях будут.	Пешочком пришли.
Молодого Ванечку	Ай, ноги торчат —
В мешке принесли.	Собаки гурчат.
Молодого Ванечку	Ай, ноги торчат —
В мешке принесли.	Собаки гурчат.

Ноги волокутся —
Собаки грызутся.
Ноги волокутся —
Собаки грызутся.

ВЫЛЕТАЛА СИЗАЯ ГОЛУБКА

Вылетала,	Умывалась,
Вылетала сизая голубка	Умывалась сизая голубка
На синее море.	Морскою водою.

ПОДУШЕЧКА МОЯ ПУХОВАЯ (плясовая песня)

Подушечка, подушечка	Кого люблю,
Моя пуховая,	Того поцелую,
Молодочка, молодочка	Подушечку пуховую
Моя молодая.	Тому подарю.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Лирические песни, как былины и баллады, относятся к стихотворно-музыкальному фольклору. Это песни о мыслях, чувствах, переживаниях человека. В отличие от обрядовых песен, время и обстоятельства их исполнения не зависят от совершения обрядов.

Герои лирических песен — девушка или юноша — рассказывают о своих делах и заботах: о работе по дому, беседах с родителями и подружками, друзьями, но чаще всего темой песен является любовь. Девушка поет о том, как она грустит от одиночества, привыкает к молодцу, о счастливой (или не очень счастливой) любви, о разлуке, измене. Юноша говорит в песне о своих чувствах и переживаниях, гадает, что послать любимой в подарок, мечтает иметь портрет любимой, жалуется, что невеста досталась другому, горюет о милой, выданной за старого, и т.д.

* * *

Во сыром бору кукушечка кукует,
У нас во тереме молодушка горюет:
С кем-то, с кем же будет зиму зимовать,
А еще с кем будет весну весновать?
Тошно, матушка, да весною жить одной,
Что тошнее того — нейдет ко мне милой.
Выду, выду на крылечко, постою,
Я на все четыре сторонки погляжу —
Не летит ли по зареченью сокол?
Летит, летит по зареченью сокол,
Машет, машет своим сизовым крылом.
В нас по улице метелица метет,
За метелицей там мой милый друг идет,
Машет, машет своим ситцевым платком!

* * *

Да во батюшкином во садику не с кем погулять.
Да незрелую черемушку нельзя заломать,
Да не визнавши красной девки, нельзя замуж взять.
Да я визнаю, я выгляжу, тогда возьму.

Поил-кормил сударушку, прочил за себя.
Досталася любезная другому, не мне,
Другому-то милому, злодею моему.
С того крыльца ведут к венцу сударку мою,
Жених ведет за рученьку, сваха за рукав.
Да в ворот-ворот, у воротника стоит милый друг,
Горячу слезу, слезу льет об сударке своей.
Одно говорит: «Сердце болит, не знаю, как быть,
Про такую любезную не могу забыть».

ЛИРОЭПИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

Лироэпическая народная поэзия совмещает в себе особенности лирических и эпических произведений. В ней присутствуют переживания лирического персонажа и одновременно с этим развивается сюжет. Всегда очевидны основные элементы фабулы: завязка, кульминация, развязка. Лироэпическая песня — один из наиболее древних видов фольклора. Он зародился тогда, когда еще не отделились друг от друга лирика и эпос. Лироэпическая поэзия оказала мощное влияние на развитие авторской литературы. С традициями лироэпической поэзии связан расцвет басни и баллады.

СОЛДАТСКАЯ

Дорожка моя наторенная,
Дорожка моя наторенная.
Девчонка моя зарученная,
Девчонка моя зарученная.
Заручил девку молодой солдат,
Заручил девку молодой солдат.
Заручивши, он на службу пошел,
Заручивши, он на службу пошел.
На службу пойду, семь лет не буду,
На службу пойду, семь лет не буду.
Семь лет не буду, жениться буду,
Семь лет не буду, жениться буду.
Возьму девушку семнадцати лет,
Возьму девушку семнадцати лет.

Русская деревенская песня.
Лубок¹. Середина XIX в.

¹ *Лубок* — 1) липовая доска, на которой гравировалась картинка для печатания; 2) простая и доходчивая, обычно с поясняющей подписью, картинка такого изготовления.

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ НАРОДНОЙ ПЕСНИ

Поэтический мир народной песни отличается от мира авторской лирической поэзии. Прежде всего надо обратить внимание на то, что в нем ограничено число образно-выразительных средств: эпитетов, метафор, сравнений, олицетворений и др. В обрядовой народной песне важнее был ритуал, ситуация, при которой она исполнялась, действия поющих (танец, расплетание косы, одевание невесты и др.). Обрядовые песни всегда исполнялись в движении. Может быть, именно поэтому здесь особенно важен элемент повтора отдельных, наиболее важных слов и звуков (звукопись).

Вот первая из обрядовых песен — колядная. В ней повторяются почти все лексически значимые слова: *девочки, колядки, грядки, ладки*. Кроме того, есть повтор служебного слова *да*. Почти в каждом слове присутствует звонкий звук [д]. При исполнении песни он выделяется голосом, подчеркивается.

Лирическая песня передает чувства персонажа: отношение к возлюбленному, состояние героя или героини (радость, тоску, печаль, любовное переживание). Но часто эти чувства высказаны не напрямую, ярко, а сдержанно. Лирический голос слышится в словах с уменьшительно-ласкательными суффиксами (прием, наиболее характерный для всей народной поэзии). Как правило, в лирической песне есть образ, сравнение с которым помогает раскрыть чувство лирического персонажа:

Во сыром во бору
Кукушечка кукует,
У нас во тереме
Молодушка горюет...

В лироэпических песнях также переданы чувства героя, раскрыт мир его переживаний. Но, в отличие от обрядовой и лирической песен, в лироэпической песне присутствуют элементы повествования (рассказ о событиях), художественного действия.

Вопросы и задания

1. Характерным признаком народных песен является наличие постоянных эпитетов. Они прочно прикрепляются к определенным словам и повторяются в различных песнях. Выпишите из приведенных песен словосочетания с постоянными эпитетами.
2. Одной из примет народной песни являются повторы. Внимательно рассмотрите образцы приведенных песен. Выпишите повторы.
3. Какую из приведенных песен исполнял юноша, а какую пела девушка? Аргументируйте свой ответ.
- 4*. Как вы считаете, чем лироэпическая песня отличается от лирической?

После уроков

1. При характеристике свадебных песен обычно указывается ситуация, сопутствующая исполнению той или иной песни: «пелась на девичнике», «при расплетании косы», «во время встречи невестой в ее доме жениха со свитой». Какие еще ситуации во время свадебного обряда существуют? Попробуйте узнать об этом у родителей, соседей. Может быть, они напоят вам и обрядовые, в том числе свадебные, песни? Запишите их. Затем обработайте запись дома по следующей форме: кто записал (фамилия, имя, отчество); дата (число, месяц, год); место записи (село, район, город); фамилия, имя, отчество, возраст исполнителя. Если исполнитель давал какие-либо пояснения к записи, воспроизведите и их.
2. Если в вашей школе есть краеведческий уголок, музей, посмотрите, какие в нем имеются материалы о народных песнях вашей местности. Подготовьте и проведите фольклорный вечер. Он может пройти в форме посиделок или фестиваля народного творчества. Подготовьте для вечера материал, напишите и тщательно обсудите сценарий, подберите исполнителей. Имеет смысл пригласить на этот вечер исполнителей и хранителей фольклора.

Из древнерусской литературы

Интерес к прошлому, к истории всегда был присущ людям: он неразрывно связан с интересом к настоящему. Люди, естественно, хотят, чтобы те, кто будет жить после них, знали, как жили они; хотят оставить после себя память, хотят, чтобы их жизнь не была забыта. Вместе с тем их интересует и то, как жили люди раньше. Так было всегда. Так создавалась история...

В XI — XII вв., в период расцвета Киевской Руси, была создана «Начальная русская летопись». Она рассказывала о происхождении Русского государства, о начальном периоде его истории и о первых его деятелях. Об основной теме летописец заявил во вступлении: «Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первое княжить, и откуда Русская земля стала есть». По первым словам этого вступления она называется «Повестью временных лет» («временных» означает «минувших»).

«Повесть временных лет» — древнейшее сочинение по русской истории. Это целая энциклопедия жизни нашего государства IX — XI столетий. Из нее мы узнаем и о событиях, которые имели место в те далекие времена, и о языке, и о происхождении письменности, о географических знаниях и искусстве, о международных связях и т.д. Если бы от Киевской Руси до нас не дошло ничего, кроме «Повести временных лет», то и одного этого произведения было бы достаточно, чтобы представить себе высоту русской культуры того времени.

«Повесть временных лет» сдержанна и немногословна. Она рассказывает всегда только о самом главном, важном, значи-

тельно, оставляя без внимания все мелочи. Язык летописцев богатый и точный, необычайно краткий. Мы теперь отвыкли от такой краткости, она подчас представляется нам суховатой. Только постепенно поддаемся мы обаянию образов «Повести временных лет», начинаем чувствовать ее поэтичность.

Мысли, высказанные летописцем, понятны нам, близки и дороги. Авторы нашей первой летописи гордились величием Руси и скорбели о ее страданиях, призывали к единодушной обороне Русской земли, прославляли отважных защитников Родины, клеймили позором предателей. Древние летописцы хотели видеть свою Родину славной и могучей. В истории они находили примеры и уроки для настоящего.

Т.Н. Михельсон

Вопросы и задания

1. Почему «Начальная русская летопись» стала называться «Повестью временных лет»?
2. Какие события отражены в древнейшей русской летописи?
3. О чем заботились летописцы при создании своего труда?

Пофантазируем

Попробуйте нарисовать или описать словами обложку для современного издания древнерусской летописи.

...И ВСПОМНИЛ ОЛЕГ КОНЯ СВОЕГО...

В лето 6420 (912). И жил Олег, княжа в Киеве, мир имея со всеми странами. И пришла осень, и вспомнил Олег коня своего, которого когда-то поставил кормить и уже не садился на него. Ибо когда-то спрашивал он волхвов и кудесников:

— От чего мне умереть?

И сказал ему кудесник один:

— Княже! Коня любишь и едешь на нем, — от него тебе и умереть!

И запали слова эти в душу Олегу, и сказал он:

— Никогда не сяду на него и не увижу его больше.

И повелел кормить коня и не водить его к нему, и прожил несколько лет, не видя его, пока ходил на греков.

Когда прошло четыре лета, на пятое пришел Олег от Царьграда в Киев и вспомнил своего коня, от которого когда-то волхвы предсказали ему смерть. И призвал он старейшего конюха и сказал:

— Где конь мой, которого приказал я кормить и беречь?

Он же ответил:

— Уже умер!

Олег засмеялся и укорил того кудесника, сказав:

— Неправду говорят волхвы, но все то ложь: конь умер, а я жив.

И повелел оседлать себе коня:

— Да увижу кости его.

И приехал на место, где лежали его кости голые и череп голый, слез с коня и, посмеявшись, сказал:

— От сего ли черепа смерть мне принять?

И ступил ногою на череп. И выползла змея из черепа и ужалила его в ногу. И с того разболелся и умер. И оплакивали его все люди плачем великим, и понесли его, и похоронили на горе, называемой Щековица. Есть же могила его и до сего дня, слывет могилой Олеговой. И было всех лет княжения его тридцать и три.

Вопросы и задания

?

1. Запишите ключевые слова, которые понадобятся вам для близкого к тексту пересказа.
2. «Повесть временных лет» сдержанна и немногословна», — пишет Т.Н. Михельсон. Подтвердите этот тезис характеристикой языка летописной записи «...И вспомнил Олег коня своего...».

ПОВЕСТЬ О ПЕТРЕ И ФЕВРОНИИ МУРОМСКИХ

Есть в земле Российской город, называемый Муром. В нем, как рассказывают, правил князь по имени Павел.

И вот случилось так, что дьявол, искони ненавидящий род человеческий, вселился в летающего змия и стал прилетать к жене князя. Жене князя Павла он являлся в виде змия, всем же остальным представлялось, что сам князь сидит с женою своею. Жена не утаила от мужа, что случается с нею, и рассказала ему все.

Князь задумался:

— Не знаю, что и сделать со змием, как убить его. Выспроси у него, от чего ему суждена смерть.

Когда тот злой змий опять прилетел к жене, она стала льстить ему и с почтением спросила:

— Ты много знаешь, знаешь ли кончину свою, какова она будет и от чего?

Добрый обман верной жены обманул лукавого обманщика, и ненароком он открыл ей свою тайну:

— Смерть мне суждена от Петрова плеча, от Агрикова¹ меча.

Жена поведала мужу, что сказал ей змий. Князь же недоумевал, что значит «от Петрова плеча, от Агрикова меча».

У князя Павла был брат по имени Петр, и князь рассказал ему все. Князь Петр, услышав, что змий назвал его имя, начал думать, как бы убить его. Но его смущало, что он не знал, где раздобыть Агриков меч.

Была же вне города церковь Воздвижения. Пришел в нее князь Петр помолиться, и явился ему отрок, сказавший:

— Княже! Я покажу тебе Агриков меч. Иди за мной.

И показал ему скважню в алтарной стене между керамидами², а в ней лежал меч. Доблестный князь Петр взял меч и с того дня искал подходящего времени, чтобы убить змия.

¹ *Агрик* — сказочный богатырь, по преданию побеждавший чудовищ и великанов. Владел огромным количеством оружия, среди которого был меч-кладенец.

² *Керамиды* — керамические плиты, обычно закрывающие погребения.

Каждый день Петр ходил к брату своему и к снохе приветствовать их. Случилось ему прийти в покои брата своего, и от него — в покои снохи. У нее увидел брата своего, от которого он только что вышел. Поняв пронырство лукавого змия, он, желая твердо убедиться, пошел к брату и спросил его, выходил ли он из покоев своих. Тот ответил, что не выходил и у жены своей не был. Тогда князь Петр сказал:

— Никуда не выходи из покоев своих. Я иду сразиться с лукавым змием.

И, взяв Агриков меч, пошел в покои к снохе. Там увидел он змия, видом подобного брату; но Петр, твердо удостоверившись, что это не брат, но лукавый змий, ударил его мечом. Змий обратился в свой естественный вид и пал мертвым в судорогах, забрызгав князя Петра своею кровью. От той вражьей крови тело Петра покрылось струпами и открылись язвы, и напала на него тяжкая болезнь. Стал он искать врачей, но ни один не мог ему помочь.

Прослышав, что в Рязанской земле много врачей, князь Петр повелел везти себя туда, сам же он не мог сидеть на коне от своей тяжелой болезни. Когда его привезли в Рязанскую землю, он послал своих приближенных искать врачей.

Юноша, слуга его, заехал в село Ласково. Подъехал он к воротам одного дома, во дворе не видит никого. Он вошел в дом, нет никого, кто бы его услышал; вошел в горницу и увидел чудное зрелище: сидит девица одна, ткёт полотно, а перед нею скачет заяц.

И сказала девица:

— Плохо дому без ушей, а горнице без очей.

Юноша не понял ее слов и спросил:

— Где хозяин этого дома?

Она же в ответ:

— Отец мой и мать ушли плакать взаймы, брат же мой пошел через ноги смотреть смерти в глаза.

Юноша снова не понял ее речей, только дивился, видя и слыша такие чудеса, и сказал:

— Вошел я к тебе и вижу тебя за работой и зайца, скачущего перед тобою, и слышу странные слова и не пойму, что говоришь.

— Чего же ты не понимаешь? Ты пришел в дом, и в горницу мою вошел, и увидел меня сидящей в простом платье. Если бы был во дворе пес, он почуял бы тебя и залаял: пес — уши до-

ма. А если бы в моей горнице было дите, увидело бы оно тебя и сказало мне: дите — очи дома. А отец мой и мать пошли на похороны и там плачут, а когда за ними смерть придет, другие будут плакать над ними, ибо это плач взаимный. Я говорила тебе о брате. Отец мой и брат — древолазы, в лесу они собирают с деревьев дикий мед. Брат же мой нынче пошел на свое дело, полез высоко на дерево и через ноги смотрит на землю, как бы не сорваться с высоты и не разбиться насмерть. Потому я и сказала, что он через ноги на смерть глядит.

Сказал ей юноша:

— Вижу, что ты дева мудрая. Скажи мне свое имя.

— Меня зовут Феврония.

— А я слуга муромского князя Петра. Князь тяжело болен. Весь покрыт струпьями и язвами от крови свирепого летающего змия, которого убил своею рукою. У себя он не нашел, кто бы излечил его. Потому велел привезти себя сюда, слышал, что здесь много врачей. Мы не знаем, где они живут, и ищем их здесь.

— Тот сможет его излечить, кто потребует князя твоего себе, — сказала девица.

Юноша спросил:

— Что такое ты говоришь — потребует себе. Если кто излечит князя, он того богато одарит. Скажи мне имя врача, кто он и где живет.

— Приведи князя твоего сюда. Если будет добросердечен и не высокомерен, то будет здоров.

Юноша скоро возвратился к своему князю и поведал ему все подробно, что видел и слышал от девицы. Петр велел везти себя к ней. Привезли его во двор, он послал слуг своих спросить, кто же врач, который может излечить его, и обещал его богато одарить. Девица же без обиняков ответила:

— Я — врач, но даров мне не надо. Мое слово таково: если не буду его супругой, нечего мне и лечить его.

Князь же Петр пренебрег ее словами, подумав: «Как князю взять в жены дочь древолаза?» А сам послал к ней сказать:

— Пусть лечит, если излечит, то возьму ее в жены.

Когда ей сказали слова князя, она взяла маленький сосудец, почерпнула хлебной закваски, дунула на нее и сказала:

— Истопите своему князю баню, и пусть помажет этой мазью свои струпья и язвы, но один струп пусть оставит, и будет здоров.

Князь велел затопить баню и, желая испытать, так ли мудра девица, как сказал юноша-слуга, послал ей пучок льна, сказав:

— Сия девица хочет, чтобы я взял ее в жены ради мудрости ее. Если мудра, то пусть, пока я моюсь в бане, сделает из этого пучка льна мне сорочку, порты и полотенце.

Девица, услышав слова князя, велела слуге:

— Полежай на печь и сними поленце.

Он подал ей поленце.

Она, отмерив пядь¹, сказала:

— Отсеки вот столько от полена.

Когда же слуга сделал, как она повелела, Феврония сказала:

— Возьми чурочку, дай ее князю и скажи: пока я лен очешу, пусть твой князь приготовит мне из этой чурочки станок и все снаряжение, чтобы я могла соткать ему полотно.

Слуга принес князю чурочку и передал ему слова Февронии. Князь же сказал:

— Иди, скажи девице, что невозможно сделать станок из такой чурочки и в столь короткий срок.

Слуга вернулся к Февронии и передал ей речи князя. Феврония же ответила:

— А разве возможно в такой короткий срок из такого малого пучка льна соткать взрослому мужчине сорочку, порты и полотенце?

Слуга снова пошел к князю и сказал ему ответ Февронии. Он же удивился ее мудрости.

Помылся Петр в бане и помазал язвы и струпья мазью, что дала ему Феврония. Только один струп, как она ему велела, оставил непомазанным. Вышел он из бани, а наутро увидел, что все тело здорово и гладко, только остался тот струп, что он не помазал. Дивился князь своему скорому исцелению, но не захотел взять Февронию в жены из-за ее низкого рода и послал ей дары. Она же не приняла их.

Поехал князь Петр в свою отчину, в город Муром, и был совсем здоров. Но от непомазанного струпа с первого же дня стали расходиться струпья на теле его, и вскоре он вновь покрывался струпьями и язвами.

Снова поехал князь к Февронии за исцелением. Приехав к ее дому, со стыдом послал к ней посла, прося излечить его.

¹ *Пядь* — мера длины, равная расстоянию между концами растянутых пальцев — большого и указательного (*устар.*).

Феврония же, нимало не гневаясь, сказала:

— Если будет мне супругом, будет исцелен.

Тогда он дал ей твердое слово, что возьмет ее в жены. Она же опять дала ему ту же мазь и сделала все, как я раньше писал. Князь вскоре выздоровел и взял ее в жены. Так Феврония стала княгиней. Прибыли они в отчину свою, в град Муром, и жили благочестиво и праведно.

Вскоре скончался князь Павел, о котором речь была прежде, и князь Петр стал самодержцем в городе Муроме. Бояре муромские невзлюбили Февронию из-за наветов своих жен, ибо те не хотели, чтобы государыней над ними была неродовитая. И стали они наговаривать на нее князю:

— Она за столом не умеет сидеть. А перед тем как встать, собирает со стола крохи, как голодная.

Князь Петр захотел испытать свою княгиню и повелел Февронии обедать за одним с ним столом. Когда кончился обед, она собрала в руку крохи, по своему обыкновению. Князь Петр взял ее за руку, разжал ей пальцы и увидел на ее ладони зерна благовонного ладана. С того дня он больше ее не испытывал.

Через некоторое время пришли к нему бояре в ярости и говорили:

— Хотим служить тебе по правде как нашему самодержцу, но не хотим, чтобы княгиня Феврония была государыней над нашими женами. Если хочешь быть самодержцем, найди себе другую княгиню, а Феврония пусть возьмет себе богатства всякого и идет куда хочет.

Блаженный¹ князь Петр никогда не впадал во гнев и спокойно ответил:

— Скажите о том Февронии, послушаем, что она скажет.

Неистовые же бояре, потеряв всякий стыд, устроили пир и, когда охмелели, начали как псы лаять и говорить:

— Госпожа княгиня Феврония! Весь город и бояре говорят тебе: «Дай нам то, что мы у тебя просим».

Она ответила:

— Возьмите, что просите.

Они все в один голос закричали:

— Мы, госпожа, все хотим князя Петра, пусть будет самодержцем над нами. Но наши жены не хотят, чтобы ты была госпожою над ними. Возьми богатство всякое и уходи куда хочешь.

¹ Блаженный — благой, добрый.

Феврония ответила:

— Обещала вам, что вы получите то, что просите. Дайте же и вы мне, что я попрошу у вас.

Они же, злодеи, обрадовались, не ведая будущего своего, и клятвенно обещали ей беспрекословно дать то, что она попросит. Она сказала:

— Ничего не прошу себе, только супруга моего, князя Петра.

— Если сам захочет, не будем спорить, — ответили бояре. Дьявол подсказал им: если не будет князя Петра, то поставят себе другого князя. И каждый боярин в уме своем хотел стать самодержцем.

Блаженный князь Петр не мог оставить жену свою ради княжения и решил покинуть Муром.

Злочестивые бояре приготовили им суда на реке, ибо под Муромом течет река, называемая Ока. И поплыли они вниз по реке.

Когда пришел вечер, пристали они к берегу. Князь же Петр начал думать: «Что будет дальше? Сам я своей волей отказался от княжения».

Княгиня же Феврония, поняв его мысли, сказала:

— Не скорби, князь, милостивый Бог не оставит нас в нужде.

Когда готовили ужин, повар срубил ветки и повесил на них котлы. После ужина княгиня Феврония ходила по берегу и, увидев срубленные ветки, благословила их и сказала:

— Пусть вырастут из них наутро высокие деревья с ветвями и листьями.

Так и сбылось. Встав утром, нашли, что те ветки стали большими деревьями.

Когда слуги стали складывать пожитки в суда, чтобы плыть дальше, пришли вельможи из Мурома и сказали:

— Господине княже! Мы пришли к тебе от всех вельмож и от всего города. Не оставь нас сирыми, возвращайся в отечество свое. Многие вельможи в городе друг друга перебили, ибо каждый хотел стать самодержцем, и все от меча погибли. Оставшиеся в живых все мы, хоть и прогневили тебя, молим тебя и твою княгиню: не оставляйте нас, рабов своих, хотим вас, и любим, и просим.

Вернулись в Муром князь Петр и княгиня Феврония. И княжили во граде том как чадолюбивые отец и мать. Всех равно любили, только не любили гордости и грабежа. Принимали странников, насыщали голодных, одевали нищих, избавляли несчастных от напастей.

Петр и Феврония Муромские. Современная икона

Когда же подошел конец их жизни, они стали молить Бога, чтобы им преставиться в один час. И повелели вытесать из одного большого камня единый гроб с преградой посредине, и заведывали положить тела их в том гробу. Сами же в одно время облачились в иноческие одежды и приняли монашество. Князь Петр был наречен Давыдом, а княгиня Феврония — Ефросинией.

Феврония, нареченная Ефросинией, вышивала для соборного храма Богородицы воздух¹ с ликами святых. Блаженный же князь Петр, нареченный Давыдом, прислал к ней сказать:

— Сестра Ефросиния! Душа моя уже хочет покинуть тело, но жду тебя, дабы вместе отойти.

¹ Воздух — покров для чаши.

Она же в ответ:

— Подожди, господине, дошью я покров в святую церковь.

Он вторично посылает к ней:

— Еще недолго могу ждать тебя.

И третий раз послал к ней:

— Уже час мой настал, не могу больше ждать тебя.

Она же заканчивала воздух, только у одного святого не вышила ризы¹. Кончив вышивать лицо, воткнула в покров иглу и обмотала вокруг нее нитку, которой шила, и послала к блаженному Петру, нареченному Давыдом, о том, что она готова преставиться вместе с ним. Помолившись, предали оба вместе чистые свои души в руки Божии месяца июня в 25-й день.

После их преставления захотели люди похоронить Петра внутри города, в соборной церкви Пречистой Богородицы, а Февронию — вне города, в женском монастыре, в церкви Воздвижения. И сделали им отдельные гробы, и положили их врозь. Общий же гроб, который они повелели истесать из единого камня, остался стоять пустым в соборной церкви внутри города.

Наутро люди увидели, что их гробы пусты, и тела их обретаются внутри города, в соборной церкви, в едином гробе, который они повелели для себя истесать. Неразумные люди, которые и при жизни хотели их разлучить, не захотели оставить их вместе и после их преставления. Они снова переложили их в отдельные гробы и опять разнесли по разным местам. И снова наутро обрели их в едином гробе. Уже больше не осмеливались прикоснуться к святым их телам и положили их в едином гробе, как они сами повелели, в соборной церкви Рождества Пресвятой Богородицы внутри града. И лежат они там на просвещение и на спасение граду тому.

Вопросы и задания

?

1. Подготовьте развернутый рассказ об одном из героев «Повести о Петре и Февронии Муромских». Для своего рассказа заранее подберите и запишите ключевые слова и словосочетания.
2. Кем вы представляете Февронию: доброй кудесницей, хитрой волшебницей? Или еще кем-либо? Как вы поняли ее образ, смысл ее поступков?

¹ *Риза* — парчовое, тканное золотом или серебром одеяние.

3. Объясните значение данных слов: *чадолюбивые, искони, лукавый обманщик, поведали, пронырство, дивился, наветы*.

4. В произведениях древнерусской литературы часто рассказывается о чудесах, происходящих с героями повествования. Какое чудо совершалось неоднократно после смерти Петра и Февронии? В чем смысл этого чуда? Можно ли говорить о том, что оно является символом? Какие еще эпизоды можно считать символическими?

Символ — предмет, действие, служащее условным обозначением какого-либо понятия, идеи.

5. Можно ли сказать, что Петр и Феврония защищали свое чувство во время жизни и после смерти? Обоснуйте свое суждение.

6. Вы уже наверняка обратили внимание на некоторое сходство произведений древнерусской литературы и фольклора. Устно сформулируйте свои выводы.

7*. В чем основные различия произведений устного народного творчества и древнерусских текстов?

8. Чем отличается «Повесть о Петре и Февронии Муромских» от летописной записи из «Повести временных лет»?

9*. В 5 классе вы познакомились с определением древнерусской повести и знаете, что так иногда называли *жития* — письменные рассказы о жизни святых¹. Подумайте, можно ли назвать «Повесть о Петре и Февронии Муромских» житием.

Советуем прочитать

1. *Осетров Е.* Аз — свет миру: Повесть в новеллах о Руси изустной, письменной и печатной. — М., 1989.

2. Рассказы о Древней Руси. — М., 1992.

3. *Головин Н.Н.* Моя первая русская история в рассказах для детей. — М., 1992.

¹ *Святой* — человек, который, благодаря праведной жизни, подвигам и чудесам (а иногда — мученической смерти за веру), канонизирован, то есть причислен Церковью к лику святых.

Из русской литературы XVIII века

XVIII в. — особое время в истории России. Его принято называть эпохой Петра I, временем преобразований, утверждения мощи государства Российского. Эти изменения связаны прежде всего с Петровскими реформами. Писатель Юрий Герман назвал это время художественно ярко и точно: «Россия молодая». Молодость страны — это выход России к морю, создание собственного флота, строительство северной столицы Петербурга. Это замечательные воинские победы и укрепление международной значимости Русского государства. Могущество России в глазах всего мира связано также с развитием отечественной науки и культуры. После правления Петра I к Русскому государству начинают относиться с почитательностью и уважением, иногда даже с опаской — слишком впечатляющими были победы войск царя. А.С. Пушкин писал по этому поводу: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек... Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы...»

В послепетровскую эпоху наступает новое время и для русской литературы. Она бережно хранила великие завоевания своих предшественников. Прежде всего это относится к сохранению идеи патриотизма. Берегли лучшие писатели новой России и другое достижение древнерусской литературы: умение на образах художественных произведений воспитывать человека, формировать его духовный мир. В новых условиях возникают и другие темы, другие традиции. Русская

литература развивается в контакте с мировой, прежде всего западноевропейской культурой. Одновременно с этим в произведениях русских писателей усиливается связь с устным народным творчеством. Расширяется жанровый состав произведений литературы, совершенствуется ее художественный стиль. Активную роль в реформировании литературы играют А.Д. Кантемир¹, В.К. Тредиаковский², А.П. Сумароков³ и И.Ф. Богданович⁴. Значительными явлениями в истории русской литературы становятся творения М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, А.Н. Радищева, журнальная и издательская деятельность Н.И. Новикова⁵.

КЛАССИЦИЗМ

Литературное направление — явление, художественное движение в искусстве, представители которого объединены общими эстетическими и идеологическими взглядами.

Классицизм (от *лат.* *classicus* — образцовый) как литературное направление был явлением общеевропейским.

В своем стремлении к художественному идеалу классицизм создал и закрепил строго определенную, регламентированную и упорядоченную систему норм и правил, которыми был обязан ру-

¹ *Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708–1744) — русский писатель-сатирик, видный дипломат. Автор сатир «К уму своему. На хулящих учение», «На зависть и злость дворян зловердных», басен и других произведений.

² *Тредиаковский* Василий Кириллович (1703–1768) — русский ученый, поэт, переводчик. Автор теоретической работы «Новый и краткий способ к стихосложению российских стихов», поэмы «Телемахида», басен.

³ *Сумароков* Александр Петрович (1717–1777) — русский писатель-классицист. Автор 9 трагедий, лирических стихотворений, песен и других произведений.

⁴ *Богданович* Ипполит Федорович (1743–1803) — русский поэт. Автор поэмы «Душенька» (1775). Редактор журнала «Невинное упражнение», газеты «Санкт-Петербургские ведомости».

⁵ *Новиков* Николай Иванович (1744–1818) — русский писатель, журналист, общественный деятель. Издатель сатирических журналов «Трутенъ» и «Живописец».

Пашков дом в Москве, увенчанный статуей богини Минервы — образец классицизма в архитектуре (архитектор В.И. Баженов).

Офорт Фр. Дюрфельдта (начало 1790-х гг.)

по рисунку Фр. Антига (1785–1786)

ководствоваться в своей практике деятель искусства. Это было связано с культом разума, который классицисты ставили выше чувства: «Любите разум вы — пусть он в стихах живет / И силу им, и красоту дает», — писал теоретик французского классицизма Никола Буало. Так, в драме обязательным считалось *соблюдение трех единств* — *единства времени* (действие произведения должно происходить в течение одного дня), *единства места* (действие должно происходить в одном месте) и *действия* (сюжет не должен быть разветвленным, должна выделяться одна основная мысль). Все это было необходимо для достижения правдоподобия.

Для классицизма характерно также *резкое деление персонажей на «положительных» и «отрицательных»*, каждый персонаж должен быть носителем одной, свойственной ему черты, а поскольку характеры персонажей, как правило, статичны, то есть не развиваются и не изменяются на протяжении всего действия, то часто главная черта персонажа закреплялась в его «говорящей фамилии».

Классицизм как явление культуры получил развитие и в России. К активному восприятию культурного опыта Западной Европы Россия обращается в тот момент, когда начинаются петровские преобразования. Поэтому проблема человеческой личности нашла в России своеобразное выражение. После реформ Петра I и подчинении Церкви государству культура окончательно приобретает светский характер. Главным в оценке деятельности человека становится его служение интересам государства. От обязанностей в выполнении общественного долга не мог быть свободен даже монарх. В самой личности Петра, в размахе его государственных преобразований на благо нации деятели русской культуры видели прямой пример просвещенного государя. Происходят реформы не только в области государственного устройства, в экономике, но и в языке. Русские поэты осваивают силлабическую систему стихосложения.

Силлабическое стихосложение (от гр. *syllabē* – слог) – стихосложение, основанное на соизмеримости строк по количеству слогов. При этом количество ударений не учитывается.

Однако очень скоро отечественная поэзия переходит к новой, более естественной для живого русского языка силлаботонической системе стихосложения, при которой основой ритма является упорядоченное чередование ударных и безударных слогов.

Параллельно с этим прежде всего М.В. Ломоносовым разрабатываются основы нового русского языка. Созданные Ломоносовым труды по отечественному красноречию (два варианта «Риторики»), а также первая «Российская грамматика» не утратили своего значения на протяжении всего XVIII в. А в его «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» (1757) представлена стройная теория, упорядочены «штиль» речи для различных литературных жанров.

Русский классицизм отличается утверждением патристического служения Отечеству, верой в богатые возможности национального языка.

Трудами А.Д. Кантемира, М.В. Ломоносова, В.К. Тредиаковского, А.П. Сумарокова и их последователей на русской почве

создаются национальные традиции в освоении всех жанров классицизма. Если во французском классицизме основу составляли трагедия и комедия, то в русском — сатира и лирика. Особое место торжественной лирики среди остальных жанров русского классицизма утвердилось благодаря одам Ломоносова и сохранилось почти до конца XVIII в. Традиции Ломоносова в новых исторических условиях развивал Г.Р. Державин.

Русский классицизм (в отличие от западноевропейского) не избегал национального фольклора, не считал его «низким искусством», недостойным быть источником вдохновения для писателей. Более того, в восприятии традиций народной поэтической культуры в определенных жанрах он находил благоприятную почву для своего обогащения. Именно поэтому в творчестве русских классицистов получает развитие любовная песня (А.П. Сумароков, А.Ф. Мерзляков¹), басня (В.К. Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.П. Сумароков, И.И. Дмитриев²), ироническая комедия (А.П. Сумароков, В.И. Майков³, И.Ф. Богданович).

Классицизм как литературное направление утрачивает свое значение к концу XVIII в., уступая место новым явлениям: сентиментализму и романтизму. Распадается и строгая жанровая система классицизма.

Вопросы и задания

- 1*. Сформулируйте основные идеологические и эстетические принципы классицизма.
2. В чем своеобразие русского классицизма? Ответ дайте в виде тезисного плана.
3. Назовите основные жанры русского классицизма.

¹ Мерзляков Алексей Федорович (1776–1830) — русский поэт и литературный критик, автор известной песни «Среди долины ровныя...».

² Дмитриев Иван Иванович (1760–1837) — русский поэт, баснописец, государственный деятель.

³ Майков Василий Иванович (1728–1778) — русский поэт, автор «ироико-комической» поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1771) и комической оперы «Деревенский праздник, или Увенчанная добродетель» (1777).

**МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛОМОНОСОВ**
1711—1765

Ломоносов был ученым. Его талант наиболее ярко раскрылся в конце 40—60-х гг. XVIII в. Он открыл многие законы химии и физики. В 1748 г. им был сформулирован закон сохранения массы и движения; в 1749 г. он создал механическую теорию тепла как следствия вращения частиц материи; к 1753 г. относится учение Ломоносова об атмосферном электричестве. Ему принадлежит заслуга в создании физической химии как особой науки. Он был астрономом и сделал выдающееся открытие в этой области: обнаружил наличие атмосферы у планеты Венера.

Мощно и плодотворно проявил себя Ломоносов и в гуманитарных науках: в географии (работы по исследованию Северного морского пути, сельскому хозяйству, лесоводству), риторике (ему принадлежит замечательный труд «Краткое руководство к красноречию») и грамматике («Российская грамматика»). Он сформулировал теорию о «трех штилях», оказавшую серьезное влияние на развитие русской литературы.

Патриотическое стремление создать русскую науку, которая охватывала бы все области знаний и стала бы в один ряд с наукой мировой, привело Ломоносова к изучению трудов по мировой истории и истории России. Его работы в этой области свидетельствуют об огромных знаниях и эрудиции. Для ученого характерно также привлечение в качестве исторических свидетельств данных фольклора и лингвистики. Он стал ведущим академиком в русской Академии наук, где стремился поддержать молодых талантливых ученых, заботясь о просвещении народа, величии и процветании страны. Он был одним из инициаторов создания Московского университета, который теперь носит его имя.

М.В. Ломоносов — один из первых поэтов, заложивших основы русской литературы XVIII в. Он открыл новые художественные возможности жанра оды, пробовал свои силы в эпической поэме и басне, в жанрах послания, идиллии, эпиграммы. Он совершенствовал возможности русского стихосложения, применял разнообразные стихотворные ритмы. Мысль о таланте народа, утверждение русской национальной культуры определяли основное содержание его творчества. Отсюда в его поэзии патриотическо-гражданственная тема, тема труда и науки, прославление славных военных побед России. Поэтическое творчество занимало существенное место в деятельности Ломоносова. «Стихотворство — моя утеха; физика — мои упражнения», — писал он в «Российской грамматике».

Ломоносова — поэта, теоретика литературы — в значительной степени формировала русская национальная традиция, которую он отлично знал с самого раннего детства. Свое творче-

М.В. Ломоносов. Скульптор Ф.И. Шубин.
Конец XVIII в.

ство в различных областях Михаил Васильевич рассматривал с точки зрения той пользы, которую оно приносит его «возлюбленной» — Отчизне. Патриотизм приобретает в произведениях Ломоносова характер общественной позиции ученого и поэта.

Вопросы и задания

1. Какие научные открытия сделаны Ломоносовым?
2. Как вы понимаете слова Ломоносова «стихотворство — моя утеха; физика — мои упражнения»? В чем он видел цель своего поэтического творчества?

НА ДЕНЬ ВОСШЕСТВИЯ НА ВСЕРОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ ЕЕ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ 1747 ГОДА (Отрывок)

...О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;

Императрица Елизавета Петровна.
Мозаика ломоносовской мастерской. 1758–1760 гг.

В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.
Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя Зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

1747

Ода — стихотворение в торжественном, приподнятом тоне в честь какого-либо значительного события или лица.

Вопросы и задания

1. Запишите синонимы к следующим словам, употребленным в оде М.В. Ломоносовым: *благословенны, дерзайте, ободренны, раченье*.
2. В каких строках оды выражена мысль о таланте русских людей?
3. В своей оде М.В. Ломоносов воспел науку, создал своеобразный гимн в ее честь. Выучите наизусть этот отрывок и прочитайте его выразительно.
4. Найдите элементы классицизма в оде.

Живое слово

Напишите небольшое сочинение на тему «Слава науке». Подражать поэту не следует, но его пониманием значения науки вы вполне можете руководствоваться.

ПРЕДИСЛОВИЕ О ПОЛЬЗЕ КНИГ ЦЕРКОВНЫХ В РОССИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (Отрывок)

...Как материи, которые словом человеческим изображаются, различествуют по мере разной своей важности, так и российский язык чрез употребление книг церковных по приличности имеет разные степени: высокий, посредственный и низкий. Сие происходит от трех родов речений российского языка.

К первому причитаются, которые у древних славян и ныне у россиян общеупотребительны, например: *Бог, слава, рука, ныне, почитаю*.

Ко второму принадлежат, кои хотя обще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: *отверзаю, Господень, насажденный, взываю*. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: *обаваю, рясны, овогда, свене* и сим подобные.

К третьему роду относятся, которых нет в остатках славенского языка, то есть в церковных книгах, например: *говорю, ручей, который, пока, лишь*. Выключаются отсюда презренные слова, которых ни в каком штиле употребить непристойно, как только в подлых комедиях.

От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождается три штиля: высокий, посредственный и низкий.

Первый составляется из речений славено-российских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаические речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славенским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова, однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И, словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле российского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и церковного рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли; в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, эклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских обще не употребительных вовсе удаляться по пристойности материй, каковы суть комедия, увеселительные эпиграммы, песни, в прозе дружеские письма, описание обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению. Но всего сего подобное показание надлежит до нарочного наставления о чистоте российского штиля.

УЧЕНИЕ М.В. ЛОМОНОСОВА О «ТРЕХ ШТИЛЯХ»

В «Предисловии о пользе книг церковных...» Ломоносов впервые сформулировал понимание трех родов «речений», которые непосредственно связаны с «тремя штилями» литературы. Предшественники Ломоносова в основу классификации ставили жанр; Ломоносов — «материю», то есть предмет, о котором идет речь. В соответствии с этим дается распределение

«Собрание разных сочинений» М.В. Ломоносова.
Титульный лист первой книги. Издание Академии наук. 1751 г.

М.В. Ломоносов. Гравюра М. Шрейера с оригинала Шульце

лексики по трем «речениям»: к «высокому» относятся слова, находившиеся в употреблении «у древних славян и ныне у россиян»; к «среднему» — малоупотребительные, но понятные грамотным людям; к «низкому» — разговорная лексика, отсутствующая в «церковных книгах».

Данная характеристика «речений» позволяет Ломоносову сформулировать учение о «трех штилях», где каждый стиль уже прикрепляется к определенному жанру литературы.

Вопросы и задания

1. Выясните по словарю значение непонятных для вас слов.
2. Определите, к каким «штилям» должны относиться произведения различных жанров. Составьте вслед за Ломоносовым данную классификацию.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

М.В. ЛОМОНОСОВА

Вы уже познакомились с определением оды и прочитали отрывок из оды Ломоносова. Отметим ключевые словосочетания в определении: *торжественный, приподнятый тон; значительное событие; значительное лицо*.

1. Какому значительному событию и значительному лицу посвящает поэт свою оду?

Торжественность, одический (возвышенный) стиль произведению придают различные элементы, в частности «высокая» лексика и частое употребление риторических фигур.

2. Выпишите из прочитанного вами отрывка оды слова, относящиеся к «высокому штилю».

К *риторическим фигурам* относят синтаксические средства выразительности (*риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение* и др.). Прилагательное *риторический* образовано от слова *риторика* — наука о красноречии, ораторском искусстве (*rheto(r) (гр.)* — оратор, то есть человек, обладающий даром красноречия, искусством выразительной речи). *Риторический* — относящийся к риторике. *Вопрос* — словесное обращение, требующее ответа.

Риторический вопрос — фигура, в которой в форме вопроса содержится утверждение. Риторический вопрос не требует ответа, он используется, чтобы усилить эмоциональность, выразительность речи.

Есть риторический вопрос и в оде «На день восшествия...»:

Какая светлость окружает
В толикой светлости Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!..

3. Какая важная для поэта мысль усиливается с помощью риторического вопроса?

Значительно больше в тексте оды риторических восклицаний и риторических обращений. Вспомните их определения из учебника 5 класса.

Особую атмосферу торжественности, достоверности в передаче величия и необычности происходящего достигает М.В. Ломоносов, переплетая, ставя рядом риторический вопрос и риторическое обращение, например:

Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?

4. Какие риторические фигуры и тропы использованы М.В. Ломоносовым в данной строфе?

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

5. Укажите тропы и фигуры в отрывке «О вы, которых ожидает...». Определите выразительную роль каждого художественного средства.

После уроков

Подготовьте материал к выставке о М.В. Ломоносове, эпиграфом к которой можете взять слова А.С. Пушкина: «Ломоносов был великий человек... Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». Найдите сочинения великого писателя и ученого, литературу о его жизни, фоторепродукции. Обратитесь к преподавателям физики, химии — они дополнят вашу выставку интересными экспонатами. Составьте текст экскурсии по созданной вами выставке.

Деревня Денисовка Холмогорского уезда
Архангельской губернии — родина М.В. Ломоносова.
Гравюра. XIX в.

Советуем прочитать

1. Лебедев Е.Н. Ломоносов. — М., 1990.
2. Осокин В. Российскую землей рожденный. — М.: Русское слово — РС, 2008.

ГАВРИИЛ
РОМАНОВИЧ
ДЕРЖАВИН
1743—1816

<...> Тогда все поэты служили — звания писателя не существовало. Общественное значение литературы уже признавалось, но на занятие литературой смотрели как на частное дело, а не общественное. Что касается Державина, то в его понятиях поэзия и служба были связаны особенным образом.

Он, конечно, не думал, что чин или орден могут прибавить достоинства его стихам; равным образом не смотрел он и на стихи как на способ для добывания орденов и чинов; это пошлое представление пора забыть. Дело обстояло иначе, гораздо серьезнее и достойнее. К началу 80-х гг. (XVIII в. — *Ред.*), когда Державин достиг довольно заметного положения в службе и стал выдвигаться в литературе, поэзия и служба сделались для него как бы двумя поприщами единого гражданского подвига.

Поездка по Волге, предпринятая Екатериной в 1767 г., подтвердила ее неутешительные мысли о внутреннем положении России. Случаю было угодно, чтобы эти печальные наблюдения были сделаны в тех самых местах, где прошло горькое детство Державина и невеселая его юность. Угнетение, произвол, бесправие, бессудье — вот что увидела государыня во глубине страны. То, что ей было показано лишь издали и отчасти, Державину было давно ведомо безо всяких прикрас по личному опыту и по опыту его близких. Врожденная бедность, несмотря на дворянское звание, рано приблизила его к простому народу, и память об этой близости никогда в нем не угасала: жила в воспоминаниях об избитом отце, о челобитнице-матери¹, плачу-

¹ *Челобитчик* — тот, кто подает челобитную; проситель, истец.

щей у приказных дверей¹, о собственном сиротстве, о грубостях и обидах солдатчины; жила эта память и в складе его ума, отчасти мужицкого, и в чертах житейского обихода, и в отношении к собственным крепостным, и, наконец, — в самом языке его... <...>

Под словом *народ* он склонен был разуметь всю нацию, и это ему удавалось, пока шла речь о делах военных или дипломатических, пока *русский* народ противопоставлялся какому-нибудь иному. Но лишь только взор Державина обращался во глубину страны, непосредственное чувство тотчас побуждало его звать народом лишь обездоленную, бесправную часть нации. Дело однако шло вовсе не об одном крестьянстве: бедный дворянин, вотще² ищущий суда и управы на богатого соседа, или мелкий чиновник, прижимаемый крупным, в глазах Державина были такими же представителями народа, как и крестьянин, страждущий от произвола помещичьего. Словом, так выходило, что кто страдает, тот и принадлежит к народу; царь же народный — защита и Покров всего слабого и угнетаемого от всего сильного и угнетающего.

На Екатерину Державин взирал с благоговением. Он ожидал, что именно ей дано стать такой народной монархиней, «радостию сердец», способной облегчить народную долю, защитить слабых, укротить сильных, утереть слезы вдов и сирот.

<...> После того как существующее законодательство было с высоты трона объявлено несовершенным и не ограждающим народа от произвола и кривотолка; после того как отсутствие законности было призвано первым злом русской жизни; после того как законопослушание было названо основной добродетелью не только подданного, но и монарха, — у Державина, можно сказать, открылись глаза. Простое слово *Закон* в русском тогдашнем воздухе прозвучало как откровение. Для Державина оно сделалось источником самых высоких и чистых чувств, предметом сердечного умиления. *Закон* стал как бы новой его религией, в его поэзии слово *Закон*, как Бог, стало окружено любовью и страхом.

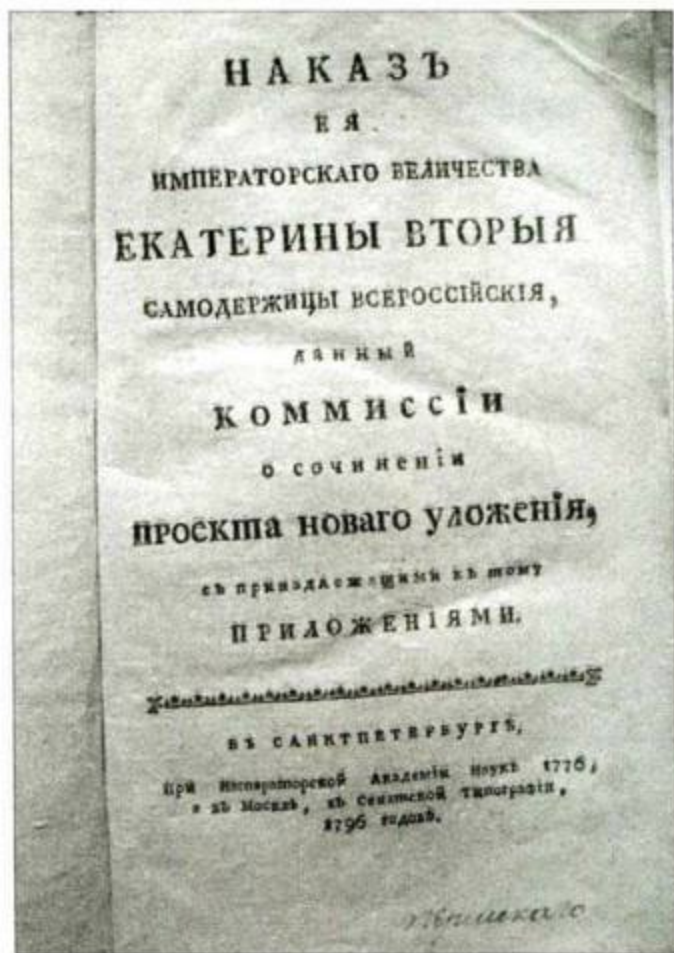
В.Ф. Ходасевич

¹ *Приказ* — учреждение, ведавшее отдельной отраслью государственного управления в Русском государстве с XVI до начала XVIII в. *Приказная дверь* (перен. знач.) — здание, где размещался приказ; дверь в чиновничье ведомство.

² *Вотще* — тщетно, напрасно.

1. Составьте тезисный план фрагмента из книги В.Ф. Ходасевича о Г.Р. Державине.
2. Какие взгляды Г.Р. Державина вызывают у вас наибольшее сочувствие и уважение? Свой ответ аргументируйте.

Наказ Екатерины II комиссии
по сочинению проекта нового Уложения
законов Российской империи.

Титульный лист. 1776 г.

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний Бог, да судит
Земных богов во сонме¹ их;
Доколе, рек², доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют³! видят — и не знают!
Покрыты мздою⁴ очеса⁵:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

¹ *Сонм* — сход, съезд, собор, собрание, сборище, толпа.

² *Ректи* — говорить.

³ *Внимать* — слушать, прислушиваться; усваивать слышанное или читанное; слушаться, применять наставления к делу.

⁴ *Мзда* — награда или возмездие; плата, вознаграждение, воздаяние; барыш, прибыль, корысть, добыча.

⁵ *Очеса* — глаза.

Императрица Екатерина II в образе Фемиды.
Скульптор М.И. Козловский. 1796 г.

Воскресни, Боже! Боже правых!
И их молению внимли:
Приди, суди, карай лукавых
И будь един царем земли!

1780

В МИРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО СЛОВА Г.Р. ДЕРЖАВИНА

1. Насколько, по вашему мнению, совпадают взгляды Г.Р. Державина с позицией поэта, выраженной в стихотворении? Аргументируйте свой ответ материалами из книги В.Ф. Ходасевича и цитатами из стихотворения.
2. Вспомните определения стихотворения из учебников 5 и 6 классов. Прочитайте приведенное ниже определение. Что нового о стихотворении вы узнали?

Стихотворение — небольшое поэтическое произведение, написанное ритмизованной речью, стихами. Термин «стихотворение» объединяет разнообразные стихотворные жанры: оду, балладу, элегию, послание и др.; с XIX века является универсальным жанром лирики как рода литературы.

Г.Р. Державин многократно говорил о величии и красоте «славяно-русского» языка, который, по его мнению, «не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейския: итальянский, французский и испанский, колыми паче немецкий, хотя некоторые из новейших их писателей и в сладкозвучии нарочитые успехи показали». Уже уходящие из «славяно-русского» языка слова Г.Р. Державин употреблял намеренно, создавая особый колорит. Вместе с тем его поэзия уже значительно обогащена новой лексикой, она является непосредственной предшественницей созданного А.С. Пушкиным литературного языка.

3. Какие значения слов *сонм, мзда, внимать*, на ваш взгляд, наиболее уместны при осмыслении стихотворения Г.Р. Державина?

4. Чем обеспокоен поэт? Ответ сформулируйте письменно.

5. Какова, на ваш взгляд, основная тема стихотворения?

Г.Р. Державин и от себя, и от других авторов требовал строгого отношения к каждому слову, ибо слово — носитель какого-то мотива, темы в стихотворной речи. Он писал: «Повторение одних и тех же мыслей, одетых только другими словами, без чувств, не токмо бывает не нужно, но и неприятно. В том великая тайна, чтоб проницательную, быструю душу уметь занимать всегда новым любопытством».

6. Помимо основной темы в стихотворении есть еще и микро-темы — мотивы. Назовите их.

7. Как характеризуют Г.Р. Державина высказанные им мысли? Подберите ключевые слова для ответа на данный вопрос.

8. Как вы понимаете концовку стихотворения?

9. Найдите в тексте стихотворения риторические фигуры. Объясните их выразительную роль.

Державин уделял огромное внимание художественно-выразительным средствам поэтической речи. Он утверждал: «Новость, или необыкновенность чувств и выражений, заключает-

Г.Р. Державин.
Художник В.Л. Боровиковский. 1794–1795 гг.

ся в том, что когда поэт неслыханными прежде на его языке изречениями, подобиями, чувствами или картинами поражает и восхищает слушателей, излагая мысли свои в прямом или переносном смысле, так чтобы они по сходству с употребительными, известными картинами, или самою природою, по тем или другим качествам, не взирая на свою новость, тотчас ясны становились и пленяли разум».

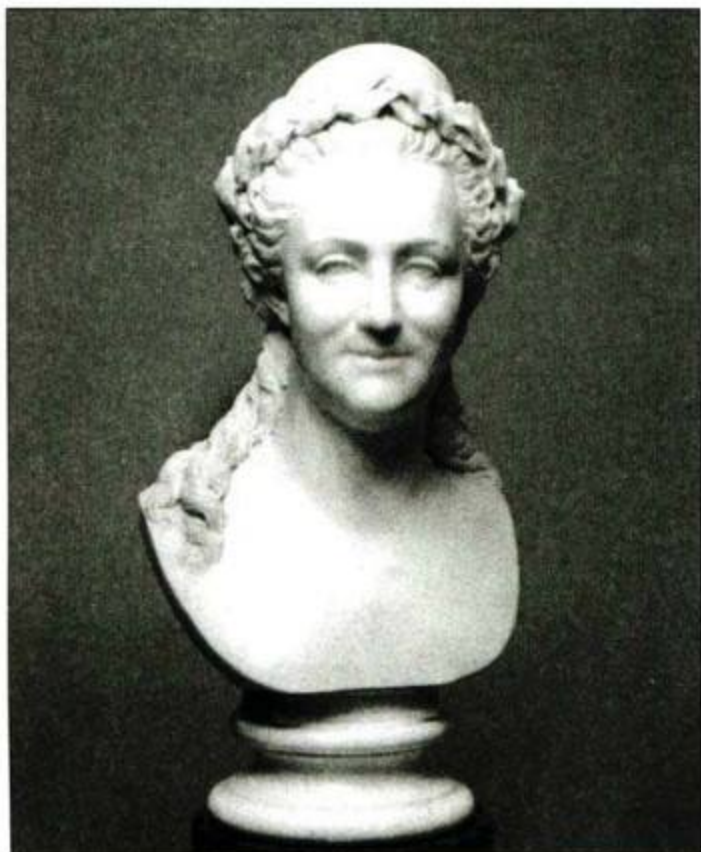
10. Обратите внимание на другие художественно-выразительные средства поэтической речи Г.Р. Державина: повторы, сравнения, метафоры, эпитеты. Выпишите их. Какую художественную функцию они выполняют?

11. Попробуйте сформулировать тезис о сходстве и различии стихотворения Г.Р. Державина и оды М.В. Ломоносова.

12. Найдите элементы классицизма в стихотворении.

13*. «Властителям и судиям» представляет собой поэтическое переложение 81 псалма из книги Ветхого Завета «Псалтырь». Найдите текст псалма и сравните стихотворение Г.Р. Державина с первоисточником.

14. Выучите стихотворение Г.Р. Державина «Властителям и судиям» наизусть и прочитайте его выразительно.

Императрица Екатерина II.
Скульптор Ф.И. Шубин. Начало 1770-х гг.

Для вас, любознательные

Прочитайте фрагмент статьи Н.В. Гоголя «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность». Согласны ли вы с писателем? Свой ответ аргументируйте.

«Мысль о сходстве Ломоносова с Державиным, приходящая в ум при первом взгляде на них обоих, исчезнет вдруг, как только всмотришься покрепче в Державина. Всем, даже самым воспитаньем, последний представляет совершенную противоположность первому. Как один весь предался наукам, считая стихотворство свое только развлеченьем и делом отдохновения, так другой предался весь своему стихотворству, считая

многостороннее образование науками лишним и ненужным. То же самодержавное, государственное величие России слышится и у него; но уже видны не одни только географические очерки государства: выступают люди и жизнь. Не отвлеченные науки, но наука жизни его занимает. Оды его обращаются уже к людям всех сословий и должностей, и слышно в них стремление начертать закон правильных действий человека во всем, даже в самых его наслаждениях. У него выступило уже творчество. У него есть что-то еще более исполинское и парящее, нежели у Ломоносова. Недоумевает ум решить, откуда взялся в нем этот гиперболический размах его речи. Остаток ли это нашего сказочного русского богатырства, которое в виде какого-то темного пророчества носится до сих пор над нашею землею, прообразуя что-то высшее, нас ожидающее, или же это навеялось на него отдаленным татарским его происхождением, степями, где бродят бедные останки орд, распаляющие свое воображение рассказами о богатырях в несколько верст вышиною, живущих по тысяче лет на свете, — что бы то ни было, но это свойство в Державине изумительно. Иногда бог весть как издалека забирает он слова и выраженья затем именно, чтобы стать ближе к своему предмету. Дико, громадно все; но где только помогла ему сила вдохновенья, там весь этот громозд служит на то, чтобы неестественною силою оживить предмет, так что кажется, как бы тысячею глазами глядит он. Стоит пробежать его «Водопад», где, кажется, как бы целая эпопея слилась в одну стремящуюся оду. В «Водопаде» перед ним пигмеи другие поэты. Природа там как бы высшая нами зримой природы, люди могучее нами известных людей, а наша обыкновенная жизнь перед величественной жизнью, там изображенной, точно муравейник, который где-то далеко копышется вдали. О Державине можно сказать, что он — певец величия. Все у него величаво: величав образ Екатерины, величава Россия, озирающая себя в осьми морях своих; его полководцы — орлы; словом — все у него величаво».

Советуем прочитать

Эйдельман Н.Я. Твой XVIII век. Прекрасен наш союз... — М., 1991. (Материал о Г.Р. Державине.)

ДЕНИС
ИВАНОВИЧ
ФОНВИЗИН
1744—1792

Современного читателя отделяют от эпохи Фонвизина целые два с половиной столетия, но трудно найти человека, который бы не знал, что «недоросль» — это великовозрастный недоручка, или не слышал бы превратившихся в поговорки реплик «не хочу учиться, а хочу жениться», «зачем география, когда извозчики есть» и других фонвизинских выражений. Образы и шутки из комедий Фонвизина «Бригадир» и «Недоросль» стали частью нашего лексикона.

Фонвизин принадлежал к поколению молодых дворян, которые получили образование в Московском университете. В 1755 г. он был определен в университетскую гимназию, которая готовила своих воспитанников к переводу в студенты, и проучился в ней до 1762 г. В столице началось серьезное политическое образование Фонвизина. Он оказался в курсе разнообразных суждений о предполагаемых реформах, тех споров, которые предшествовали столь важным событиям в истории русской общественной мысли. Писатель присоединился к тем, кто выступал за отмену крепостного права.

Фонвизин слишком хорошо знал русское дворянство, чтобы ожидать от него поддержки при осуществлении просветительской программы. Но он верил в действенность пропаганды просветительских идей, под влиянием которых должно было сформироваться новое поколение. Как он полагал, они станут помощниками и опорой просвещенного государя, целью которого будет благо Отечества и нации.

Просветительство (просвещение) — идейное течение эпохи перехода от феодализма к капитализму. В России идеология Просвещения возникла в XVIII в. Деятели Просвещения боролись за установление «царства разума», за политическую свободу и гражданское равенство. Особая роль отводилась распространению знаний.

Автор «Бригадира» и «Недоросля» стал создателем общественной комедии в России.

Вам предстоит прочитать комедию Д.И. Фонвизина. Это первое драматическое произведение, которое вы изучаете в школе. Читать пьесу нужно по-особому: ведь автор не может вмешаться в ход событий, не введет лирические отступления, не даст вставные эпизоды. Все строится на разговоре персонажей, на диалоге. Поэтому здесь важно не только то, о чем говорят, но и то, как говорят, в каких обстоятельствах происходит действие. На это указывают ремарки.

Драма — род литературных произведений, построенных в форме диалога без авторской речи и предназначенных для исполнения на сцене; произведения подобного рода, серьезного, но не героического содержания (в отличие от комедии и трагедии).

Ремарка — пояснение автора в тексте пьесы (обычно в скобках), связанное с обстановкой действия, поступками героев, интонацией, мимикой и т.д.

Вопросы и задания

1. Расскажите об образовании, полученном Д.И. Фонвизиним.
2. Своими словами дайте определение понятиям «драма» и «просветительство».

НЕДОРОСЛЬ (В сокращении)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Простаков.
Г-жа Простакова, жена его.
Митрофан, сын их, недоросль.
Еремеевна, мама Митрофанова.
Правдин.
Стародум.
Софья, племянница Стародума.
Милон.
Скотинин, брат г-жи Простаковой.
Кутейкин, семинарист.
Цыфиркин, отставной сержант.
Вральман, учитель.
Тришка, портной.
Слуга Простакова.
Камердинер Стародума.

Действие в деревне Простаковых.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ ЯВЛЕНИЕ I

Г-жа Простакова, Митрофан, Еремеевна.

Г-жа Простакова (*осматривая кафтан на Митрофане*). Кафтан весь испорчен. Еремеевна, введи сюда мошенника Тришку. (*Еремеевна отходит.*) Он, вор, везде его обузил. Митрофанушка, друг мой! Я чаю, тебя жмет до смерти. Позови сюда отца.

Митрофан отходит.

ЯВЛЕНИЕ II

Г-жа Простакова, Еремеевна, Тришка.

Г-жа Простакова (*Тришке*). А ты, скот, подойди поближе. Не говорила ль я тебе, воровская харя, чтоб ты кафтан пустил шире. Дитя, первое, растет; другое, дитя и без узкого кафтана деликатного сложения. Скажи, болван, чем ты оправдаешься?

Тришка. Да ведь я, сударыня, учился самоучкой. Я тогда же вам докладывал: ну, да извольте отдавать портному.

Г-жа Простакова. Так разве необходимо надобно быть портным, чтобы уметь сшить кафтан хорошенько. Экое скотское рассуждение!

Тришка. Да вить портной-то учился, сударыня, а я нет.

Г-жа Простакова. Ища он же и спорит. Портной учился у другого, другой у третьего, да первое портной у кого же учился? Говори, скот.

Тришка. Да первое портной, может быть, шил хуже и моего.

Митрофан (*вбегают*). Звал батюшку. Изволил сказать: тотчас.

Г-жа Простакова. Так поди же вытащи его, коли добром не дозовешься.

Митрофан. Да вот и батюшка.

ЯВЛЕНИЕ III

Те же и Простаков.

Г-жа Простакова. Что, что ты от меня прятаться изволишь? Вот, сударь, до чего я дожила с твоим потворством. Какова сыну обновка к дядину сговору? Каков кафтанец Тришка сшить изволил?

Простаков (*от робости запинаясь*). Ме... мешковат немного.

Г-жа Простакова. Сам ты мешковат, умная голова.

Простаков. Да я думал, матушка, что тебе так кажется.

Г-жа Простакова. А ты сам разве ослеп?

Простаков. При твоих глазах мои ничего не видят.

Г-жа Простакова. Вот каким муженьком наградила меня Господь: не смыслит сам разобрать, что широко, что узко.

Простак ов. В этом я тебе, матушка, и верил и верю.

Г-жа Простак ова. Так верь же и тому, что я холопам потакать не намерена. Поди, сударь, и теперь же накажи...

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Кого? За что? В день моего сговора! Я прошу тебя, сестрица, для такого праздника отложить наказание до завтра; а завтра, коль изволишь, я и сам охотно помогу. Не будь я Тарас Скотинин, если у меня не всякая вина виновата. У меня в этом, сестрица, один обычай с тобою. Да за что ж ты так прогневалась?

Г-жа Простак ова. Да вот, братец, на твои глаза пошло. Митрофанушка, подойди сюда. Мешковат ли этот кафтан?

Скотинин. Нет.

Простак ов. Да я и сам уже вижу, матушка, что он узок.

Скотинин. Я и этого не вижу. Кафтанище, брат, сшит изряднехонько.

Г-жа Простак ова (Тришке). Выйди вон, скот. (Еремеевне.) Поди ж, Еремеевна, дай позавтракать робенку. Вить, я чаю, скоро и учителя придут.

Еремеевна. Он уже и так, матушка, пять булочек скушать изволил.

Г-жа Простак ова. Так тебе жаль шестой, бестия? Вот какое усердие! Изволь смотреть.

Еремеевна. Да во здравие, матушка. Я вить сказала это для Митрофана же Терентьевича. Протосковал до самого утра.

Г-жа Простак ова. Ах, Мати Божия! Что с тобою сделалось, Митрофанушка?

Митрофан. Так, матушка. Вчера после ужина схватило.

Скотинин. Да, видно, брат, поужинал ты плотно.

Митрофан. А я, дядюшка, почти и вовсе не ужинал.

Простак ов. Помнится, друг мой, ты что-то скушать изволил.

Митрофан. Да что! Солонины ломтика три, да подовых, не помню, пять, не помню, шесть.

Еремеевна. Ночью то и дело испить просил. Квасу целый кувшинец выкушать изволил.

Иллюстрации к комедии — художник Н. Муратов

М и т р о ф а н. И теперь как шальной хожу. Ночь всю така дрянь в глаза лезла.

Г-жа П р о с т а к о в а. Какая ж дрянь, Митрофанушка?

М и т р о ф а н. Да то ты, матушка, то батюшка.

Г-жа П р о с т а к о в а. Как же это?

М и т р о ф а н. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку.

П р о с т а к о в (в сторону). Ну, беда моя! Сон в руку!

М и т р о ф а н (разнежась). Так мне и жаль стало.

Г-жа Простакова (с досадою). Кого, Митрофанушка?
Митрофан. Тебя, матушка: ты так устала, колотя ба-
тюшку.

Г-жа Простакова. Обойми меня, друг мой сердеч-
ный! Вот сынок, одно мое утешение.

Скотинин. Ну, Митрофанушка, ты, я вижу, матушкин
сынок, а не батюшкин!

Простаков. По крайней мере я люблю его, как надле-
жит родителю, то-то умное дитя, то-то разумное, забавник, за-
тейник; иногда я от него вне себя и от радости сам истинно не
верю, что он мой сын.

С к о т и н и н. Только теперь забавник наш стоит что-то нахмурясь.

Г-жа П р о с т а к о в а. Уж не послать ли за доктором в город?

М и т р о ф а н. Нет, нет, матушка. Я уж лучше сам выздоровлю. Побегут-ка теперь на голубятню, так авось-либо...

Г-жа П р о с т а к о в а. Так авось-либо Господь милостив. Поди, порезвись, Митрофанушка.

Митрофан с Еремеевною отходят.

ЯВЛЕНИЕ VI

Т е ж е и С о ф ь я.

С о ф ь я вошла, держа письмо в руке и имея веселый вид.

Г-жа П р о с т а к о в а (*Софье*). Что так весела, матушка? Чему обрадовалась?

С о ф ь я. Я получила сейчас радостное известие. Дядюшка, о котором столь долго мы ничего не знали, которого я люблю и почитаю, как отца моего, на сих днях в Москву приехал. Вот письмо, которое я от него теперь получила.

Г-жа П р о с т а к о в а (*испугавшись, с злобою*). Как! Стародум, твой дядюшка, жив! И ты изволишь затевать, что он воскрес! Вот изрядный вымысел!

С о ф ь я. Да он никогда не умирал.

Г-жа П р о с т а к о в а. Не умирал! А разве ему и умереть нельзя? Нет, сударыня, это твои вымыслы, чтоб дядюшкою своим нас застращать, чтоб мы дали тебе волю. Дядюшка-де человек умный; он, увидя меня в чужих руках, найдет способ меня выручить. Вот чему ты рада, сударыня; однако, пожалуй, не очень веселись: дядюшка твой, конечно, не воскресал.

С к о т и н и н. Сестра, ну да коли он не умирал?

П р о с т а к о в а. Избави Боже, коли он не умирал!

Г-жа П р о с т а к о в а (*к мужу*). Как не умирал! Что ты бабушку путаешь? Разве ты не знаешь, что уж несколько лет от меня его и в памятцах за упокой поминали? Неужто-таки и грешные-то мои молитвы не доходили! (*К Софье*.) Письмецо-то мне пожалуй. (*Почти вырывает.*) Я об заклад бьюсь, что оно какое-нибудь амурное. И догадываюсь от кого. Это того офицера, который искал на тебе жениться и за которого ты сама идти

хотела. Да которая бестия без моего спросу отдает тебе письма! Я доберусь. Вот до чего дожили. К деушкам письма пишут! деушки грамоте умеют!

С о ф ь я. Прочтите его сами, сударыня. Вы увидите, что ничего невиннее быть не может.

Г-жа П р о с т а к о в а. Прочтите его сами! Нет, сударыня, я, благодаря Бога, не так воспитана. Я могу письма получать, а читать их всегда велю другому. (*К мужу.*) Читай.

П р о с т а к о в (*долго смотря*). Мудрено.

Г-жа П р о с т а к о в а. И тебя, мой батюшка, видно, воспитывали, как красную девицу. Братец, прочти, потрудись.

С к о т и н и н. Я? Я отроду ничего не читывал, сестрица! Бог меня избавил от этой скуки.

С о ф ь я. Позвольте мне прочесть.

Г-жа П р о с т а к о в а. О матушка! Знаю, что ты мастерица, да лих не очень тебе верю. Вот, я чаю, учитель Митрофанушкин скоро придет. Ему велю...

С к о т и н и н. А уж зачали молодца учить грамоте?

Г-жа П р о с т а к о в а. Ах, батюшка братец! Уж года четыре как учится. Нечего, грех сказать, чтоб мы не старались воспитывать Митрофанушку. Троицким учителям денежки платим. Для грамоты ходит к нему дьячок от Покрова, Кутейкин. Арифметике учит его, батюшка, один отставной сержант, Цыфиркин. Оба они приходят сюда из города. Вить от нас и город в трех верстах, батюшка. По-французски и всем наукам обучает его немец Адам Адамыч Вральман. Этому по триста рубликов на год. Сажаем за стол с собою. Белье его наши бабы моют. Куда надобно — лошадь. За столом стакан вина. На ночь сальная свеча, и парик направляет наш же Фомка даром. Правду сказать, и мы им довольны, батюшка братец. Он робенка не неволит. Вить, мой батюшка, пока Митрофанушка еще в недорослях, пота¹ его и понежить; а там лет через десяток, как войдет, избави Боже, в службу, всего натерпится. Как кому счастье на роду написано, братец. Из нашей же фамилии Простаковых, смотри-тка, на боку лежа, летят себе в чины. Чем же плоше их Митрофанушка? Ба! да вот пожаловал кстати дорогой наш постоялец.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

П р а в д и н, М и л о н.

М и л о н. Как я рад, мой любезный друг, что нечаянно увиделся с тобою! Скажи, каким случаем...

П р а в д и н. Как друг, открою тебе причину моего здесь пребывания. Я определен членом в здешнем наместничестве. Имею повеление объехать здешний округ; а притом, из собственного подвига сердца моего, не оставляю замечать тех зло-

¹ *Пота* — до тех пор.

нравных невежд, которые, имея над людьми своими полную власть, употребляют ее во зло бесчеловечно. Ты знаешь образ мыслей нашего наместника. С какою ревностью помогает он страждущему человечеству! С каким усердием исполняет он тем самым человеколюбивые виды вышней власти! Мы в нашем краю сами испытали, что где наместник таков, каковым изображен наместник в Учреждении, там благосостояние обитателей верно и надежно. Я живу здесь уже три дни. Нашел помещика дурака бесчисленного, а жену презлую фурию, которой адский нрав делает несчастье целого их дома. Ты что задумался, мой друг, скажи мне, долго ль здесь останешься?

М и л о н. Через несколько часов иду отсюда.

П р а в д и н. Что так скоро? Отдохни.

М и л о н. Не могу. Мне велено и солдат вести без замедления... да, сверх того, я сам горю нетерпением быть в Москве.

П р а в д и н. Что причиною?

М и л о н. Открою тебе тайну сердца моего, любезный друг! Я влюблен и имею счастье быть любим. Больше полугода, как я в разлуке с тою, которая мне дороже всего на свете, и, что еще горестнее, ничего не слыхал я о ней во все это время. Часто, приписывая молчание ее холодности, терзался я горестию; но вдруг получил известие, которое меня поразило. Пишут ко мне, что, по смерти ее матери, какая-то дальняя родня увезла ее в свои деревни. Я не знаю: ни кто, ни куда. Может быть, она теперь в руках каких-нибудь корыстолюбцев, которые, пользуясь сиротством ее, содержат ее в тиранстве. От одной этой мысли я вне себя.

П р а в д и н. Подобное бесчеловечие вижу и в здешнем доме. Ласкаюсь, однако, положить скоро границы злобе жены и глупости мужа. Я уведомил уже о всех здешних варварствах нашего начальника и не сомневаюсь, что унять их возьмутся меры.

М и л о н. Счастлив ты, мой друг, будучи в состоянии облегчать судьбу несчастных. Не знаю, что мне делать в горестном моем положении.

П р а в д и н. Позволь мне спросить об ее имени.

М и л о н *(в восторге)*. А! вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

С о ф ь я *(в восхищении)*. Милон! тебя ли я вижу?

П р а в д и н. Какое счастье!

М и л о н. Вот та, которая владеет моим сердцем. Любезная Софья! Скажи мне, каким случаем здесь нахожу тебя?

С о ф ь я. Сколько горестей терпела я со дня нашей разлуки! Бессовестные мои свойственники...

П р а в д и н. Мой друг! не спрашивай о том, что столько ей прискорбно... Ты узнаешь от меня, какие грубости...

М и л о н. Недостойные люди!

С о ф ь я. Сегодня, однако же, в первый раз здешняя хозяй-

ка переменяла со мною свой поступок. Услыша, что дядюшка мой делает меня наследницею, вдруг из грубой и бранчивой сделалась ласковою до самой низкости, и я по всем ее обиньякам вижу, что прочит меня в невесты своему сыну.

М и л о н (с нетерпением). И ты не изъявила ей тот же час совершенного презрения?..

С о ф ь я. Нет...

М и л о н. И не сказала ей, что ты имеешь сердечные обязательства, что...

С о ф ь я. Нет...

М и л о н. А! теперь я вижу мою погибель. Соперник мой счастлив! Я не отрицаю в нем всех достоинств. Он, может быть, разумен, просвещен, любезен; но чтоб мог со мною сравниться в моей к тебе любви, чтоб...

С о ф ь я (усмехаясь). Боже мой! Если б ты его увидел, ревность твоя довела б тебя до крайности!

М и л о н (с негодованием). Я воображаю все его достоинства.

С о ф ь я. Всех и вообразить не можешь. Он хотя и шестнадцати лет, а достиг уже до последней степени своего совершенства и дале не пойдет.

П р а в д и н. Как дале не пойдет, сударыня? Он доучивает Часослов; а там, думать надобно, примутся и за Псалтырь.

М и л о н. Как! Таков-то мой соперник! А, любезная Софья, на что ты и шуткою меня терзаешь? Ты знаешь, как легко страстный человек огорчается и малейшим подозрением.

С о ф ь я. Подумай же, как несчастно мое состояние! Я не могла и на это глупое предложение отвечать решительно. Чтоб избавиться от их грубости, чтоб иметь некоторую свободу, принуждена была я скрыть мое чувство.

М и л о н. Что ж ты ей отвечала?

Здесь С к о т и н и н идет по театру, задумавшись, и никто его не видит.

С о ф ь я. Я сказала, что судьба моя зависит от воли дядюшкиной, что он сам сюда приехать обещал в письме своем, которого (к Правдину) не позволил вам дочитать господин Скотинин.

М и л о н. Скотинин!

С к о т и н и н. Я!

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же, Еремеевна и Митрофан.

Еремеевна. Да поучись хоть немножечко.

Митрофан. Ну, еще слово молви, стара хрычовка! Уж я те отделаю; я опять нажалуюсь матушке, так она тебе изволит дать таску по-вчерашнему.

Скотинин. Подойди сюда, дружок.

Еремеевна. Изволь подойти к дядюшке.

Митрофан. Здорово, дядюшка! Что ты так ошестиниться изволил?

Скотинин. Митрофан! Гляди на меня прямее.

Еремеевна. Погляди, батюшка.

Митрофан (Еремеевне). Да дядюшка что за невидальщина? Что на нем увидишь?

Скотинин. Еще раз: гляди на меня прямее.

Еремеевна. Да не гневи дядюшку. Вон, изволь посмотреть, батюшка, как он глазки-то вытаращил, и ты свои изволь так же вытаращить.

Скотинин и Митрофан, выпуча глаза, друг на друга смотрят.

М и л о н. Вот изрядное объяснение!

П р а в д и н. Чем-то оно кончится?

С к о т и н и н. Митрофан! Ты теперь от смерти на волоску. Скажи всю правду; если б я греха не побоялся, я бы те, не говоря еще ни слова, за ноги да об угол. Да не хочу губить души, не найдя виноватого.

Е р е м е е в н а (*задрожала*). Ах, уходит он его! Куда моей голове деваться?

М и т р о ф а н. Что ты, дядюшка, белены объелся? Да я знать не знаю, за что ты на меня вскинуться изволил.

С к о т и н и н. Смотри ж, не отпирайся, чтоб я в сердцах с одного разу не вышиб из тебя духу. Тут уж руки не подставишь. Мой грех. Виноват Богу и государю. Смотри, не клепли ж и на себя, чтоб напрасных побой не принять.

Е р е м е е в н а. Избави Бог напраслины!

С к о т и н и н. Хочешь ли ты жениться?

М и т р о ф а н (*разнежась*). Уж давно, дядюшка, берет охота...

Скотинин (*бросаясь на Митрофана*). Ох ты чушка проклятая!..

Правдин (*не допуская Скотинина*). Господин Скотинин! Рукам воли не давай.

Митрофан. Мамушка, заслони меня!

Еремеевна (*заслоня Митрофана, остервенясь и подняв кулаки*). Издохну на месте, а дитя не выдам. Сунься, сударь, только изволь сунуться. Я те бельмы-то выцарапаю.

Скотинин (*задрожав и грозя, отходит*). Я вас доеду!

Еремеевна (*задрожав, вслед*). У меня и свои зацепы остры!

Митрофан (*вслед Скотинину*). Убирайся, дядюшка, проваливай!

ЯВЛЕНИЕ V

Те же и оба Простаковы.

Г-жа Простакова (*мужу, идучи*). Тут перевирать нечего. Весь век, сударь, ходишь, развеса уши.

Простаков. Да он сам с Правдиным из глаз у меня сгиб да пропал. Я чем виноват?

Г-жа Простакова (*к Милону*). А, мой батюшка! Господин офицер! Я вас теперь искала по всей деревне; мужа с ног сбила, чтоб принести вам, батюшка, нижайшее благодарение за добрую команду.

Милон. За что, сударыня?

Г-жа Простакова. Как за что, мой батюшка! Солдаты такие добрые. До сих пор волоска никто не тронул. Не прогневайся, мой батюшка, что урод мой вас прозевал. Отроду никого угостить не смыслит. Уж так рохлею родился, мой батюшка.

Милон. Я нимало не пеняю, сударыня.

Г-жа Простакова. На него, мой батюшка, находит такой, по-здешнему сказать, столбняк. Иногда, выпуча глаза, стоит битый час как вкопанный. Уж чего-то я с ним не делала; чего только он у меня не вытерпел! Ничем не проймешь. Ежели столбняк и попройдет, то занесет, мой батюшка, такую дичь, что у Бога просишь опять столбняка.

Правдин. По крайней мере, сударыня, вы не можете жаловаться на злой его нрав. Он смирен...

Г-жа Простакова. Как теленок, мой батюшка; оттого-то у нас в доме все и избаловано. Вить у него нет того смыслу, чтоб в доме была строгость, чтоб наказать путем виноватого. Все сама управляюсь, батюшка. С утра до вечера, как за язык повешена, рук не покладываю: то бранюсь, то дерусь; тем и дом держится, мой батюшка!

Правдин *(в сторону)*. Скоро будет он держаться иным образом.

Митрофан. И сегодня матушка все утро изволила провозиться с холопами.

Г-жа Простакова *(к Софье)*. Убирала покои для твоего любезного дядюшки. Умираю, хочу видеть этого почтенного старичка. Я об нем много наслышалась. И злодеи его говорят только, что он немножечко угрюм, а такой-де преразумный, да коли-де кого уж и полюбит, так прямо полюбит.

Правдин. А кого он невзлюбит, тот дурной человек. *(К Софье.)* Я и сам имею честь знать вашего дядюшку. А, сверх того, от многих слышал об нем то, что вселило в душу мою истинное к нему почтение. Что называют в нем угрюмостью, грубостью, то есть одно действие его прямодушия. Отроду язык его не говорил *да*, когда душа его чувствовала *нет*.

Софья. Зато и счастье свое должен он был доставать трудами.

Г-жа Простакова. Милость Божия к нам, что удалось. Ничего так не желаю, как отеческой его милости к Митрофанушке. Софьюшка, душа моя! не изволишь ли посмотреть дядюшкиной комнаты?

Софья отходит.

Г-жа Простакова *(к Простакову)*. Опять зазевался, мой батюшка; да изволь, сударь, проводить ее. Ноги-то не отнялись.

Простаков *(отходя)*. Не отнялись, да подкосились.

Г-жа Простакова *(к гостям)*. Одна моя забота, одна моя отрада — Митрофанушка. Мой век проходит. Его готовлю в люди.

Здесь появляются Кутейкин с Часословом, а Цыфиркин с аспидной доскою и грифелем. Оба они знаками спрашивают Еремеевну: входить ли?

Она их манит, а Митрофан отмахивает.

Г-жа Простакова (*не видя их, продолжает*). Авось-либо Господь милостив, и счастье на роду ему написано.

Правдин. Оглянитесь, сударыня, что за вами делается?

Г-жа Простакова. А! Это, батюшка, Митрофанушкины учителя, Сидорыч Кутейкин...

Еремеевна. И Пафнutyич Цыфиркин.

Митрофан (*в сторону*). Пострел их поberi и с Еремеевной.

Кутейкин. Дому владыке мир и многая лета с чады и домочадцы.

Цыфиркин. Желаем вашему благородию здравствовать сто лет, да двадцать, да еще пятнадцать. Несчетны годы.

Милон. Ба! Это наш брат служивый! Откуда взялся, друг мой?

Цыфиркин. Был гарнизонный, ваше благородие! А ныне пошел в чистую.

Милон. Чем же ты питаешься?

Цыфиркин. Да кое-как, ваше благородие! Малу толику арифметике маракую, так питаюсь в городе около приказных служителей у счетных дел. Не всякому открыл Господь науку: так кто сам не смыслит, меня нанимает то счетец поверить, то итоги подвести. Тем и питаюсь; праздно жить не люблю. На досуге ребят обучаю. Вот и у их благородия с парнем третий год над ломаными бьемся, да что-то плохо клеятся; ну, и то правда, человек на человека не приходит.

Г-жа Простакова. Что? Что ты это, Пафнutyич, врешь? Я не вслушалась.

Цыфиркин. Так. Я его благородию докладывал, что в иного пня в десять лет не вдолбишь того, что другой ловит на полете.

Правдин (*к Кутейкину*). А ты, господин Кутейкин, не из ученых ли?

Кутейкин. Из ученых, ваше высокородие! Семинарии здешняя епархии. Ходил до риторики, да Богу изволившу, назад воротился. Подавал в консисторию челобитье, в котором прописал: «Такой-то-де семинарист, из церковничьих детей, убояся бездны премудрости, просит от нея об увольнении». На что и милостивая резолюция вскоре воспоследовала, с отметкою: «Такого-то-де семинариста от всякого учения уволить: писано бо есть, не мечите бисера пред свиньями, да не попрут его ногами».

Г-жа Простакова. Да где наш Адам Адамыч?

Еремеевна. Я к нему было толкнулась, да насилу унесла ноги. Дым столбом, моя матушка! Задушил, проклятый, табачищем. Такой греховодник.

Кутейкин. Пустое, Еремеевна! Несть греха в курении табака.

Правдин *(в сторону)*. Кутейкин еще и умничает!

Кутейкин. Во многих книгах разрешается: во Псалтире именно напечатано: «И злак на службу человеком».

Правдин. Ну, а еще где?

Кутейкин. И в другой Псалтире напечатано то же. У нашего протопопа маленька в осьмушку, и в той то же.

Правдин *(к г-же Простаковой)*. Я не хочу мешать упражнению сына вашего; слуга покорный.

Милон. Ни я, сударыня.

Г-жа Простакова. Куда ж вы, государи мои?..

Правдин. Я поведу его в мою комнату. Друзья, давно не видавшись, о многом говорить имеют.

Г-жа Простакова. А кушать где изволите, с нами или в своей комнате? У нас за столом только что своя семья, с Софьюшкой...

Милон. С вами, с вами, сударыня.

Правдин. Мы оба эту честь иметь будем.

ЯВЛЕНИЕ VI

Г-жа Простакова, Еремеевна, Митрофан, Кутейкин
и Цыфиркин.

Г-жа Простакова. Ну, так теперь хотя по-русски почти зады, Митрофанушка.

Митрофан. Да, зады, как не так.

Г-жа Простакова. Век живи, век учись, друг мой сердешный! Такое дело.

Митрофан. Как не такое! Пойдет на ум ученье. Ты б еще навезла сюда дядюшек!

Г-жа Простакова. Что? Что такое?

Митрофан. Да! того и смотри, что от дядюшки таска; а там с его кулаков да за Часослов. Нет, так я, спасибо, уж один конец с собою!

Г-жа Простакова (*испугавшись*). Что, что ты хочешь делать? Опомнись, душенька!

Митрофан. Вить здесь и река близко. Нырну, так поминай как звали.

Г-жа Простакова (*вне себя*). Уморил! Уморил! Бог с тобой!

Еремеевна. Все дядюшка напугал. Чуть было в волосы ему не вцепился. А ни за что... ни про что...

Г-жа Простакова (*в злобе*). Ну...

Еремеевна. Пристал к нему: хочешь ли жениться?

Г-жа Простакова. Ну...

Еремеевна. Дитя не потаил, уж давно-де, дядюшка, охота берет. Как он остервенится, моя матушка, как вскинется!..

Г-жа Простакова (*дрожа*). Ну... а ты, бестия, остолбенела, а ты не впилаась братцу в харю, а ты не раздернула ему рыла по уши...

Еремеевна. Приняла было! Ох, приняла, да...

Г-жа Простакова. Да... да что... не твое дитя, бестия! По тебе робенка хоть убей до смерти.

Еремеевна. Ах, Создатель, спаси и помилуй! Да кабы братец в ту ж минуту отойти не изволил, то б я с ним поломалась. Вот что б Бог не поставил. Притупились бы эти (*указывая на ногти*), я б и клыков беречь не стала.

Г-жа Простакова. Все вы, бестии, усердны на одних словах, а не на деле...

Еремеевна (*заплавав*). Я не усердна вам, матушка! Уж как больше служить, не знаешь... рада бы не токмо что... живота не жалеешь... а все не угодно.

Кутейкин. Нам восвояси повелите?

Цыфиркин. Нам куда поход, ваше благородие?

} Вместе.

Г-жа Простакова. Ты ж еще, старая ведьма, и разревелась. Поди, накорми их с собою, а после обеда тотчас опять сюда. (*К Митрофану.*) Пойдем со мною, Митрофанушка. Я тебя из глаз теперь не выпущу. Как скажу я тебе нещечко, так пожить на свете слюбится. Не век тебе, моему другу, не век тебе учиться. Ты, благодаря Бога, столько уже смыслишь, что и сам взведешь деточек. (*К Еремеевне.*) С братцем переведаюсь не потвоему. Пусть же все добрые люди увидят, что мама и что мать родная. (*Отходит с Митрофаном.*)

Кутейкин. Житье твое, Еремеевна, яко тьма крошечная. Пойдем-ка за трапезу, да с горя выпей сперва чарку...

Цыфиркин. А там другую, вот те и умноженье.

Еремеевна *(в слезах)*. Нелегкая меня не приберет! Сорок лет служу, а милость все та же...

Кутейкин. А велика ль благодатыня?

Еремеевна. По пяти рублей на год, да по пяти пощечин на день.

Кутейкин и Цыфиркин отводят ее под руки.

Цыфиркин. Смекнем же за столом, что тебе доходу в круглый год.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Мое к вам душевное почтение...

Стародум. Оно мне драгоценно. Поверь мне.

Правдин. Ваша ко мне дружба тем лестнее, что вы не можете иметь ее к другим, кроме таких...

Стародум. Каков ты. Я говорю без чинов. Начинаются чины — перестает искренность.

Правдин. Ваше обхождение...

Стародум. Ему многие смеются. Я это знаю. Быть так. Отец мой воспитал меня по-тогдашнему, а я не нашел и нужды себя перевоспитывать. Служил он Петру Великому. Тогда один человек назывался *ты*, а не *вы*. Тогда не знали еще заражать людей столько, чтоб всякий считал себя за многих. Зато нонче многие не стоят одного. Отец мой у двора Петра Великого...

Правдин. А я слышал, что он в военной службе...

Стародум. В тогдашнем веке придворные были воины, да воины не были придворные. Воспитание дано мне было отцом моим по тому веку наилучшее. В то время к научению мало было способов, да и не умели еще чужим умом набивать пустую голову.

П р а в д и н. Тогдашнее воспитание действительно состояло в нескольких правилах...

С т а р о д у м. В одном. Отец мой непрестанно мне твердил одно и то же: имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время. На все прочее мода: на умы мода, на знания мода, как на пряжки, на пуговицы.

П р а в д и н. Вы говорите истину. Прямое достоинство в человеке есть душа...

С т а р о д у м. Без нее просвещеннейшая умница — жалкая тварь. (*С чувством.*) Невежда без души — зверь. Самый мелкий подвиг ведет его во всякое преступление. Между тем, что он делает, и тем, для чего он делает, никаких весков у него нет. От таких-то животных пришел я свободить...

П р а в д и н. Вашу племянницу. Я это знаю. Она здесь. Пойдем...

С т а р о д у м. Постой. Сердце мое кипит еще негодованием на недостойный поступок здешних хозяев. Побудем здесь несколько минут. У меня правило: в первом движении ничего не начинать.

П р а в д и н. Редкие правило ваше наблюдать умеют.

С т а р о д у м. Опыты жизни моей меня к тому приучили. О, если б я ранее умел владеть собою, я имел бы удовольствие служить долее отечеству.

П р а в д и н. Каким же образом? Происшествии с человеком ваших качеств никому равнодушны быть не могут. Вы меня крайне одолжите, если расскажете...

С т а р о д у м. Я ни от кого их не таю для того, чтоб другие в подобном положении нашлись меня умнее. Вошед в военную службу, познакомился я с молодым графом, которого имени я и вспомнить не хочу. Он был по службе меня моложе, сын случайного отца, воспитан в большом свете и имел особливый случай научиться тому, что в наше воспитание еще и не входило. Я все силы употребил снискать его дружбу, чтоб всегдашним с ним обхождением наградить недостатки моего воспитания. В самое то время, когда взаимная наша дружба утверждалась, услышали мы нечаянно, что объявлена война. Я бросился обнимать его с радостью. «Любезный граф! вот случай нам отличить себя. Пойдем тотчас в армию и сделаемся достойными звания дворянина, которое нам дала порода». Вдруг мой граф сильно наморщился и, обняв меня, сухо: «Счастливый тебе путь, — сказал мне, — а я ласкаюсь, что батюшка не захочет со мною расстаться». Ни с чем нельзя сравнить презрения, которое ощутил я к нему в ту ж минуту. Тут увидел я, что между людьми случайными и людьми почтенными бывает иногда неизмеримая разница, что в большом свете водятся премелкие души и что с великим просвещением можно быть великому скареду.

П р а в д и н. Сущая истина.

С т а р о д у м. Оставя его, поехал я немедленно, куда звала меня должность. Многие случаи имел я отличить себя. Раны мои доказывают, что я их и не пропускал. Доброе мнение обо мне начальников и войска было лестною наградою службы моей, как вдруг получил я известие, что граф, прежний мой знакомец, о котором я гнушался вспоминать, произведен чином, а обойден я, я, лежавший тогда от ран в тяжелой болезни. Такое неправоудие растерзало мое сердце, и я тотчас взял отставку.

П р а в д и н. Что ж бы иное и делать надлежало?

С т а р о д у м. Надлежало образумиться. Не умел я остеречься от первых движений раздраженного моего любочестия. Горячность не допустила меня тогда рассудить, что пря-

мо любочестивый человек ревнует к делам, а не к чинам; что чины нередко выпрашиваются, а истинное почтение необходимо заслуживается; что гораздо честнее быть без вины обойдену, нежели без заслуг пожаловану.

П р а в д и н. Но разве дворянину не позволяется взять отставки ни в каком уже случае?

С т а р о д у м. В одном только: когда он внутренне удостоверен, что служба его отечеству прямой пользы не приносит. А! тогда поди.

П р а в д и н. Вы даете чувствовать истинное существо должности дворянина.

С т а р о д у м. Взяв отставку, приехал я в Петербург. Тут слепой случай завел меня в такую сторону, о которой мне отроду и в голову не приходило.

П р а в д и н. Куда же?

С т а р о д у м. Ко двору. Меня взяли ко двору. А? Как ты об этом думаешь?

П р а в д и н. Как же вам эта сторона показалась?

С т а р о д у м. Любопытна. Первое показалось мне странно, что в этой стороне по большой прямой дороге никто почти не ездит, а все объезжают крюком, надеясь доехать поскорее.

П р а в д и н. Хоть крюком, да просторна ли дорога?

С т а р о д у м. А такова-то просторна, что двое, встретясь, разойтись не могут. Один другого сваливает, и тот, кто на ногах, не поднимает уже никогда того, кто на земли.

П р а в д и н. Так поэтому тут самолюбие...

С т а р о д у м. Тут не самолюбие, а, так назвать, себялюбие. Тут себя любят отменно; о себе одном пекутся; об одном настоящем часе суетятся. Ты не поверишь. Я видел тут множество людей, которым во все случаи их жизни ни разу на мысль не приходили ни предки, ни потомки.

П р а в д и н. Но те достойные люди, которые у двора служат государству...

С т а р о д у м. О! те не оставляют двора для того, что они двору полезны, а прочие для того, что двор им полезен. Я не был в числе первых и не хотел быть в числе последних.

П р а в д и н. Вас, конечно, у двора не узнали?

С т а р о д у м. Тем для меня лучше. Я успел убраться без хлопот, а то бы выжили ж меня одним из двух манеров.

П р а в д и н. Каких?

Стародум. От двора, мой друг, выживают двумя манерами. Либо на тебя рассердятся, либо тебя рассердят. Я не стал дожидаться ни того, ни другого. Рассудил, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели в чужой передней.

Правдин. Итак, вы отошли от двора ни с чем? (*Открывает свою табакерку.*)

Стародум (*берет у Правдина табак*). Как ни с чем? Табакерке цена пятьсот рублей. Пришли к купцу двое. Один, заплатя деньги, принес домой табакерку. Другой пришел домой без табакерки. И ты думаешь, что другой пришел домой ни с чем? Ошибаешься. Он принес назад свои пятьсот рублей цены. Я отошел от двора без деревень, без ленты, без чинов, да мое принес домой неповрежденно, мою душу, мою честь, мои правила.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг! Ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

ЯВЛЕНИЕ II

Те же и Софья.

Софья (*к Правдину*). Сил моих не стало от их шуму.

Стародум (*в сторону*). Вот черты лица ее матери. Вот моя Софья.

Софья (*смотря на Стародума*). Боже мой! Он меня называл. Сердце мое меня не обманывает...

Стародум (*обняв ее*). Нет. Ты дочь моей сестры, дочь сердца моего!

Софья (*бросаясь в его объятия*). Дядюшка! Я вне себя с радости.

Стародум. Любезная Софья! Я узнал в Москве, что ты живешь здесь против воли. Мне на свете шестьдесят лет. Случалось быть часто раздраженным, иногда быть собой довольным. Ничто так не терзало мое сердце, как невинность в сетях коварства. Никогда не бывал я так собой доволен, как если случилось из рук вырвать добычу от порока.

П р а в д и н. Сколь приятно быть тому и свидетелем!

С о ф ь я. Дядюшка! ваши ко мне милости...

С т а р о д у м. Ты знаешь, что я одной тобой привязан к жизни. Ты должна делать утешение моей старости, а мои попечении твоё счастье. Пошел в отставку, положил я основание твоему воспитанию, но не мог иначе основать твоего состояния, как разлучась с твоей матерью и с тобою.

С о ф ь я. Отсутствие ваше огорчало нас несказанно.

С т а р о д у м (к Правдину). Чтоб оградить ее жизнь от недостатку в нужном, решился я удалиться на несколько лет в ту землю, где достают деньги, не променивая их на совесть, без подлой выслуги, не грабя отечества; где требуют денег от самой земли, которая поправосуднее людей, лицепрятия не знает, а платит за одни труды верно и щедро.

П р а в д и н. Вы могли б обогатиться, как я слышал, несравненно больше.

С т а р о д у м. А на что?

П р а в д и н. Чтоб быть богату, как другие.

С т а р о д у м. Богату! А кто богат? Да ведаешь ли ты, что для прихотей одного человека всей Сибири мало! Друг мой! Все состоит в воображении. Последуй природе, никогда не будешь беден. Последуй людским мнениям, никогда богат не будешь.

С о ф ь я. Дядюшка! Какую правду вы говорите!

С т а р о д у м. Я нажил столько, чтоб при твоём замужестве не останавливала нас бедность жениха достойного.

С о ф ь я. Во всю жизнь мою ваша воля будет мой закон.

П р а в д и н. Но, выдав ее, не лишнее было бы оставить и детям...

С т а р о д у м. Детям? Оставлять богатство детям? В голове нет. Умны будут — без него обойдутся; а глупому сыну не в помощь богатство. Видал я молодцов в золотых кафтанах, да с свинцовой головою. Нет, мой друг! Наличные деньги — не наличные достоинства. Золотой болван — все болван.

П р а в д и н. Со всем тем мы видим, что деньги нередко ведут к чинам, чины обыкновенно к знатности, а знатым оказывается почтение.

С т а р о д у м. Почтение! Одно почтение должно быть лестно человеку — душевное; а душевного почтения достоин только тот, кто в чинах не по деньгам, а в знати не по чинам.

П р а в д и н. Заключение ваше неоспоримо.

С т а р о д у м. Ба! Это что за шум!

ЯВЛЕНИЕ III

Те же, г-жа Простакова, Скотинин, Милон.

Милон разнимает г-жу Простакову со Скотининым.

Г-жа Простакова. Пусти! Пусти, батюшка! Дай мне до рож, до рож...

Милон. Не пущу, сударыня. Не прогневайся!

Скотинин (*в запальчивости, оправляя парик*). Отвяжись, сестра! Дойдет дело до ломки, погну, так затрещишь.

Милон (*г-же Простаковой*). И вы забыли, что он вам брат!

Г-жа Простакова. Ах, батюшка! Сердце взяло, дай додраться!

Милон (*Скотинину*). Разве она вам не сестра?

Скотинин. Что греха таить, одного помету, да вишь как развизжалась.

Стародум (*не могши удержаться от смеха, к Правдину*). Я боялся рассердиться. Теперь смех меня берет.

Г-жа Простакова. Кого-то, над кем-то? Это что за выездный?

Стародум. Не прогневайся, сударыня. Я на роду ничего смешнее не видывал.

Скотинин (*держась за шею*). Кому смех, а мне и пол-смеха нет.

Милон. Да не ушибла ль она вас?

Скотинин. Перед-от заслонял обеими, так вцепилась в зашеину...

Правдин. И больно?..

Скотинин. Загривок немного пронозила.

В следующую речь г-жи Простаковой Софья рассказывает взорами Милону, что перед ним Стародум. Милон ее понимает.

Г-жа Простакова. Пронзила!.. Нет, братец, ты должен образ выменить господина офицера; а кабы не он, то б ты от меня не заслонился. За сына вступлюсь. Не спущу отцу родному. (*Стародуму*.) Это, сударь, ничего и не смешно. Не прогневайся. У меня материно сердце. Слыхано ли, чтоб сука щенят своих выдавала? Изволил пожаловать неведомо к кому, неведомо кто.

Стародум (*указывая на Софью*). Приехал к ней, ее дядя, Стародум.

Г-жа Простакова (*обробев и иструсясь*). Как! Это ты! Ты, батюшка! Гость наш бесценный! Ах, я дура бессчетная! Да так ли бы надобно было встретить отца родного, на которого вся надежда, который у нас один, как порох в глазе. Батюшка! Прости меня. Я дура. Образумиться не могу. Где муж? Где сын? Как в пустой дом приехал! Наказание Божие! Все обезумели. Девка! Девка! Палашка! Девка!

Скотинин (*в сторону*). Тот-то, он-то, дядюшка-то!

ЯВЛЕНИЕ VI

Кутейкин и Цыфиркин.

Кутейкин. Что за бесовщина! С самого утра толку не добьешься. Здесь каждое утро процветет и погибнет.

Цыфиркин. А наш брат и век так живет. Дела не делай, от дела не бегай. Вот беда нашему брату, как кормят плохо, как сегодня к здешнему обеду провианту не стало...

Кутейкин. Да кабы не умудрил и меня владыко, шедши сюда, забрести на перепутье к нашей просвирне, взалках бы, яко пес ко вечеру.

Цыфиркин. Здешни господа добры командеры!..

Кутейкин. Слыхал ли ты, братец, каково житье-то здешним челядинцам; даром, что ты служивый, бывал на баталиях, страх и трепет приидет на тя...

Цыфиркин. Вот на! Слыхал ли? Я сам видал здесь беглый огонь в сутки сряду часа по три. (*Вздыхнув.*) Охти мне! Грусть берет.

Кутейкин (*вздыхнув*). О, горе мне грешному!

Цыфиркин. О чем вздохнул, Сидорыч?

Кутейкин. И в тебе смятется сердце твое, Пафнутьевич?

Цыфиркин. За неволю призадумался... Дал мне Бог ученичка, боярского сына. Бьюсь с ним третий год: трех перестать не умеет.

Кутейкин. Так у нас одна кручина. Четвертый год мучу свой живот. По сесть час, кроме задов, новой строки не разберет; да и зады мямлит, прости Господи, без складу по складам, без толку по толкам.

Цыфиркин. А кто виноват? Лишь он грифель в руки, а немец в двери. Ему шабаш из-за доски, а меня ради в толчки.

К у т е й к и н. Тут мой ли грех? Лишь указку в персты, басурман в глаза. Ученичка по головке, а меня по шее.

Ц ы ф и р к и н (с жаром). Я дал бы себе ухо отнести, лишь бы этого тунеядца прошколить по-солдатски.

К у т е й к и н. Меня хоть теперь шелепами, лишь бы выю грешничу путем наkostenять.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же, г-жа Простакова и Митрофан.

Г-жа Простакова. Пока он отдыхает, друг мой, ты хоть для виду поучись, чтоб дошло до ушей его, как ты трудишься, Митрофанушка.

М и т р о ф а н. Ну! А там что?

Г-жа Простакова. А там и женися.

М и т р о ф а н. Слушай, матушка. Я те потешу. Поучусь; только чтоб это был последний раз и чтоб сегодня ж быть сговору.

Г-жа Простакова. Придет час воли Божией!

М и т р о ф а н. Час моей воли пришел. Не хочу учиться, хочу жениться. Ты ж меня взманила, пеняй на себя. Вот я сел.

Цыфиркин очинивает грифель.

Г-жа Простакова. А тут же присяду. Кошелек повяжу для тебя, друг мой! Софьюшкины денежки было б куды класть.

М и т р о ф а н. Ну! Давай доску, гарнизонна крыса! Задавай, что писать.

Ц ы ф и р к и н. Ваше благородие, завсегда без дела лаяться изволите.

Г-жа Простакова (работая). Ах, Господи Боже мой! Уж робенок не смей и избранить Пафнutyича! Уж и разгневался!

Ц ы ф и р к и н. За что разгневаться, ваше благородие? У нас российская пословица: собака лает, ветер носит.

М и т р о ф а н. Задавай же зады, поворачивайся.

Ц ы ф и р к и н. Все зады, ваше благородие. Вить с задами-то век назади останеся.

Г-жа Простакова. Не твое дело, Пафнutyич. Мне очень мило, что Митрофанушка вперед шагать не любит. С его умом, да залететь далеко, да и Боже избави!

Ц ы ф и р к и н. Задача. Изволил ты, на приклад, идти по дороге со мною. Ну, хоть возьмем с собою Сидорыча. Нашли мы трое...

М и т р о ф а н (*пишет*). Трое.

Ц ы ф и р к и н. На дороге, на приклад же, триста рублей.

М и т р о ф а н (*пишет*). Триста.

Ц ы ф и р к и н. Дошло дело до дележа. Смекни-тко, по чему на брата?

М и т р о ф а н (*вычисляя, шепчет*). Единожды три — три. Единожды ноль — ноль. Единожды ноль — ноль.

Г-ж а П р о с т а к о в а. Что, что до дележа?

М и т р о ф а н. Вишь, триста рублей, что нашли, троим разделить.

Г-ж а П р о с т а к о в а. Врет он, друг мой сердечный! Нашел деньги, ни с кем не делись. Все себе возьми, Митрофанушка. Не учись этой дурацкой науке.

М и т р о ф а н. Слышь, Пафнутьич, задавай другую.

Ц ы ф и р к и н. Пиши, ваше благородие. За ученье жалуете мне в год десять рублей.

М и т р о ф а н. Десять.

Ц ы ф и р к и н. Теперь, правда, не за что, а кабы ты, барин, что-нибудь у меня перенял, не грех бы тогда было и еще прибавить десять.

М и т р о ф а н (*пишет*). Ну, ну, десять.

Ц ы ф и р к и н. Сколько ж бы на год?

М и т р о ф а н (*вычисляя, шепчет*). Нуль да нуль — нуль. Один да один... (*Задумался.*)

Г-ж а П р о с т а к о в а. Не трудись по-пустому, друг мой! Гроша не прибавлю; да и не за что. Наука не такая. Лишь тебе мученье, а все, вижу, пустота. Денег нет — что считать? Деньги есть — сочтем и без Пафнутьича хорошихонько.

К у т е й к и н. Шабашь, право, Пафнутьич. Две задачи решены. Вить на поверку приводить не станут.

М и т р о ф а н. Не бось, брат. Матушка тут сама не ошибется. Ступай-ка ты теперь, Кутейкин, проучи вчерашнее.

К у т е й к и н (*открывает Часослов, Митрофан берет указку*). Начнем благословясь. За мною, со вниманием. «Аз же есмь червь...»

М и т р о ф а н. «Аз же есмь червь...»

К у т е й к и н. Червь, сиречь животина, скот. Сиречь: «аз есмь скот».

М и т р о ф а н. «Аз есмь скот».

К у т е й к и н (*учебным голосом*). «А не человек».

Митрофан (*так же*). «А не человек».
Кутейкин. «Поношение человеков».
Митрофан. «Поношение человеков».
Кутейкин. «И уни...»

ЯВЛЕНИЕ VIII

Те же и Вральман.

Вральман. Ай! ай! ай! ай! ай! Теперь-то я фижу! Умарит хатят репенка! Матушка ты моя! Сшалься нат сфаей утропой, катора тефять месесоф таскала, — так скасать, асмое тифа фсфете. Тай фолю этим преклятым слатеям. Ис такой калафы толго ль палфан? Уш диспозицион¹, уш фсе есть.

Г-жа Простакова. Правда. Правда твоя, Адам Адамыч! Митрофанушка, друг мой, коли ученье так опасно для твоей головушки, так по мне перестань.

Митрофан. А по мне и подавно.

Кутейкин (*затворяя Часослов*). Конец и Богу слава.

Вральман. Матушка мая! Што тепе надопно? Што? Сынок, какоф ест, да тал пох старовье, или сынок премудрый, так скасать, Аристотелис, да в могилу.

Г-жа Простакова. Ах, какая страсть, Адам Адамыч! Он же и так вчера небережно поужинал.

Вральман. Рассути ш, мать моя, напил прюхо лишне: педа. А фить калоушка-то у нефо караздо слапе прюха; напиток ее лишне да и захрани поже!

Г-жа Простакова. Правда твоя, Адам Адамыч; да что ты станешь делать? Робенок, не выучась, поезжай-ка в тот же Петербург; скажут, дурак. Умниц-то ныне завелось много. Их-то я боюсь.

Вральман. Чефо паяться, мая матушка? Расумнай шело-век никахта ефо не сатерет, никахта з ним не саспорит; а он с умными лютьми не сфясыфайся, так и пудет плаготенствие пожие!

Г-жа Простакова. Вот как надобно тебе на свете жить, Митрофанушка!

Митрофан. Я и сам, матушка, до умниц-то не охотник. Свой брат завсегда лучше.

¹ Предрасположение (от *фр.* disposition).

Вральман. Сфая кампания то ли тело!

Г-жа Простакова. Адам Адамыч! Да из кого ж ты ее выберешь?

Вральман. Не крушинься, мая матушка, не крушинься; какоф тфой тражайший сын, таких не сфете миллионы, миллионы. Как ему не фыпрать сепе кампаний?

Г-жа Простакова. То даром, что мой сын. Малый острый, проворный.

Вральман. То ли пы тело, капы не самарили ефо на ушенье! Россиска крамат! Арихметика! Ах, хоспоти поже мой, как туша ф теле остаеса! Как путто пы россиски тфорянин уш и не мог ф сфете аванзировать¹ пез россиской крамат!

Кутейкин (*в сторону*). Под язык бы тебе труд и болезнь.

Вральман. Как путто пы до арихметики пыли люти тураки несчетные!

Цыфиркин (*в сторону*). Я те ребра-то пересчитаю. Попадесся ко мне.

Вральман. Ему потрепно спать, как шить ф сфете. Я снаю сфет наизусть. Я сам терта калашь.

Г-жа Простакова. Как тебе не знать большого свету, Адам Адамыч? Я чай, и в одном Петербурге ты всего нагледся.

Вральман. Тафольно, мая матушка, тафольно. Я сафсегда ахотник пыл смотреть публик. Пыфало, о праснике съетутца в Катрингоф кареты с хоспотам. Я фсе на них сматру. Пыфало, не сойту ни на минуту с косел.

Г-жа Простакова. С каких козел?

Вральман (*в сторону*). Ай! ай! ай! ай! Што я зафрал! (*Вслух.*) Ты, матушка, снаешь, што сматреть фсегта лофче зповыши. Так я, пыфало, на снакому карету и сасел, та и сматру польшой сфет с косел.

Г-жа Простакова. Конечно, виднее. Умный человек знает, куда взлезть.

Вральман. Ваш тражайший сын также на сфете как-нипудь фсмаститца, лютей пасматреть и сепя покасать. Уталец!

Митрофан, стоя на месте, перевертывается.

¹ Продвигаться по службе (от фр. *avancer*).

Вральман. Уталец! Не постоит на месте, как тикой конь пез усды. Ступай! Форт!¹

Митрофан убегает.

Г-жа Простакова (*усмехаясь радостно*). Робенок, право, хоть и жених. Пойти за ним, однако ж, чтоб он с резвости без умыслу чем-нибудь гостя не прогневал.

Вральман. Потти, мая матушка! Салетна птиса! С ним тфон гласа натопно.

Г-жа Простакова. Прощай же, Адам Адамыч! (*Отходит.*)

ЯВЛЕНИЕ IX

Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Цыфиркин (*насмехаясь*). Эка образина!

Кутейкин (*насмехаясь*). Притча во языцех!

Вральман. Чему фы супы-то скалите, нефежи?

Цыфиркин (*ударив по плечу*). А ты что брови-то нахмурил, чухонска сова?

Вральман. Ой! ой! шелесны лапы!

Кутейкин (*ударив по плечу*). Филин треклятый! Что ты буркалами-то похлопываешь?

Вральман (*тихо*). Пропаль я. (*Вслух.*) Што фы истефаетесь, репята, што ли, нато мною?

Цыфиркин. Сам праздно хлеб ешь и другим ничего делать не даешь; да ты ж еще и рожи не уставишь.

Кутейкин. Уста твоя всегда глаголаша гордыню, нечестивый.

Вральман (*оправляясь от робости*). Как фы терсаете нефешничать перед ушоной персоной? Я накраул сакричу.

Цыфиркин. А мы те и честь отдадим. Я доскою...

Кутейкин. А я Часословом.

Вральман. Я хоспоже на фас пошалаюсь.

¹ Прочь! (*нем.*)

Цыфиркин, замахиваясь доскою, а Кутейкин Часословом.

Цыфиркин. Раскрою тебе рожу напятеро. Кутейкин. Зубы грешника сокрошу.	}	Вместе.
---	---	---------

Вральман бежит.

Цыфиркин. Ага! Поднял трус ноги! Кутейкин. Направи стопы своя, окаянный! Вральман (в дверях). Што, фсяли, бестия? Сюта сунтесь. Цыфиркин. Уплел! Мы бы дали тебе таску! Вральман. Лих не паюсь теперь, не паюсь. Кутейкин. Засел пребеззаконный! Много ль там вас, ба- сурманов-то? Всех высылай! Вральман. С атним не слатили! Эх, прат, фсяли! Цыфиркин. Один десятерых уберу! Кутейкин. Во утрие избию вся грешныя земли!	}	Все вдруг кричат.
---	---	----------------------

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ I

Стародум и Правдин.

Правдин. Это был тот пакет, о котором при вас сама здешняя хозяйка вчера меня уведомила.

Стародум. Итак, ты имеешь теперь способ прекратить бесчеловечие злой помещицы?

Правдин. Мне поручено взять под опеку дом и деревни при первом бешенстве, от которого могли бы пострадать подвластные ей люди.

Стародум. Благодарение Богу, что человечество найти защиту может! Поверь мне, друг мой, где государь мыслит, где знает он, в чем его истинная слава, там человечеству не могут не возвращаться его права. Там все скоро ощутят, что каждый должен искать своего счастья и выгод в том одном, что законно... и что угнетать рабством себе подобных незаконно.

П р а в д и н. Я в этом согласен с вами; да как мудрено истреблять закоренелые предрассудки, в которых низкие души находят свои выгоды!

С т а р о д у м. Слушай, друг мой! Великий государь есть государь премудрый. Его дело показать людям прямое их благо. Слава премудрости его та, чтоб править людьми, потому что управляться с истуканами нет премудрости. Крестьянин, который плоше всех в деревне, выбирается обыкновенно пасти стадо, потому что немного надобно ума пасти скотину. Достойный престола государь стремится возвысить души своих подданных. Мы это видим своими глазами.

П р а в д и н. Удовольствие, которым государи наслаждаются, владея свободными душами, должно быть столь велико, что я не понимаю, какие побуждения могли бы отвлекать...

С т а р о д у м. А! Сколь великой душе надобно быть в государе, чтоб стать на стезю истины и никогда с нее не сворачивать! Сколько сетей расставлено к уловлению души человека, имеющего в руках своих судьбу себе подобных! И во-первых, толпа скаредных льстецов...

П р а в д и н. Без душевного презрения нельзя себе вообразить, что такое льстец.

С т а р о д у м. Лстец есть тварь, которая не только о других, ниже о себе хорошего мнения не имеет. Все его стремление к тому, чтоб сперва ослепить ум у человека, а потом делать из него, что ему надобно. Он ночной вор, который сперва свечу погасит, а потом красть станет.

П р а в д и н. Несчастиям людским, конечно, причиною собственное их развращение; но способы сделать людей добрыми...

С т а р о д у м. Они в руках государя. Как скоро все видят, что без благонравия никто не может выйти в люди; что ни подлой услугой и ни за какие деньги нельзя купить того, чем награждается заслуга; что люди выбираются для мест, а не места похищаются людьми, — тогда всякий находит свою выгоду быть благонравным и всякий хорош становится.

П р а в д и н. Справедливо. Великий государь дает...

С т а р о д у м. Милость и дружбу тем, кому изволит; места и чины тем, кто достоин.

П р а в д и н. Чтоб в достойных людях не было недостатку, прилагается ныне особое старание о воспитании...

Стародум. Оно и должно быть залогом благосостояния государства. Мы видим все несчастные следствия дурного воспитания. Ну, что для отечества может выйти из Митрофанушки, за которого невежды-родители платят еще и деньги невеждам-учителям? Сколько дворян-отцов, которые нравственное воспитание сына своего поручают своему рабу крепостному! Лет через пятнадцать и выходят вместо одного раба двое, старый дядька да молодой барин.

Правдин. Но особы высшего состояния просвещают детей своих...

Стародум. Так, мой друг; да я желал бы, чтобы при всех науках не забывалась главная цель всех знаний человеческих, благонравие. Верь мне, что наука в развращенном человеке есть лютое оружие делать зло. Просвещение возвышает одну добродетельную душу. Я хотел бы, например, чтоб при воспитании сына знатного господина наставник его всякий день разогнул ему Историю и указал ему в ней два места: в одном, как великие люди способствовали благу своего отечества; в другом, как вельможа недостойный, употребивший во зло свою доверенность и силу, с высоты пышной своей знатности низвергся в бездну презрения и поношения.

Правдин. Надобно действительно, чтоб всякое состояние людей имело приличное себе воспитание; тогда можно быть уверену... Что за шум?

Стародум. Что такое сделалось?

ЯВЛЕНИЕ IV

Те же и Скотинин.

Скотинин. Ну, сестра, хорошо было шутку... Ба! Что это? Все наши на коленях!

Г-жа Простакова (*стоя на коленях*). Ах, мои батюшки, повинную голову меч не сечет. Мой грех! Не губите меня. (*К Софье*.) Мать ты моя родная, прости меня. Умилосердись над мною (*указывая на мужа и сына*) и над бедными сиротами.

Скотинин. Сестра! О своем ли ты уме?

Правдин. Молчи, Скотинин.

Г-жа Простакова. Бог даст тебе благополучие и с дорогим женихом твоим, что тебе в голове моей?

С о ф ь я (*Стародуму*). Дядюшка! Я мое оскорбление забываю.

Г-жа Простакова (*подняв руки к Стародуму*). Батюшка! Прости и ты меня, грешную. Вить я человек, не ангел.

С т а р о д у м. Знаю, знаю, что человеку нельзя быть ангелом. Да и не надобно быть и чертом.

М и л о н. И преступление и раскаяние в ней презрения достойны.

П р а в д и н (*Стародуму*). Ваша малейшая жалоба, ваше одно слово пред правительством... и уж спасти ее нельзя.

С т а р о д у м. Не хочу ничьей гибели. Я ее прощаю.

Все вскочили с коленей.

Г-жа Простакова. Простил! Ах, батюшка!.. Ну! Теперь-то дам я зорю канальям своим людям. Теперь-то я всех переберу поодиночке. Теперь-то допытаюсь, кто из рук ее выпустил. Нет, мошенники! Нет, воры! Век не прощу, не прощу этой насмешки.

П р а в д и н. А за что вы хотите наказывать людей ваших?

Г-жа Простакова. Ах, батюшка, это что за вопрос? Разве я не властна и в своих людях?

П р а в д и н. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

С к о т и н и н. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

П р а в д и н. Когда захочет! Да что за охота? Прямой ты Скотинин. Нет, сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен; да на что ж дан нам указ-от о вольности дворянства?

С т а р о д у м. Мастерница толковать указы!

Г-жа Простакова. Извольте насмехаться, а я теперь же всех с головы на голову... (*Порывается идти.*)

П р а в д и н (*останавливая ее*). Поостановитесь, сударыня. (*Вынув бумагу и важным голосом Простакову.*) Именем правительства вам приказываю сей же час собрать людей и крестьян ваших для объявления им указа, что за бесчеловечие жены вашей, до которого попустило ее ваше крайнее слабомыслие, повелевает мне правительство принять в опеку дом ваш и деревни.

Простак ов. А! До чего мы дожили!

Г-жа Простак ова. Как! Новая беда! За что? За что, батюшка? Что я в своем доме госпожа...

Правд ин. Госпожа бесчеловечная, которой злонравие в благоустроенном государстве терпимо быть не может. (Простак ову.) Подите.

Простак ов (отходит, всплеснув руками). От кого это, матушка?

Г-жа Простак ова (тоскуя). О, горе взяло! О, грустно!

Скотин ин. Ба! ба! ба! Да эдак и до меня доберутся. Да эдак и всякий Скотинин может попасть под опеку... Уберусь же я отсюда подобра-поздорову.

Г-жа Простак ова. Все теряю! Совсем погибаю!

Скотин ин (Стародуму). Я шел было к тебе добиться толку. Жених...

Старод ум (указывая на Милона). Вот он.

Скотин ин. Ага! так мне и делать здесь нечего. Кибитку впрячь, да и...

Правд ин. Да и ступай к своим свиньям. Не забудь, однако ж, повестить всем Скотининым, чему они подвержены.

Скотин ин. Как друзей не остеречь! Повещу им, чтоб они людей...

Правд ин. Побольше любили или б по крайней мере...

Скотин ин. Ну?..

Правд ин. Хоть не трогали.

Скотин ин (отходя). Хоть не трогали.

ЯВЛЕНИЕ V

Г-жа Простак ова, Старод ум, Правд ин, Митрофан, Софья, Еремеевна.

Г-жа Простак ова (Правдину). Батюшка, не погуби ты меня, что тебе прибыли? Не возможно ль как-нибудь указ поотменить? Все ли указы исполняются?

Правд ин. Я от должности никак не отступлю.

Г-жа Простак ова. Дай мне сроку хотя на три дни. (В сторону.) Я дала бы себя знать...

Правд ин. Ни на три часа.

Старод ум. Да, друг мой! Она и в три часа напроказить может столько, что веком не пособишь.

Г-жа Простакова. Да как вам, батюшка, самому входить в мелочи?

Правдин. Это мое дело. Чужое возвращено будет хозяевам, а...

Г-жа Простакова. А с долгами-то разделаться?.. Недоплачено учителям...

Правдин. Учителям? (*Еремеевне.*) Здесь ли они? Введи их сюда.

Еремеевна. Чай, что прибрели. А немца-то, мой батюшка?..

Правдин. Всех позови.

Еремеевна отходит.

Правдин. Не заботься ни о чем, сударыня, я всех удовольствую.

Стародум (*видя в тоске г-жу Простакову*). Сударыня! Ты сама себя почувствуешь лучше, потеряв силу делать другим дурно.

Г-жа Простакова. Благодарна за милость! Куда я го-жусь, когда в моем доме моим же рукам и воли нет!

ЯВЛЕНИЕ VI

Теже, Еремеевна, Вральман, Кутейкин и Цыфиркин.

Еремеевна (*введя учителей, к Правдину*). Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка.

Вральман (*к Правдину*). Фаше фысоко-и-плахоротие. Исфолили меня к сепе прасить?..

Кутейкин (*к Правдину*). Зван бых и приидох.

Цыфиркин (*к Правдину*). Что приказу будет, ваше благородие?

Стародум (*с прихода Вральмана в него вглядывается*). Ба! Это ты, Вральман?

Вральман (*узнав Стародума*). Ай! ай! ай! ай! ай! Это ты, мой милостифый хосподин! (*Целуя полу Стародума*). Старофень-ка ли, мой отес, пошифать исфолишь?

Правдин. Как? Он вам знаком?

Стародум. Как не знаком? Он три года у меня был кучером.

Все показывают удивление.

П р а в д и н. Изрядный учитель!

С т а р о д у м. А ты здесь в учителях? Вральман! Я думал, право, что ты человек добрый и не за свое не возьмешься.

В р а л ь м а н. Та што телать, мой патюшка? Не я перфый, не я послетний. Три месеса ф Москфе шатался пез мест, кутшер нихте не ната. Пришло мне липо с голот мереть, липо ушить...

П р а в д и н (к учителям). По воле правительства став опекуном над здешним домом, я вас отпускаю.

Ц ы ф и р к и н. Лучше не надо.

К у т е й к и н. Отпускать благоволите? Да прежде разочтемся...

П р а в д и н. А что тебе надобно?

К у т е й к и н. Нет, милосливый господин, мой счетец зело не мал. За полгода за ученье, за обувь, что истаскал в три года, за простой, что сюда прибредешь, бывало, по-пустому, за...

Г-ж а П р о с т а к о в а. Ненасытная душа! Кутейкин! За что это?

П р а в д и н. Не мешайтесь, сударыня, я вас прошу.

Г-ж а П р о с т а к о в а. Да коль пошло на правду, чему ты выучил Митрофанушку?

К у т е й к и н. Это его дело. Не мое.

П р а в д и н (Кутейкину). Хорошо, хорошо. (Цыфиркину.) Тебе много ль заплатить?

Ц ы ф и р к и н. Мне? Ничего.

Г-ж а П р о с т а к о в а. Ему, батюшка, за один год дано десять рублей, а еще за год ни полушки не заплачено.

Ц ы ф и р к и н. Так: на те десять рублей я износил сапогов в два года. Мы и квиты.

П р а в д и н. А за ученье?

Ц ы ф и р к и н. Ничего.

С т а р о д у м. Как ничего?

Ц ы ф и р к и н. Не возьму ничего. Он ничего не перенял.

С т а р о д у м. Да тем не меньше тебе заплатить надобно.

Ц ы ф и р к и н. Не за что. Я государю служил с лишком двадцать лет. За службу деньги брал, по-пустому не бирал и не возьму.

С т а р о д у м. Вот прямо добрый человек!

Стародум и Милон вынимают из кошельков деньги.

Правдин. Тебе не стыдно, Кутейкин?
Кутейкин (*потупя голову*). Посрамихся, окаянный.
Стародум (*Цыфиркину*). Вот тебе, друг мой, за добрую душу.

Цыфиркин. Спасибо, ваше высокородие. Благодарен. Дарить меня ты волен. Сам, не заслужа, век не потребую.

Милон (*давая ему деньги*). Вот еще тебе, друг мой!

Цыфиркин. И еще спасибо.

Правдин дает также ему деньги.

Цыфиркин. Да за что, ваше благородие, жалуете?

Правдин. За то, что ты не походишь на Кутейкина.

Цыфиркин. И! Ваше благородие. Я солдат.

Правдин (*Цыфиркину*). Поди ж, мой друг, с Богом.

Цыфиркин отходит.

Правдин. А ты, Кутейкин, пожалуй-ка сюда завтра да потрудишься расчесться с самой госпожою.

Кутейкин (*выбегая*). С самою! Ото всего отступаюсь.

Вральман (*Стародуму*). Старофа слуха не остафте, фаше высокоротие. Фосмите меня апять к сепе.

Стародум. Да ты, Вральман, я чаю, отстал и от лошадей?

Вральман. Эй, нет, мой патюшка! Шиучи с стешним хоспотам, касалось мне, што я фсе с лошатками.

ЯВЛЕНИЕ VII

Те же и камердинер.

Камердинер (*Стародуму*). Карета ваша готова.

Вральман. Прикатишь мне дофести сепя?

Стародум. Поди садись на козлы.

Вральман отходит.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛЕДНЕЕ

Г-жа Простакова, Стародум, Милон, Софья,

Правдин, Митрофан, Еремеевна.

Стародум (*к Правдину, держа руки Софьи и Милона*). Ну, мой друг! Мы едем. Пожелай нам...

Правдин. Всего счастья, на которое имеют право честные сердца.

Г-жа Простакова (*бросаясь обнимать сына*). Один ты остался у меня, мой сердечный друг, Митрофанушка!

Митрофан. Да отвяжись, матушка, как навязалась...

Г-жа Простакова. И ты! И ты меня бросаешь! А! неблагодарный! (*Упала в обморок.*)

Софья (*подбежав к ней*). Боже мой! Она без памяти.

Стародум (*Софье*). Помоги ей, помоги.

Софья и Еремеевна помогают.

Правдин (*Митрофану*). Негодница! Тебе ли грубить матери? К тебе ее безумная любовь и довела ее всего больше до несчастья.

Митрофан. Ды она как будто неведомо...

Правдин. Грубиян!

Стародум (*Еремеевне*). Что она теперь? Что?

Еремеевна (*посмотрев пристально на г-жу Простакову и всплеснув руками*). Очнется, мой батюшка, очнется.

Правдин (*Митрофану*). С тобой, дружок, знаю что делать. Пошел-ко служить...

Митрофан (*махнув рукою*). По мне, куда велят.

Г-жа Простакова (*очнувшись в отчаянии*). Погибла я совсем! Отнята у меня власть! От стыда никуды глаз показать нельзя! Нет у меня сына!

Стародум (*указав на г-жу Простакову*). Вот злонравия достойные плоды!

КОНЕЦ КОМЕДИИ

1782

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

О чем комедия Д.И. Фонвизина? В чем ее потаенная мысль, ее «сверхзадача»? Эпизод за эпизодом говорит она зрителю о том, как дурно, неправильно обучали молодого дворянина, в результате чего из него вырос настоящий «недоросль». Но это лишь сюжет произведения. На самом деле драматург ставит вопрос не только и не столько об ученье, сколько о «воспитании» в широком смысле слова.

События в доме Простаковых характеризуют те процессы, которые происходят в государстве в целом. История воспитания Митрофана наглядно демонстрирует, откуда берутся Скотинины. Автор подсказывает, что нужно предпринять, чтобы добиться изменений: уничтожить крепостное право, преодолеть воспитанием «скотские» пороки человеческой природы.

Уже первая сцена примерки кафтана построена Фонвизинным таким образом, что точно показывает то царство, в котором «люди составляют собственность людей», где «человек одного состояния может быть одновременно истцом и судьей человека другого состояния», как писал он в «Рассуждении о неперемennых государственных законах». Правы или виноваты крепостные — Тришка, Еремеевна, Палашка — зависит только от прихоти Простаковой, ее произвола. Простакова не одинока. У ее брата Скотинина, такого же рядового помещика, тоже «всякая вина виновата». Фонвизин усиливает мысль о жестокости помещика характерной деталью: в его деревеньках свиньям живется гораздо лучше, чем людям.

Мысль о том, что безнаказанность рождает вседозволенность и произвол, подчеркивается писателем еще и тем, что воля Простаковой простирается от крепостных крестьян до мужа, человека ничемного, впавшего в абсолютное подчинение жене. Простакова не замечает, как сама становится абсолютно зависимой, превращается в рабу, лишенную чувства собственного достоинства, готовую унижаться перед сильнейшим.

Параллельно поднимается и тема калечащего воздействия на ребенка такой атмосферы. Наблюдая за тем, как неуважительно мать обращается с окружающими, Митрофанушка перенимает этот стиль общения. Еремеевну называет «старой хрычовкой», Цыфиркина — «гарнизонной крысой» и т.д. Простакова не понимает, что когда-нибудь это неуважение к окружающим обернется против нее.

Миру простаковых противостоит Стародум, за которым угадывается сам автор комедии. Драматург вкладывает в уста Стародума афористические мысли о человеческом достоинстве («имей сердце, имей душу, и будешь человек во всякое время»), о воспитании («воспитание должно быть залогом благосостояния государства»), о государственном устройстве («великий государь есть государь премудрый»), о вреде чиновничества («начинаются чины — перестает искренность»).

Комедия — один из видов драмы, в котором основные события и характеры представлены в смешной, комической форме.

Юмор — изображение чего-либо в комическом, смешном виде.

Сатира — беспощадно-уничтожающее развенчание отрицательных сторон жизни и человека при помощи смеха.

Ирония — притворное утверждение, противоположное тому, что на самом деле думает и хочет сказать автор, или при котором слово употребляется в противоположном значении.

Сарказм — вид комического; язвительная насмешка, злая ирония; идейно-эмоциональная оценка, предполагающая едкую насмешку над изображаемым.

Вопросы и задания

1. В комедии в афористической форме высказаны многие идеалы просветителей, например: «Тиранствовать никто не волен», «Век живи, век учись». Найдите другие афористически высказанные просветительские мысли.
2. Кто в комедии высказывает просветительские идеи? Приведите примеры.
3. Как вы думаете, почему в комедии учителя Митрофанушки изображены сатирически? Аргументируйте свою позицию.
4. Найдите признаки классицизма в «Недоросле». Приведите примеры.
5. Назовите «говорящие фамилии» в комедии. Какие главные свойства персонажей выражены Фонвизиныным через фамилии?
6. Составьте цитатный план для ответа по теме «Митрофанушка и Простакова».
7. В чем смысл последней реплики Стародума? Почему именно этими словами заканчивается комедия?
8. Все ли виды комического (юмор, сатира, ирония, сарказм) представлены в комедии «Недоросль»? Приведите примеры.

9. Вспомните, каким «штилем», по мнению М.В. Ломоносова, должна быть написана комедия. Соблюдены ли эти требования в комедии Фонвизина? Аргументируйте свой ответ.

10. Какие персонажи изображены на иллюстрациях Н. Муратова? К 2–3 иллюстрациям подберите из текста подписи.

Живое слово

1. Известный русский писатель, современник А.С. Пушкина В.Ф. Одоевский назвал «Недоросль» первой русской трагедией. Подготовьте устное сочинение-рассуждение на тему «Грустный смех Фонвизина».

2. Подготовьте устное сочинение по данному тезисному плану:

а) «Недоросль» — пьеса о том, как неправильное воспитание морально калечит молодого дворянина, делая из него грубого, темного, эгоистичного, неблагодарного «недоросля».

б) В «Недоросле» дано глубокое изображение общественного зла.

в) Комедия «Недоросль» выражает антикрепостнические идеи, направлена против телесного и духовного рабства. Носителями этих идей являются положительные персонажи, прежде всего Стародум.

г) В жанровом отношении «Недоросль» — комедия, однако смех в ней печальный.

д) Фонвизин является создателем общественной комедии в России.

Советуем прочитать

Стричек А. Денис Фонвизин. Россия эпохи Просвещения. — М., 1994.

Из русской литературы XIX века

Русская литература XIX в. играла особую роль в духовном развитии нашего народа. Русские писатели этого времени совершают мировые художественные открытия. Вместо схематичных стандартных «типов» классицизма являются характеры, с «лица необщим выраженьем», действующие в той же среде, что и читатель, рядом с ним. Возникают одно за другим достижения русского художественного реализма; углубляются представления о человеке, о возможностях его души, всегда индивидуальной, неповторимой, но проходящей общие со всеми стадии развития. В произведениях этого периода на первый план выдвигались проблема личности, решаемая через изображение трагической судьбы русского человека, проблема народа, постановка которой была обусловлена его огромными потенциальными возможностями и в то же время полным бесправием и нищенским существованием, и проблема Родины, заставлявшая читателя задуматься над судьбой России, ее прошлым и будущим.

Читатель ждал от литературы XIX в. ответов на вопросы, волновавшие его, жаждал услышать слова сочувствия и сострадания, выражение своих мечтаний о справедливой и свободной жизни.

АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН

1799—1837

Явились все. Они определялись на службу. Как по-разному все стали выглядеть после Лицея, где все были на одну статью. Только после Лицея появилась походка. Разная у всех. Небывалая — у Кюхельбекера. Куда такой пойдет?

Однако и он подписал свое имя.

Дали они подписку о том, что ни в каких обществах, тайных и секретных, не состоят. Все подписали с легким сердцем.

Первым явился Пущин. А потом пришли, приехали и свои, и чужие, разные.

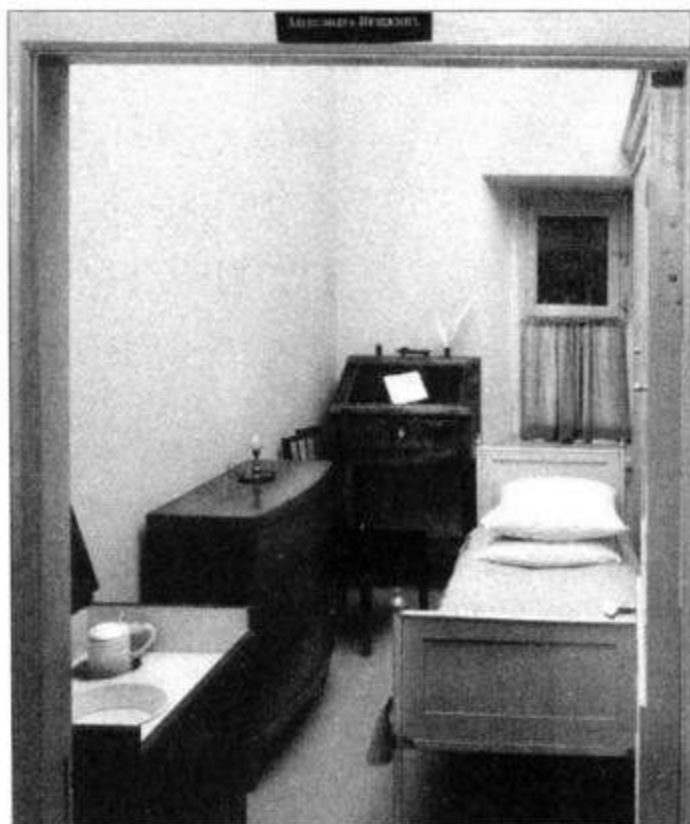
Все дали подписку. Были довольны. Они поступали в службу. Жизнь началась.

Пушкин решил, что вскоре поедет в свою вотчину¹ — Михайловское.

Будут встречаться в лицейские годовщины. Простились все. Пушкин с Дельвигом обнялись. Куда? Когда? В этом доме с колоннами.

Подписался, что ни в каких обществах не состоит, и вдруг рассмеялся. А лицейское? Ведь решили собираться каждый год в день открытия Лицея, 19 октября, всем лицейским. Старостой выбрали Мишу Яковлева. «Скотобратцы» были все свои, это не было общество. А «Арзамас»? У него уже была арзамасская кличка: Сверчок — нашли в балладе Жуковского, применили к нему — и дело: он, как сверчок, никому спать не давал. Нет, не пойдет его служба. Каждодневно, кроме воскресных и праздничных дней, будет он ходить в службу? Ничуть не бывало.

¹ *Вотчина* — здесь: родовое имение.

Царскосельский лицей. Комната А.С. Пушкина.
Современная фотография

Нет, они не кончили Лицея. Кончились лекции, кончалось царскосельское время, пробуждения на заре, блуждания с неотвязчивым стихом весь день, кончалось это все, а Лицей не кончался. Не мог кончатся.

Семья? Семьи не было. Отец жил воображаемой жизнью. Мать была скоро, загоралась и гасла без причин. Была Арина.

Была Арина, и был Лицей. Не кончался. Вот и все. Такова была жизнь. И ничто не прибывало. Кто был у него в Лицее? Был Пушин, Дельвиг, был Кюхля — брат родной по музе, по судьбам. Считать ли? Много их было — это была его истинная родня, кровная.

Уж, конечно, не начальство их роднило, не Энгельгардт. Директором был для него все тот же Малиновский. Таков он был.

Так и осталось Царское Село родиной, отечеством прежде всего.

Рукопись А.С. Пушкина с рисунком
Царскосельского лицея. 1829 г.

Мыслитель скажет: но откуда же это братство, почему Царское Село — отечество? Потому что они каждый день в один час вставали, ели одно и то же, по одному месту гуляли, у одних профессоров учились? Отсюда эта сумасшедшая близость на всю жизнь? И мыслитель покачает головой. Он покачает головой и будет не прав: во-первых, не всем давали обед. Шалунам его вовсе не давали. А затем — жизнь привычная. Привычка к существованию такова и есть. Нужно единство, и кто его создает — не забывается. Энгельгардт его не создал, как бы ему этого ни хотелось. Сначала был Малиновский, потом отсутствие директора, и только к концу Энгельгардт. Кто же? — спросит строгий мыслитель, уж не Пушкин ли, который половину лицейских не помнил? Уже не Яковлев ли, Яковлев — Двести Нумеров, который изображал двести фигур, начиная с бутешника?

¹ Будошник (будочник) — полицейский сторож, стоящий на посту у караульной будки.

Памятник А.С. Пушкину в лицейском саду.
Скульптор Р.Р. Бах. 1900 г.

Да. Пушкин и Миша Яковлев.

Они всех своих помнили.

Считать ли? Был Горчаков — с памятью, непонятной для него самого. Потом эта память прогремела по всем дипломатам мира. А с Пушкиным он встретился раз на большой дороге. Их земли были близки. Встретились и братски, по-лицейски обнялись. Таков был Лицей. Нет, директор Энгельгардт не совсем понимал его. Совсем его не понимал даже. А кто понимал?

Миша Яковлев — Двести Нумеров. Таково было его звание — он изображал двести персон, знакомых и встречных, бутюшника и Пушкина. А потом они выбрали его лицейским старостой.

Да здравствует Лицей!

Где бы ни были, куда бы их судьба ни заносила. Кюхельбекер десять лет сидел в крепости, в одиночном заключении. И каждый год справлял священный день Лицея. 19 октября — первый день Лицея.

Ю.Н. Тынянов.
Глава из романа «Пушкин»

Глава романа Ю.Н. Тынянова посвящена последним дням пребывания в Лицее Пушкина и его друзей, чувствам, которые переполняли юношей, их обещаниям навсегда сохранить память о лицейских годах и друзьях. Лицейской клятве Пушкин был верен до конца жизни. 19 октября — дню открытия Лицея — А.С. Пушкин посвятил несколько стихотворений.

«Арзамас» — литературный кружок в Петербурге, существовавший в 1815—1818 гг. В круг арзамасцев входили В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, П.А. Вяземский¹, В.Л. Пушкин², Д.В. Дашков³, А.И. Тургенев⁴ и др. В качестве «экзамена» кандидаты представляли на суд одно из своих произведений. Лицейст А.С. Пушкин по рекомендации В.А. Жуковского был принят в члены кружка без экзамена. Арзамасцы имели прозвища; А.С. Пушкина называли Сверчок.

Уж, конечно, не начальство их роднило... — Первым директором Лицея был Василий Федорович Малиновский. «Он был для лицейских первого набора отцом родным — без малейшего преувеличения». Егор Антонович Энгельгардт стал директором Лицея в 1815 г. после смерти Малиновского, в последний год пребывания в нем лицейстов первого набора. Отношения нового директора с лицеистами, и особенно с Александром Пушкиным, складывались сложно.

¹ Вяземский Петр Андреевич (1792—1878) — князь, русский поэт, литературный критик.

² Пушкин Василий Львович (1770—1830) — русский поэт, дядя А.С. Пушкина.

³ Дашков Дмитрий Васильевич (1784—1839) — государственный деятель и дипломат.

⁴ Тургенев Александр Иванович (1784—1845) — российский общественный деятель, историк, писатель.

⁵ Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. — М., 1987. Т. 1.

1. Назовите лицейских педагогов и товарищей Пушкина. Что вы о них знаете?
2. Расскажите, как передается Тыняновым эмоциональное состояние лицеистов в первый день после окончания Лицея.
3. «Семьи не было, — пишет Ю.Н. Тынянов. — Была Арина, и был Лицей». Согласны ли вы с таким утверждением писателя? Как вы его поняли?
4. Есть ли в этой главе свидетельства того, что лицеисты остались верны лицейской дружбе? Какие это свидетельства?
5. Подберите ключевые слова для рассказа о быте лицеистов, об их «кельях». В этом вам поможет фотография на с. 122.

ПОСЛЕ ЛИЦЕЯ

В Петербурге Пушкин жил с начала июня 1817 г. (9 июня состоялся выпускной акт Лицея, 11-го того же месяца он уже был в Петербурге) по 6 мая 1820 г., когда он выехал по царскосельской дороге, направляясь в южную ссылку. Планы военной службы, которые Пушкин лелеял в своем воображении, пришлось оставить: отец, опасаясь расходов (служба в гвардии требовала больших трат), настоял на гражданской. Пушкин был зачислен в Коллегию иностранных дел и 13 июня приведен к присяге (в тот же день, что и Кюхельбекер и Грибоедов).

...В жизни Пушкина бывали периоды, когда книга составляла для него любимое общество, а уединение и сосредоточенность мысли — лучшее занятие. 1817—1820 гг. резко отличны от этих периодов. И дело здесь не только в том, что неистраченные силы молодого поэта бурно искали себе исхода. В унисон с ними кипела и бурлила молодая Россия. Годы эти имеют в русской истории особую, ни с чем не сравнимую физиономию. Счастливое окончание войн с Наполеоном разбудило в обществе чувство собственной силы. Право на общественную активность

казалось достигнутым бесповоротно. Молодые люди полны были жажды деятельности. Конфликт на этом пути с правительством и «стариками» уже вырисовывался довольно ясно, но никто еще не верил в его трагический характер. Характерной чертой времени явилось стремление объединить усилия. Даже чтение книги — занятие, традиционно в истории культуры связывавшееся с уединением, — проводится сообща...

В конце 1810—1820-х гг. в России чтение — форма дружеского общения; читают вместе так же, как и думают, спорят, пьют, обсуждают меры правительства или театральные новости...

Стремление к содружеству, сообществу, братскому единению составляет характерную черту поведения и Пушкина этих лет. Энергия, с которой он связывает себя с различными литературными и дружескими кружками, способна вызвать удивление. Следует отметить одну интересную черту: каждый из кружков, привлекающих внимание Пушкина в эти годы, имеет определенное литературно-политическое лицо, в него входят люди, обстрелянные в литературных спорах или покрытые боевыми шрамами; вкусы и взгляды их уже определились, суждения и цели категоричны. Принадлежность к единому кружку, как правило, исключает участие в другом. Пушкин в их кругу выделяется как ищущий среди нашедших. Дело не только в возрасте, а в глубоко свойственном Пушкину на протяжении всей его жизни — пока еще стихийном — уклонении от всякой односторонности: входя в тот или иной круг, он с такой же легкостью, с какой в лицейской лирике усваивал стили русской поэзии, усваивает господствующий стиль кружка, характер поведения и речи его участников. Но чем блистательнее в том или ином из лицейских стихотворений овладение уже сложившимися стилистическими, жанровыми нормами, тем более в нем проявляется собственно пушкинское. Нечто сходное произошло в 1817—1820 гг. в сфере построения поэтом своей личности. С необычайной легкостью усваивая «условия игры», принятые в том или ином кружке, включаясь в стиль дружеского общения, предлагаемый тем или иным из собеседников-наставников, Пушкин не растворяется в чужих характерах и нормах. Он ищет себя.

Ю.М. Лотман

1. Какие особенности в поведении А.С. Пушкина после окончания Лицея отмечает в статье о поэте Ю.М. Лотман?
2. Запишите ключевые слова и словосочетания статьи Ю.М. Лотмана. Подготовьтесь к ее пересказу.
3. Как вы поняли эти мысли ученого о 1820-х гг.: «...кишела и бурлила молодая Россия»; «Право на общественную активность казалось достигнутым бесповоротно»? Дайте развернутый аргументированный ответ.

[О П.Я. ЧААДАЕВЕ]

П.Я. Чаадаев родился в 1794 г. С Пушкиным его разделяло пять лет, он по возрасту — «старший брат» поэта, но эти пять лет значимы. Жизнь П.Я. Чаадаева уже в юности отмечена важнейшим событием: участием в войне 1812 г., о которой Пушкин будет узнавать в том числе и из рассказов Чаадаева; он же, вернувшись из заграничного похода, был одержим идеей отмены крепостничества в России.

Пушкин входит в петербургский круг юным поэтом, отмеченным маститыми современниками; Чаадаев — героем-победителем. Принятый в свете, молодой блестящий офицер знал, казалось, только одно слово, одну тему — рабство: «Гусар говорил о рабстве, говорил с тем властным видом, которого Катерина Андреевна не терпела. Рабство было везде — самый хлеб, который они ели, был хлеб, взращенный рабами <...> Это была его неподвижная идея — рабство. В рабстве он видел причину того, что Россия не может быть выше стран Европы, а уничтожить рабство мешало, говорил он, самовластие. Есть только степени рабов — различие только количественное. Россия вскоре после отмены всего этого — должна стать первою страной. И начал доказывать это так, как будто это предстояло увидеть скоро.

Ю.Н. Тынянов

Пушкин пишет Чаадаеву.
Художник Н.В. Кузьмин. 1959 г.

П.Я. Чаадаев.
Художник Раков. 1864 г.

К ЧААДАЕВУ

Любви, надежды, тихой славы
 Недолго нежил нас обман,
 Исчезли юные забавы,
 Как сон, как утренний туман;
 Но в нас горит еще желанье,
 Под гнетом власти роковой
 Нетерпеливою душой
 Отчизны внемлем призыванье.
 Мы ждем с томленьем упованья
 Минуты вольности святой,
 Как ждет любовник молодой
 Минуты верного свиданья.
 Пока свободою горим,
 Пока сердца для чести живы,

Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1818

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

Познакомьтесь с цитатным планом рассказа о Пушкине (по материалам книги Ю.М. Лотмана). Отметьте наиболее важную для вас информацию, особенно в связи с темой «Пушкин и Чаадаев»:

а) «Стремление к содружеству, сообществу, братскому единению составляет характерную черту поведения Пушкина этих лет».

б) «Способность Пушкина меняться, переходя от одного круга к другому, и искать общения с совершенно разными людьми не всегда встречала одобрение в кругу декабристов»; «Пушкин был в этом кругу не восхищенным мальчиком, а пытливым наблюдателем».

в) «Пушкин был исключительно глубоко и органично связан с культурой Просвещения XVIII в.».

г) «Чаадаев учил Пушкина готовиться к великому будущему и уважать в себе человека, имя которого принадлежит потомству».

Еще учась в Лицее, Пушкин был замечен и поддержан выдающимися старшими современниками, среди которых были и будущие декабристы.

Возможны несколько трактовок стихотворения «К Чаадаеву»:

1. Пушкин призывает (побуждает) Чаадаева верно служить Отечеству, посвятить ему «души прекрасные порывы»; под этим он понимает борьбу с крепостничеством, с тиранией.

2. Чаадаев «учил Пушкина думать. Мысль казалась ему самым сильным оружием», и «Пушкин слушал его с восторгом. Вместе с тем Чаадаевым все чаще овладевали приступы

Рисунки А.С. Пушкина:
автопортрет (слева), 1821 г.;
П.Я. Чаадаев, набросок на
листе черновика романа
«Евгений Онегин», 1824 г.

отчаяния, когда ему казалось, что положение России безнадежно, он становился резок, угрюм и запирался в своей комнате на Мойке в Петербурге. В это время энтузиазм молодого Пушкина, который верил в близкое торжество свободы, поддерживал дух Чаадаева».

3. Иной взгляд — в книге Ю.Н. Тынянова: «Друг мой, все, чего ждем, настанет, потому что само время над этим трудится. Ты не был в Швейцарии. Я видел там свободных крестьян. Они ходят иначе. У них другая походка. Главное, что мешает всему, — заразительность рабства <...> Рабство вдруг минет. Благодаря Богу оно заразительно. Ты и сам не поймешь, как оно высоко ходит, как всем правит и влезает наконец на место рядом с кесарем. Кесарь видит его, и рабство проходит, спадает, словно его никогда не было».

Пушкин слушал Чаадаева, как всегда, — всем существом. Мало говорящий, еще меньше движущийся, не машущий руками, не улыбающийся Чаадаев так и должен был быть внимаемым».

Какая трактовка кажется вам наиболее верной? Свой ответ аргументируйте.

1. Запишите строфу по образцу. Дайте свое толкование каждого мотива, попытайтесь ответить на вопросы в скобках:

Любви (*чьей?*)

Надежды (*на что?*)

Тихой славы (*почему «тихой»?*)

Недолго (*почему?*)

Нежил (*что это значит?*)

Нас (*кого?*)

Обман (*почему? какой?*)

Исчезли юные забавы (*почему «забавы»?*)...

2. Прочитайте строфу стихотворения от слов: «Товарищ, верь: взойдет она...» до конца и дайте свою трактовку этих строк.

3. Обратитесь к следующим тезисам второй главы книги Ю.М. Лотмана «Пушкин. Биография писателя».

а) Окружавшие Пушкина опекуны и наставники — от Н.М. Карамзина до А.И. Тургенева — не могли понять путь, по которому пошел поэт; с их точки зрения, он просто сбивался с пути. Блеск пушкинского таланта ослеплял, и поэты, общественные и культурные деятели старшего поколения считали своим долгом сохранить это дарование для России. Они полагали необходимым направить его по привычному и понятному пути. Непривычное казалось беспутным. Вокруг Пушкина было много доброжелателей и очень мало людей, которые бы его понимали. Пушкин уставал от нравоучений, от того, что его все еще считают мальчиком, и порой всем назло подчеркивал мальчишество своего поведения.

В.А. Жуковский говорил в «Арзамасе»: «Сверчок, закопавшись в щелку проказы, оттуда кричит как в стихах: «я ленюся!» (показательно убеждение, что «в стихах» дозволено то поведение, которое запрещено в жизни). А.И. Тургенев, по собственным словам, бранил Пушкина за «леность и нерадение о собственном образовании. К этому присоединились и вкус к площадному волокитству, и вольнодумство, также площадное, XVIII столетия». К.Н. Батюшков писал А.И. Тургеневу: «Не худо бы его запереть в Геттинген и кормить года три молочным супом и логикой».

б) Постоянно соприкасаясь с участниками тайного общества, Пушкин, конечно, знал о его существовании и явно стремился войти в его круг. То, что он не получил приглашения и даже наталкивался на вежливый, но твердый отпор со стороны столь близких ему людей, как Пущин, конечно, его безмерно уязвляло. Если мы не будем учитывать, в какой мере он был задет и травмирован, с одной стороны, назойливыми поучениями наставников, с другой — недоверием друзей, для нас останется загадкой лихорадочная нервозность, напряженность, характерные для душевного состояния Пушкина этих лет. Они выражаются, например, в том, что он в любую минуту ожидает обид и постоянно готов ответить на них вызовом на дуэль.

в) Чаадаев тоже давал Пушкину уроки и требовал от него «в просвещении стать с веком наравне». Однако поучения его ставили Пушкина в положение не школьника, а героя. Они не унижали, а возвышали Пушкина в собственных глазах».

Таким образом, с одной стороны, Пушкин держит перед своим старшим другом и молодым учителем экзамен на гражданскую зрелость, с другой стороны, «поддерживает» Чаадаева в психологически трудные для него минуты и, наконец, обращается не только к Чаадаеву — «ко всей свободолюбивой молодежи».

Постарайтесь сделать вывод: почему на обломках русского самодержавия должны написать имена Чаадаева, «двадцатилетнего с небольшим молодого человека, который ничего не написал, ни на каком поприще ничем себя не отличил», и Пушкина, ничем еще себя не заявившего в политической жизни и даже не допущенного в круг русских конспираторов?

Для вас, любознательные

Любопытны отдельные фрагменты полемики Пушкина с Чаадаевым. В них поэт выступает как человек со сложившимися представлениями об исторической судьбе России, готовый отстаивать свои убеждения. Так, например, в одном из его писем к Чаадаеву есть такие строчки: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с Вами согласиться... Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба

Ивана; величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре... А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы?.. Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

* * *

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

1827

Вопросы и задания

?

1. Стихотворение «Во глубине сибирских руд...» посвящено ссыльным декабристам. Каким чувством оно проникнуто?
2. Как вы понимаете последнюю строку стихотворения?

ТУЧА

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облежала,
И молния грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки деревьев,
Тебя с успокоенных гонит небес.

1835

Вопросы и задания

1. Внимательно, медленно прочитайте стихотворение. С помощью каких изобразительных средств создан образ тучи?
2. Составьте словарную статью «аллегория», в которой попытайтесь не только дать определение этому приему художественной выразительности, но и привести различные примеры аллегорий из стихотворения.
- 3*. Стихотворение «Туча» написано в 1835 г. Как вы можете охарактеризовать этот период в жизни поэта? Какие события из прошлого и настоящего могли навеять образы и художественную идею стихотворения?

Сюжет «Песни о вещем Олеге» взят Пушкиным из «Повести временных лет» — с этим летописным текстом вы уже познакомились. Но не желание дать его поэтический пересказ двигало поэтом. Пушкина занимают более серьезные проблемы. Среди них, безусловно, «вечные» — жизни и смерти. Однако гораздо более важно для него найти решение вопроса о единой для всех — сильных и слабых мира сего — участи, предначертанной судьбой. От нее не может уйти никто.

Есть и другой, не менее значимый мотив: волхвы (предсказатели), а в понимании Пушкина поэты не боятся княжеской кары, не нуждаются в княжеской милости. Волхвы (и поэты) свободны. Вот одна из основных идей баллады Пушкина, вдохновленного образом волхва из древней русской летописи.

Произведения Пушкина о событиях русской истории позволили Н.В. Гоголю утверждать в статье «Несколько слов о Пушкине»: «При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». Критик П.А. Плетнев писал о балладе: «Олег» был первым произведением Пушкина, по отношению к которому сразу употребили понятие «национальный».

Смерть князя Олега от укуса змеи.

Миниатюра из Радзивилловской летописи. Список конца XV в.

ПЕСНЬ О ВЕЩЕМ ОЛЕГЕ

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведенный весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое;
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

«Песнь о вещем Олеге».
Художник В.Я. Коновалов. 1951 г.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смирный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю.
И холод и сеча ему ничего.
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
И взор омрачилися думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает, угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащенное стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещий Олег
При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они вспоминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? все так же ль лёгок его бег?
Все тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Иллюстрация к «Песни о вещем Олеге».
Художник В.М. Васнецов. 1899 г.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалекой,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змея
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у берега;
Бойцы вспоминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

1822

Вопросы и задания

1. Сопоставьте текст о смерти Олега из «Повести временных лет» и балладу А.С. Пушкина. Отметьте совпадения и различия.
2. Какова основная тема баллады А.С. Пушкина?
3. Какие мысли выражает поэт в этих строках?

Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.

4. Выпишите из текста баллады устаревшие слова и словосочетания. Запишите соответствующие им синонимы из современного литературного языка. **Образец:** *чело* — *лоб*.
5. Какой исторический факт имеет в виду Пушкин в стихах: «Победой прославлено имя твое; / Твой щит на вратах Цареграда...»?
6. Какие эпизоды баллады изображены на иллюстрациях? Зачитайте соответствующие им фрагменты из текста произведения.

Живое слово

Какими предстают перед читателями кудесник и Олег? Опишите их.

События Отечественной войны, недавно закончившиеся великой победой над Наполеоном, заставляли Пушкина напряженно думать об исторической судьбе России и ее великом реформаторе — Петре. Эпоха Петра осталась в далеком прошлом и, по мнению поэта, была незаслуженно предана забвению. Пушкин пытается воскресить ее в поэме «Полтава», проникнутой гордостью за Отечество.

ПОЛТАВА (В сокращении)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

<...>

Богат и знатен Кочубей.
Довольно у него друзей.
Свою омыть он может славу.
Он может возмутить Полтаву;
Внезапно средь его дворца
Он может мщением отца
Постигнуть гордого злодея;
Он может верною рукой
Вонзить... но замысел иной
Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.
Суровый был в науке славы
Ей дан учитель: не один
Урок неожиданный и кровавый
Задал ей шведский паладин.
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной,
Отважный Карл скользил над бездной.
Он шел на древнюю Москву,
Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины
И клонит пыльную траву.
Он шел путем, где след оставил
В дни наши новый, сильный враг,
Когда падением ославил
Муж рока свой попятный шаг.

Украина. Иллюстрация к поэме «Полтава».
Художник Ф.Д. Константинов. 1982 г.

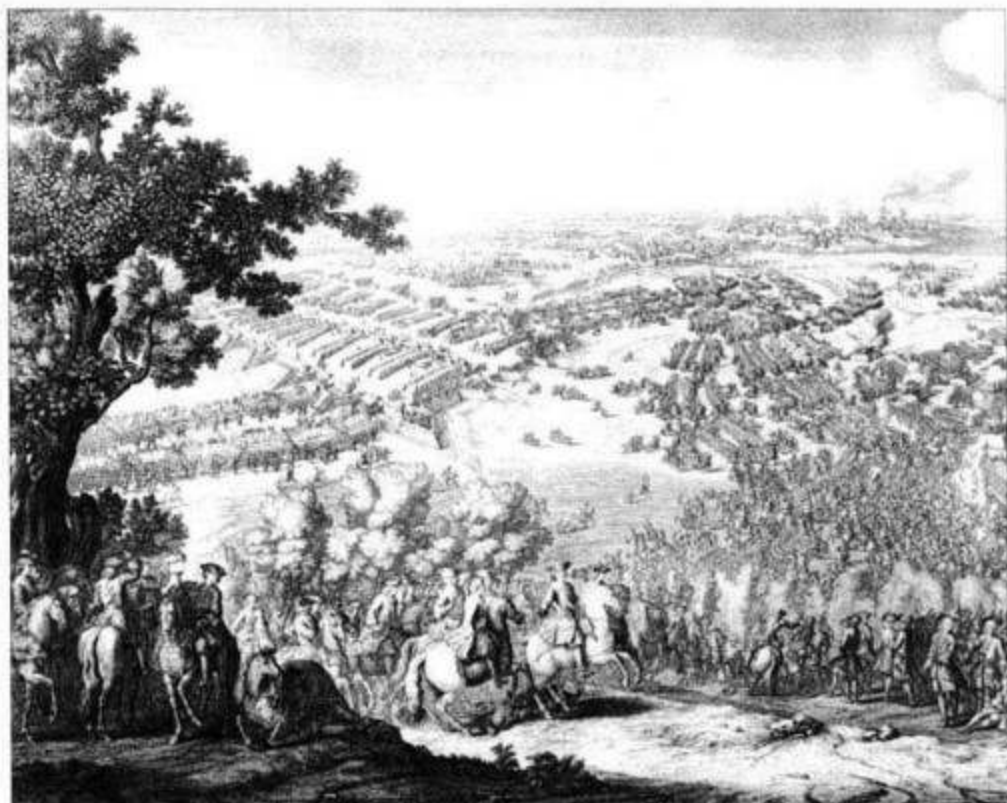
Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг.
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.
Вокруг Мазены раздавался
Мятежный крик: пора, пора!
Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра.
Храня суровость обычайну,
Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал
И равнодушно пировал.

<...>

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

<...>

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И Бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.
Тогда-то свыше вдохновенный
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с Богом!» Из шатра,
Толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,
Он весь, как Божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,

Общий вид Полтавской битвы. Гравюра Лармессена с оригинала П.Д. Мартена Младшего. Фрагмент. Первая четверть XVIII в.

Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордись могущим седоком.
Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло *ура*:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.

«Полтавская баталия». Мозаика мастерской М.В. Ломоносова.
Фрагмент. 1762–1764 гг.

За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.

Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

Среди тревоги и волненья
На битву взором вдохновенья
Вожди спокойные глядят,
Движенья ратные следят,
Предвидят гибель и победу
И в тишине ведут беседу.
Но близ московского царя
Кто воин сей под синами?
Двумя поддержан казаками,
Сердечной ревностью горя,
Он оком опытным героя
Взирает на волненье боя.

Король Швеции Карл XII. Гравюра Е.С. Хейфса. Начало XVIII в.

Уж на коня не вскочит он,
Одрах, в изгнание сиротея,
И казаки на клич Палея
Не налетят со всех сторон!
Но что ж его сверкнули очи,
И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело?
Что возмутить его могло?
Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг
Свои лета возненавидел
Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный,
Взирал на битву, окруженный
Толпой мятежных казаков,
Родных, старшин и сердюков.

Император Петр I. Художник Г.С. Мусикийский. 1723 г.

Вдруг выстрел. Старец обратился.
У Войнаровского в руках
Мушкетный ствол еще дымился.
Сраженный в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.
Казак на гетмана стремился
Сквозь битву с саблею в руках,
С безумной яростью в очах.
Старик, подъехав, обратился
К нему с вопросом. Но казак
Уж умирал. Потухший зрак
Еще грозил врагу России;
Был мрачен помертвелый лик,
И имя нежное Марии
Чуть лепетал еще язык.

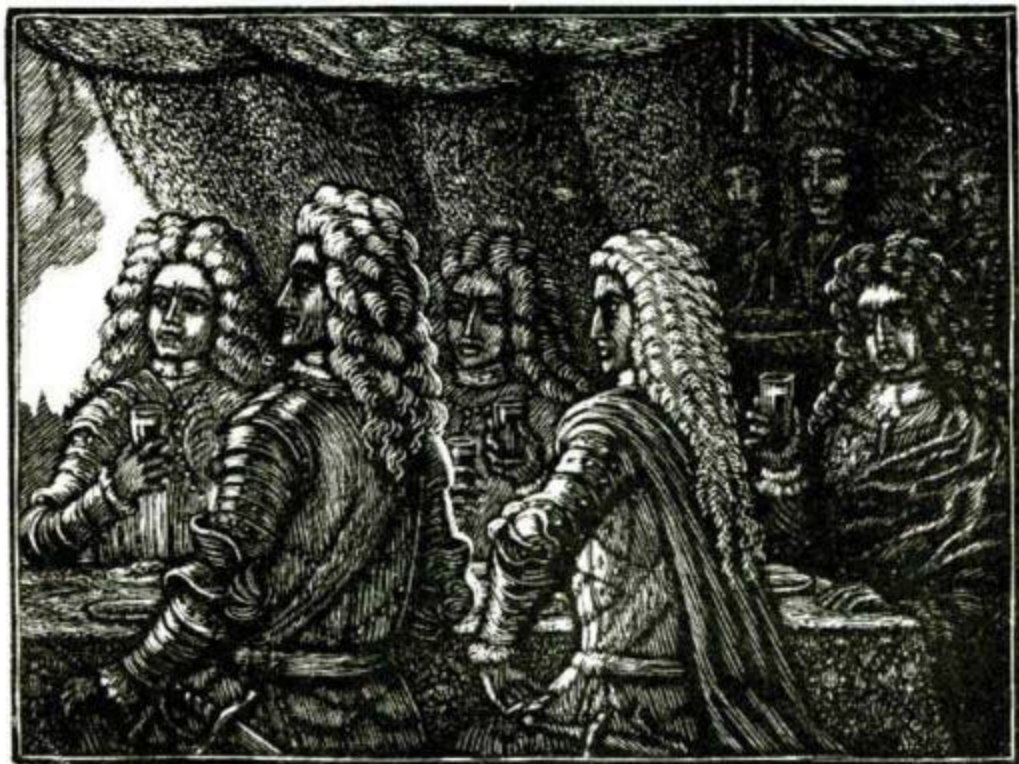

«Пирует Петр...». Художник Ф.Д. Константинов. 1982 г.

Но близок, близок миг победы.
Ура! мы ломим; гнутся шведы.
О славный час! о славный вид!
Еще напор — и враг бежит:
И следом конница пустилась,
Убийством тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен,
И славы полон взор его.
И царский пир его прекрасен.
При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.

1828—1829

Поэма — жанр большого многочастного стихотворного повествовательного произведения. Поэмы бывают лирические, лироэпические, эпические.

Вопросы и задания

- 1*. Вспомните определение баллады и балладу Пушкина «Песнь о вещем Олеге». Чем баллада отличается от поэмы?
2. Определите фабульные элементы (завязка, кульминация, развязка) в поэме «Полтава». Укажите их границы.
3. Найдите в поэме сравнения. Определите, к каким персонажам они относятся и какие черты характеров оттеняют.
4. Кто главный герой «Полтавы» и почему?
5. Приведите примеры антитезы в поэме. Какова ее художественная роль?

Антитеза — в художественной литературе и ораторской речи стилистическая фигура: сопоставление резко контрастных или резко противоположных понятий или образов для усиления впечатления.

6. Найдите риторические восклицания в поэме. Какова их художественно-выразительная роль?
7. Проследите в поэме роль союза **но**. Запишите свои выводы.
8. Поэма «Полтава» основана на реальных исторических событиях. Подумайте: они ли в произведении главное? Или Пушкину важнее передать психологическое состояние героя? Аргументируйте свой ответ.
9. Не в первый раз вы встречаетесь с произведениями Пушкина на исторические сюжеты. Что в истории интересовало поэта? Чем «Полтава», как произведение на историческую тему, отличается от «Дубровского»?
10. Определите, каким стихотворным размером (ямб, хорей, дактиль, анапест, амфибрахий) написаны следующие произведения А.С. Пушкина: «Песнь о вещем Олеге», «Полтава», «К Чаадаеву», «Во глубине сибирских руд...».
11. Перечислите знакомые вам произведения А.С. Пушкина, написанные в стихотворном жанре, в жанре поэмы, баллады, повести, романа, драмы.

Живое слово

1. Из любых доступных вам источников узнайте об истории Полтавского сражения, подготовьте сообщение на эту тему.
2. Напишите сочинение на тему «Петр I и Карл XII в поэме А.С. Пушкина «Полтава». В своих рассуждениях вы можете ориентироваться на образы, представленные на иллюстрациях к поэме.

Для вас, любознательные

Высокие и точные слова о месте и роли Пушкина для русской и мировой литературы и для отдельно взятого человека сказаны были замечательными русскими писателями: и современниками поэта, и теми, кто пришел в литературу после Пушкина.

Вот некоторые из таких высказываний:

«Пушкин... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» (*Н.В. Гоголь*).

«Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем... без понимания Пушкина нельзя и русским быть» (*Ф.М. Достоевский*).

«Пушкин — наше всё» (*А.А. Григорьев*).

Подумайте над смыслом этих высказываний. Постарайтесь для себя ответить на вопрос о том, в чем великая тайна А.С. Пушкина; почему «без понимания Пушкина нельзя и русским быть»; что значит «Пушкин — наше все»?

Советуем прочитать

1. *Пушкин И.* Записки о Пушкине. — М., 1984.
2. *Эйдельман Н.* Прекрасен наш союз... — М., 2006. (Материал о лиценстах и А.С. Пушкине.)
3. Пушкин в воспоминаниях современников. 3-е изд., доп. — СПб., 1998. Т. 2. (А.С. Пушкин глазами друзей.)

МИХАИЛ
ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ
1814—1841

Когда по окончании юнкерской школы Лермонтов вышел корнетом в лейб-гвардии Гусарский полк и впервые надел офицерский мундир, бабка поэта заказала художнику Будкину его парадный портрет.

С полотна пристально смотрит на нас спокойный, благообразный гвардеец с правильными чертами лица: удлинённый овал, высокий лоб, строгие карие глаза, прямой, правильной формы нос, щегольские усики над пухлым ртом. В руке — шляпа с плюмажем¹. «Можем... засвидетельствовать, — писал об этом портрете родственник поэта М. Лонгинов, — что он (хотя несколько польщенный, как обыкновенно бывает) очень похож и один может дать истинное понятие о лице Лермонтова». Но как согласовать это изображение с другими портретами, на которых Лермонтов представлен с неправильными чертами, узеньким подбородком, даже чуть вздернутым носом?

Всматриваясь в изображение Лермонтова, мы понимаем, что художники старательно пытались передать выражение глаз. И чувствуем, что взгляд не уловлен. При этом — портреты все разные. Если пушкинские как бы дополняют друг друга, то лермонтовские один другому противоречат. Правда, Пушкина писали великолепные портретисты — Кипренский, Тропинин, Соколов, Пушкина лепил Витали. Лермонтовские портреты принадлежат художникам не столь знаменитым — Заболотскому, Клюндеру, Горбунову, способным, однако, передать характерные черты, а тем более сходство. Но, несмотря на все их старания, они не сумели схватить *жизни* лица, оказались

¹ *Плюмаж* — украшение из перьев на головном уборе и конской сбруе.

бессильны в передаче *духовного* облика Лермонтова, ибо в этих изображениях нет главного — нет поэта! И пожалуй, наиболее убедительны из бесспорных портретов Лермонтова — беглый рисунок Д. Палена — Лермонтов в профиль, в смятой фуражке — и акварельный автопортрет: Лермонтов на фоне Кавказских гор, в бурке, с кинжалом на поясе, с огромными печально-взволнованными глазами. Два этих портрета представляются нам похожими более других потому, что они внутренне чем-то сходны между собой и при этом гармонируют с поэзией Лермонтова.

Дело, видимо, не в портретистах, а в неуловимых чертах поэта. Они ускользали не только от кисти художников, но и от описаний мемуаристов. И если мы обратимся к воспоминаниям о Лермонтове, то сразу же обнаружим, что люди, знавшие его лично, в представлении о его внешности совершенно расходятся между собой (я выделяю курсивом эти несоответствия). Одних поражали *большие глаза* поэта, другие запомнили выразительное лицо с необыкновенно *быстрыми маленькими* глазами. Глаза маленькие и быстрые? Нет! Ивану Сергеевичу Тургеневу они кажутся *большими и неподвижными*: «Задумчивой презрительностью и страстью веяло от его смуглого лица, от его больших неподвижно-темных глаз». Но один из юных почитателей Лермонтова, которому посчастливилось познакомиться с поэтом в последний год его жизни, был поражен. «То были скорее *длинные щели*, а не глаза, — пишет он, — и щели, полные злости и ума». На этого мальчика неизгладимое впечатление произвела вся внешность Лермонтова: огромная голова, широкий, но не высокий лоб, выдающиеся скулы, лицо коротенькое, оканчивавшееся узким подбородком, желтоватое, нос вздернутый, фыркающий ноздрями, реденькие усики, коротко остриженные волосы. И — сардоническая¹ улыбка... А один из приятелей Лермонтова пишет о милом выражении лица. Один говорит: «широкий, но *не высокий лоб*», другой: «необыкновенно высокий лоб». И снова: «*большие глаза*». И опять возражение: нет, «глаза небольшие, калмыцкие, но живые, с огнем, выразительные». И решительно все стремятся передать непостижимую силу взгляда: «огненные глаза», «черные, как уголь», «с двумя углями вместо глаз». По одним воспоминаниям, глаза Лермонтова «сверкали мрачным огнем», другой мемуарист запомнил его с

¹ *Сардонический* — злой, злонасмешливый, язвительный.

М.Ю. Лермонтов, поручик Тенгинского
пехотного полка. Рисунок Д.П. Палена. 1840 г.

«пламенными, но грустными по выражению глазами», смотревшими на него «приветливо, с душевной теплотой».

Последние строки взяты из воспоминаний художника П.Е. Меликова, который особое внимание уделил в своем описании взгляду Лермонтова. «Приземистый, маленький ростом, с большой головой и бледным лицом, — пишет Меликов, — он обладал большими карими глазами, сила обаяния которых до сих пор остается для меня загадкой. Глаза эти с умными черными ресницами, делавшими их еще глубже, производили чарующее впечатление на того, кто бывал симпатичен Лермонтову. Во время вспышек гнева они были ужасны. Я никогда не в состоянии был бы написать портрет Лермонтова при виде неправильностей и очертания его лица, и, по моему мнению, один только К.П. Брюллов совладал бы с такой задачей, так как он писал не портреты, а взгляды (по его выражению, вставить огонь глаз)». Однако на этот счет сам Карл Брюллов держался иного мнения. «Я как художник, — сказал он однажды, вспомнив лермонтовские стихи, — всегда прилежно следил за проявлением способностей в чертах лица человека; но в Лермонтове я ничего не нашел».

Впрочем, и сам Лермонтов смеялся над собою, говоря, что судьба, будто на смех, послала ему *общую армейскую наружность*.

М.Ю. Лермонтов. Автопортрет. 1837–1838 гг.

Не только внешность, но и характер его современники изображают между собой так несхоже, что временами кажется, словно речь идет о двух Лермонтовых. Одним он кажется холодным, желчным, раздражительным. Других поражает живостью и веселостью. Одному вся фигура поэта внушает безотчетное нерасположение. Другого он привлекает «симпатичными чертами лица». «Язвительная улыбка», «злой и угрюмый вид», — читаем в записках светской красавицы. «Скучен и угрюм» — это из отзывов лиц, принадлежавших к великосветскому обществу. А человек из другого круга — кавказский офицер А. Есаков, бывший еще безусым в пору, когда познакомился с Лермонтовым, — вспоминает: «Он школьничал со мной до предела возможного, а когда замечал, что теряю терпение (что, впрочем, не долго заставляло себя ждать), он, бывало, ласковым своим словом, добрым взглядом или поцелуем тотчас уймёт мой пыл».

И совсем другой Лермонтов в изображении поэта — переводчика Лермонтова на немецкий язык: «В его характере преобладало задумчивое, часто грустное настроение». И снова — портрет, открывающий новые грани характера, — воспоминания князя А. Лобанова-Ростовского, с которым Лермонтов встречался в Петербурге, в компании своих сверстников: «С глазу на глаз и вне круга товарищей он был любезен, речь его была интересна, всегда оригинальна и немного язвительна. Но в своем обществе это был настоящий дьявол, воплощение шума, буйства, разгула, насмешки».

Очевидно, Лермонтова можно было представить себе только в динамике — в резких сменах душевных состояний, в быстром движении мысли, в постоянной игре лица. А кроме того, он, конечно, и держался по-разному — в петербургских салонах, где подчеркивал свою внутреннюю свободу, независимость, презрение к светской толпе, и в компании дружеской, среди людей простых и достойных.

И.Л. Андроников

Вопросы и задания

1. Назовите ключевые слова и словосочетания для рассказа о поэте.
2. Каким воссоздает образ поэта И.Л. Андроников?
3. Назовите известные вам работы художников, музыкантов, писателей и других деятелей искусства, созданные на основе произведений М.Ю. Лермонтова.

Советуем прочитать

1. Михаил Юрьевич Лермонтов. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. — М.; Л.: Советский художник, 1964.
2. Сизова М. Из пламя и света: Лермонтов. — М., 1960.
3. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. — М., 1989.

Особое место в лермонтовской лирике занимает тема России. Патриотический дух, связанный с победой над Наполеоном, еще не угас. Но Родине предстояло пройти через суровые испытания.

В своих стихотворениях Лермонтов говорит о России иногда горькие, но полные любви слова. Его любовь к России крестьянской, мужицкой — вечна. Об этом одно из его лучших стихотворений — «Родина».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям;
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

1841

Вопросы и задания

?

1. Из каких деталей складывается в стихотворении М.Ю. Лермонтова образ Родины?
2. Какой изображена природа в стихотворении? Составьте словарь лексики стихотворения на эту тему и сформулируйте вывод.
3. Говоря о любви к Родине, Лермонтов употребляет слово «странной». Эта же тема, но уже иначе выраженная, звучит в строке: «С отрадой, многим незнакомой...» Почему свое чувство поэт сопровождает таким словосочетанием? Кому незнакомо состояние, переживаемое лирическим персонажем стихотворения? Дайте развернутые аргументированные ответы.
4. Каждый стих со второго по заключительный в первой строфе начинаются с отрицательной частицы. Какое чувство усиливается этим повтором и в какой строке сформулировано это состояние персонажа?

Одним из приемов художественной выразительности является градация.

Градация (от лат. gradatio – постепенное повышение) – художественный прием; синтаксическая конструкция, внутри которой однородные выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры и т.п.) располагаются в порядке усиления или ослабления признака.

5. Широко использован прием градации в стихотворении «Родина». Найдите примеры градации и скажите, чего достигает поэт ее использованием.
6. Прочитайте стихотворение выразительно. Постарайтесь передать чувства поэта по отношению к Родине.

О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

«ПЕСНИ ПРО... КУПЦА КАЛАШНИКОВА»

М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Особое внимание М.Ю. Лермонтова к народному творчеству проявилось во второй половине 1830-х гг. Именно в это время поэт сближается с теми деятелями русской литературы, которые проповедуют в своем творчестве идеи народности, православия, уделяют особое внимание событиям русской истории.

Исследователи творчества поэта указывают на то, что Лермонтова заинтересовал сюжет песни о Мастрюке Темрюковиче из книги Кириши Данилова, изданной в 1818 г. В одном из вариантов песни встречаются такие имена, как дети Кулашниковы, братья Калашнички, Калашниковы. Герой лермонтовской «Песни...» получит именно эту фамилию — Калашников.

М.Ю. Лермонтов был знаком с «Историей государства Российского» Н.М. Карамзина, но он дал другое, чем у писателя-историка, толкование образа царя Ивана Грозного. У Карамзина утверждается, что тирания и деспотизм Грозного являются следствием извращенности его характера. М.Ю. Лермонтов рисует Грозного таким, каким сохранила его народная память. В поступках Грозного отражается прежде всего столкновение между условиями исторического развития России и нереализованными возможностями русского царя как исторического деятеля.

«Песня...» была написана в 1837 г. в период кавказской ссылки. Лермонтов послал ее в журнал, но цензура не разрешила печатать сочинение опального поэта. И лишь благодаря хлопотам В.А. Жуковского «Песня...» была опубликована, но без имени автора. Стояла лишь подпись: «— въ».

Иллюстрации к «Песне...» —
художник В.А. Фаворский. 1955 г.

ПЕСНЯ ПРО ЦАРЯ ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА, МОЛОДОГО ОПРИЧНИКА И УДАЛОГО КУПЦА КАЛАШНИКОВА

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Про тебя нашу песню сложили мы,
Про твоего любимого опричника
Да про смелого купца, про Калашникова;
Мы сложили ее на старинный лад,
Мы певали ее под гуслирный звон
И причитывали да присказывали.
Православный народ ею тешился,
А боярин Матвей Ромодановский
Нам чарку поднес меду пенного,
А боярыня его белолицая
Поднесла нам на блюде серебряном
Полотенце новое, шелком шитое.
Угощали нас три дни, три ночи,
И все слушали — не наслушались.

I

Не сияет на небе солнце красное,
 Не любуются им тучки синие:
 То за трапезой сидит во златом венце,
 Сидит грозный царь Иван Васильевич.
 Позади его стоят стольники,
 Супротив его все бояре да князья,
 По бокам его все опричники;
 И пирует царь во славу Божию,
 В удовольствие свое и веселие.

Улыбаясь, царь повелел тогда
 Вина сладкого заморского
 Нацедить в свой золоченый ковш
 И поднести его опричникам.
 — И все пили, царя славили.

Лишь один из них, из опричников,
 Удалой боец, буйный молодец,
 В золотом ковше не мочил усов;
 Опустил он в землю очи темные,
 Опустил головушку на широку грудь —
 А в груди его была дума крепкая.

Вот нахмурил царь брови черные
 И навел на него очи зоркие,
 Словно ястреб взглянул с высоты небес
 На молодого голубя сизокрылого, —
 Да не поднял глаз молодой боец.
 Вот об землю царь стукнул палкою,
 И дубовый пол на полчетверти
 Он железным пробил оконечником —
 Да не вздрогнул и тут молодой боец.
 Вот промолвил царь слово грозное —
 И очнулся тогда добрый молодец.

«Гей ты, верный наш слуга, Кирибеевич,
 Аль ты думу затаил нечестивую?
 Али славе нашей завидуешь?
 Али служба тебе честная прискучила?»

Когда всходит месяц — звезды радуются,
Что светлей им гулять по поднёбесью;
А которая в тучку прячется,
Та стремглав на землю падает...
Неприлично же тебе, Кирибеевич,
Царской радостью гнушаться;
А из роду ты ведь Скуратовых,
И семьею ты вскормлен Малютиной!..»

Отвечает так Кирибеевич,
Царю грозному в пояс кланаясь:

«Государь ты наш, Иван Васильевич!
Не кори ты раба недостойного:
Сердца жаркого не залить вином,
Думу черную — не запотчевать!
А прогневал я тебя — воля царская:
Прикажи казнить, рубить голову,
Тяготит она плечи богатырские,
И сама к сырой земле она клонится».

И сказал ему царь Иван Васильевич:
«Да об чем тебе, молодцу, кручиниться?
Не истерся ли твой парчевой кафтан?
Не измялась ли шапка соболиная?
Не казна ли у тебя поистратилась?
Иль зазубрилась сабля закаленная?
Или конь захромал, худо кованный?
Или с ног тебя сбил на кулачном бою,
На Москве-реке, сын купеческий?»

Отвечает так Кирибеевич,
Покачав головою кудрявою:

«Не родилась та рука заколдованная
Ни в боярском роду, ни в купеческом;
Аргамак мой степной ходит весело;
Как стекло горит сабля вострая;
А на праздничный день твоей милостью
Мы не хуже другого нарядимся.

Как я сяду поеду на лихом коне
За Москву-реку покатайся,
Кушачком подтянуса шелковым,
Заломлю набочок шапку бархатную,
Черным соболем отороченную, —
У ворот стоят у тесовых
Красны девушки да молодушки
И любятся, глядя, перешептываясь;
Лишь одна не глядит, не любится,
Полосатой фатой закрывается...

На святой Руси, нашей матушке,
Не найти, не сыскать такой красавицы:
Ходит плавно — будто лебедушка;
Смотрит сладко — как голубушка;
Молвит слово — соловей поет;
Горят щеки ее румяные,
Как заря на небе Божиим;
Косы русые, золотистые,
В ленты яркие заплетенные,
По плечам бегут, извиваются,
С грудью белою целуются.
Во семье родилась она купеческой,
Прозывается Аленой Дмитривной.

Как увижу ее, я и сам не свой:
Опускаются руки сильные,
Помрачаются очи бойкие;
Скучно, грустно мне, православный царь,
Одному по свету маяться.
Опостыли мне кони легкие,
Опостыли наряды парчовые,
И не надо мне золотой казны:
С кем казною своей поделюсь теперь?
Перед кем покажу удалство свое?
Перед кем я нарядом похвастаюсь?
Отпусти меня в степи приволжские,
На жите на вольное, на казацкое.
Уж сложу я там буйную головушку
И сложу на копье бусурманское;

И разделят по себе злы татаровья
Коня доброго, саблю острую
И седельце браное черкасское.
Мои очи слезные коршун выключет,
Мои кости сырые дождик вымоет,
И без похорон горемычный прах
На четыре стороны развеется!..»

И сказал, смеясь, Иван Васильевич:
«Ну, мой верный слуга! я твоей беде,
Твоему горю пособить постараюсь.
Вот возьми перстенок ты мой яхонтовый
Да возьми ожерелье жемчужное.
Прежде свахе смышленной поклоняйся
И пошли дары драгоценные
Ты своей Алене Дмитриевне:
Как полюбишься — празднуй свадебку,
Не полюбишься — не прогневайся».

Ох ты гой еси, царь Иван Васильевич!
Обманул тебя твой лукавый раб,
Не сказал тебе правды истинной,
Не поведал тебе, что красавица
В церкви Божией перевенчана,
Перевенчана с молодым купцом
По закону нашему христианскому.

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

II

За прилавкою сидит молодой купец,
Статный молодец Степан Парамонович,
По прозванию Калашников;
Шелковые товары раскладывает,
Речью ласковой гостей он заманивает,
Злато, серебро пересчитывает.

Да недобрый день задался ему:
Ходят мимо баре богатые,
В его лавочку не заглядывают.

Отзвонили вечерню во святых церквах;
За Кремлем горит заря туманная;
Набегают тучки на небо, —
Гонит их метелица распеваючи;
Опустел широкий гостиный двор.
Запирает Степан Парамонович
Свою лавочку дверью дубовою
Да замком немецким со пружиною;
Злого пса-ворчуна зубастого
На железную цепь привязывает,
И пошел он домой, призадумавшись,
К молодой хозяйке за Москву-реку.

И приходит он в свой высокий дом,
И дивится Степан Парамонович:
Не встречает его молода жена,
Не накрыт дубовый стол белой скатертью,
А свеча перед образом еле теплится.
И кличет он старую работницу:
«Ты скажи, скажи, Еремеевна,
А куда девалась, затаилась
В такой поздний час Алена Дмитриевна?
А что детки мои любезные —
Чай, забегались, заигрались,
Спозаранку спать уложились?»

«Господин ты мой, Степан Парамонович,
Я скажу тебе диво дивное:
Что к вечерне пошла Алена Дмитриевна;
Вот уж поп прошел с молодой попадьей,
Засветили свечу, сели ужинать, —
А по сию пору твоя хозяйюшка
Из приходской церкви не вернулася.
А что детки твои малые
Почивать не легли, не играть пошли —
Плачем плачут, всё не унимаются».

И смутился тогда думой крепкою
Молодой купец Калашников;
И он стал к окну, глядит на улицу —
А на улице ночь темнехонька;
Валит белый снег, расстилается,
Заметает след человеческий.

Вот он слышит, в сенях дверью хлопнули,
Потом слышит шаги торопливые;
Обернулся, глядит — сила крестная! —
Перед ним стоит молода жена,
Сама бледная, простоволосая,
Косы русые расплетенные
Снегом-инеем пересыпаны;
Смотрят очи мутные, как безумные;
Уста шепчут речи непонятные.

«Уж ты где, жена, жена, шаталася?
На каком подворье, на площади,
Что растрепаны твои волосы,
Что одежда твоя вся изорвана?
Уж гуляла ты, пиновала ты,
Чай, с сынками все боярскими!..
Не на то пред святыми иконами
Мы с тобой, жена, обручались,
Золотыми кольцами менялись!..
Как запрю я тебя за железный замок,
За дубовую дверь окованную,
Чтобы свету Божьего ты не видела,
Мое имя честное не порочила...»

И, услышав то, Алена Дмитриевна
Задрожала вся, моя голубушка,
Затряслась, как листочек осиновый,
Горько-горько она восплакалась,
В ноги мужу повалилася.

«Государь ты мой, красно солнышко,
Иль убей меня, или выслушай!
Твои речи — будто острый нож;

От них сердце разрывается.
Не боюсь смерти лютыя,
Не боюсь я людской молвы,
А боюсь твоей немилости.

От вечерни домой шла я нонече
Вдоль по улице одинешенька.
И слышалось мне, будто снег хрустит;
Оглянулася — человек бежит.
Мои ноженьки подкосились,
Шелковой фатой я закрылася.
И он сильно схватил меня за руки
И сказал мне так тихим шепотом:
«Что пугаешься, красная красавица?
Я не вор какой, душегуб лесной,
Я слуга царя, царя грозного,
Прозываюсь Кирибеевичем,
А из славной семьи из Малютиной...»
Испугалась я пуще прежнего;
Закружилась моя бедная головушка.
И он стал меня целовать-ласкать
И, цалуя, все приговаривал:
«Отвечай мне, чего тебе надобно,
Моя милая, драгоценная!
Хочешь золота али жемчугу?
Хочешь ярких камней аль цветной парчи?
Как царицу я наряжу тебя,
Станут все тебе завидовать,
Лишь не дай мне умереть смертью грешною:
Полюби меня, обними меня
Хоть единый раз на прощание!»

И ласкал он меня, цаловал меня;
На щеках моих и теперь горят,
Живым пламенем разливаются
Поцалуи его окаянные...
А смотрели в калитку соседушки,
Смеючись, на нас пальцем показывали...

Как из рук его я рванулася
И домой стремглав бежать бросилась;

И остались в руках у разбойника
Мой узорный платок, твой подарочек,
И фата моя бухарская.
Опозорил он, осрамил меня,
Меня честную, непорочную, —
И что скажут злые соседуски,
И кому на глаза покажусь теперь?

Ты не дай меня, свою верную жену,
Злым охульникам в поругание!
На кого, кроме тебя, мне надеяться?
У кого просить стану помощи?
На белом свете я сиротинушка:
Родной батюшка уж в сырой земле,
Рядом с ним лежит моя матушка,
А мой старший брат, сам ты ведаешь,
На чужой сторонushке пропал без вести,
А меньшой мой брат — дитя малое,
Дитя малое, неразумное...»

Говорила так Алена Дмитриевна,
Горючими слезами заливалась.

Посылает Степан Парамонович
За двумя меньшими братьями;
И пришли его два брата, поклонились
И такое слово ему молвили:
«Ты поведай нам, старшой наш брат,
Что с тобой случилось, приключилось,
Что послал ты за нами во темную ночь,
Во темную ночь морозную?»

«Я скажу вам, братцы любезные,
Что лиха беда со мною приключилась:
Опозорил семью нашу честную
Злой опричник царский Кирибеевич;
А такой обиды не стерпеть душе
Да не вынести сердцу молодецкому.
Уж как завтра будет кулачный бой
На Москве-реке при самом царе,

И я выйду тогда на опричника,
Буду насмерть биться, до последних сил;
А побьет он меня — выходите вы
За святую правду-матушку.
Не сробейте, братцы любезные!
Вы моложе меня, свежѐй силою,
На вас меньше грехов накопилось,
Так авось Господь вас помилует!»

И в ответ ему братья молвили:
«Куда ветер дует в поднёбесьи,
Туда мчатся и тучки послушные,
Когда сизый орел зовет голосом
На кровавую долину побоища,
Зовет пир пировать, мертвецов убирать,
К нему малые орлята слетаются:
Ты наш старший брат, нам второй отец;
Делай сам, как знаешь, как ведаешь,
А уж мы тебя, родного, не выдадим».

* * *

Ай, ребята, пойте — только гусли стройте!
Ай, ребята, пейте — дело разумеите!
Уж потешьте вы доброго боярина
И боярыню его белолицую!

III

Над Москвой великой, златоглавою,
Над стеной кремлевской белокаменной
Из-за дальних лесов, из-за синих гор,
По тесовым кровелькам играючи,
Тучки серые разгоняючи,
Заря алая подымается;
Разметала кудри золотистые,
Умывается снегами рассыпчатыми,
Как красавица, глядя в зеркальце,
В небо чистое смотрит, улыбается.
Уж зачем ты, алая заря, просыпалася?
На какой ты радости разыгралася?

Как сходились, собирались
Удалые бойцы московские
На Москву-реку, на кулачный бой,
Разгуляться для праздника, потешиться.
И приехал царь со дружиною,
Со боярами и опричниками,
И велел растянуть цепь серебряную,
Чистым золотом в кольцах спаянную.
Оцепили место в двадцать пять сажень,
Для охотничьего бою, одиночного.
И велел тогда царь Иван Васильевич
Клич кликать звонким голосом:
«Ой, уж где вы, добрые молодцы?
Вы потешьте царя нашего батюшку!
Выходите-ка во широкий круг;
Кто побьет кого, того царь наградит;
А кто будет побит, тому Бог простит!»

И выходит удалой Кирибеевич,
Царю в пояс молча кланяется,
Скидает с могучих плеч шубу бархатную,
Подпершился в бок рукою правою,
Поправляет другой шапку алую,
Ожидает он себе противника...
Трижды громкий клич прокликали —
Ни один боец и не тронулся,
Лишь стоят да друг друга поталкивают.

На просторе опричник похаживает,
Над плохими бойцами подсмеивает:
«Присмирели, небось, призадумались!
Так и быть, обещаюсь, для праздника,
Отпущу живого с покаянием,
Лишь потешу царя нашего батюшку».

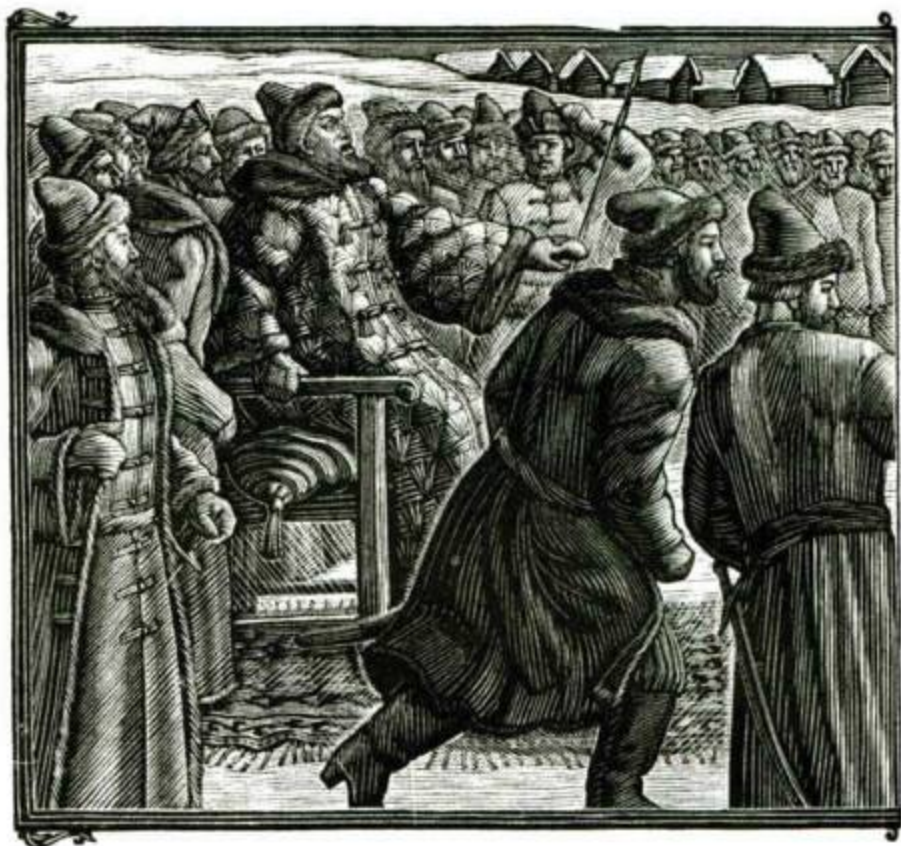
Вдруг толпа раздалась в обе стороны,
И выходит Степан Парамонович,
Молодой купец, удалой боец,

По прозванию Калашников.
Поклонился прежде царю грозному,
После белому Кремлю да святым церквам.
А потом всему народу русскому.
Горят очи его соколиные,
На опричника смотрит пристально.
Супротив него он становится,
Боевые рукавицы натягивает,
Могутные плечи распрямливает
Да кудряву бороду поглаживает.

И сказал ему Кирибеевич:
«А поведай мне, добрый молодец,
Ты какого роду-племени,
Каким именем прозываешься?
Чтобы знать, по ком панихиду служить,
Чтобы было чем и похвастаться».

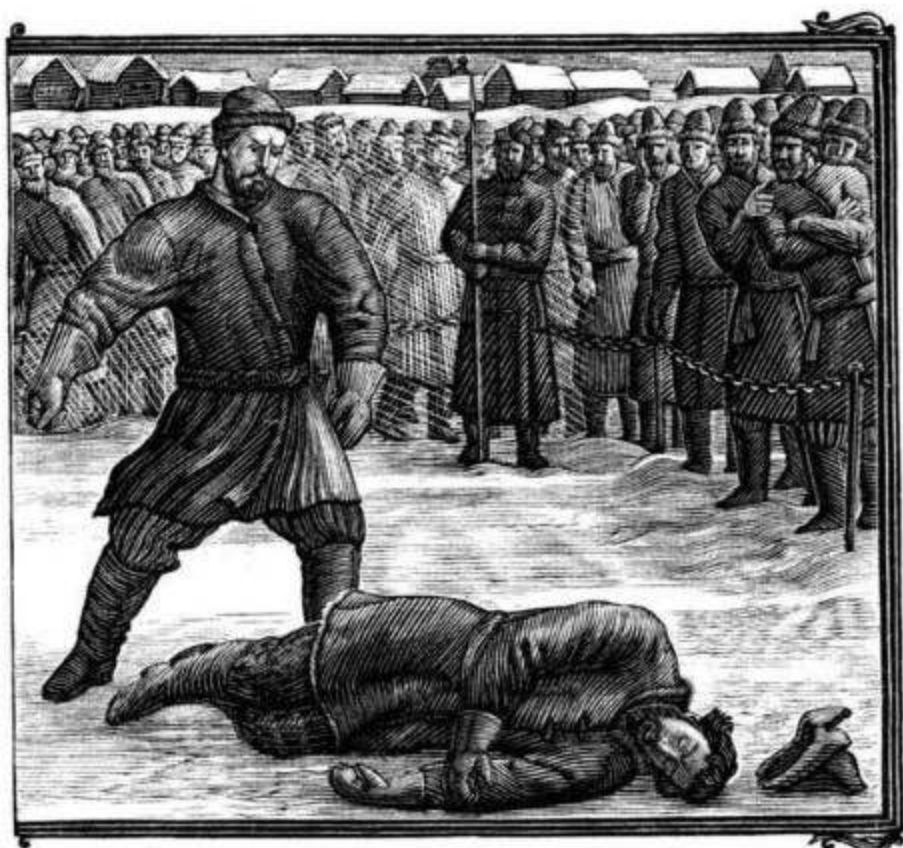
Отвечает Степан Парамонович:
«А зовут меня Степаном Калашниковым,
А родился я от честнова отца,
И жил я по закону Господнему:
Не позорил я чужой жены,
Не разбойничал ночью темною,
Не таился от свету небесного...
И промолвил ты правду истинную:
По одном из нас будут панихиду петь,
И не позже как завтра в час полуденный;
И один из нас будет хвастаться,
С удалыми друзьями пируючи...
Не шутку шутить, не людей смешить
К тебе вышел я теперь, басурманский сын, —
Вышел я на страшный бой, на последний бой!»

И, услышав то, Кирибеевич
Побледнел в лице, как осенний снег;
Бойки очи его затуманились,
Между сильных плеч пробежал мороз,
На раскрытых устах слово замерло...

Вот молча оба расходятся, —
Богатырский бой начинается.

Размахнулся тогда Кирибеевич
И ударил впервой купца Калашникова,
И ударил его посередь груди —
Затрещала грудь молодецкая,
Пошатнулся Степан Парамонович;
На груди его широкой висел медный крест
Со святыми мощами из Киева, —
И погнулся крест и вдавился в грудь;
Как роса из-под него кровь закапала;
И подумал Степан Парамонович:
«Чему быть суждено, то и сбудется;
Постою за правду до последнева!»
Изловчился он, приготовился,

Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.

И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво;
Повалился он на холодный снег,
На холодный снег, будто сосенка,
Будто сосенка, во сыром бору
Под смолистый под корень подрубленная.
И, увидев то, царь Иван Васильевич
Прогневался гневом, топнул о землю
И нахмурил брови черные;
Повелел он схватить удалова купца
И привести его пред лицо свое.

Как возгóворил православный царь:
«Отвечай мне по правде, по совести,
Вольной волею или нехотя
Ты убил насмерть мово верного слугу,
Мово лучшего бойца Кирибеевича?»

«Я скажу тебе, православный царь:
Я убил его вольной волею,
А за что, про что — не скажу тебе,
Скажу только Богу единому.
Прикажи меня казнить — и на плаху несть
Мне головушку повинную;
Не оставь лишь малых детушек,
Не оставь молодую вдову
Да двух братьев моих своей милостью...»

«Хорошо тебе, детинушка,
Удалой боец, сын купеческий,
Что ответ держал ты по совести.
Молодую жену и сирот твоих
Из казны моей я пожалую,
Твоим братьям велю от сего же дня
По всему царству русскому широкому
Торговать безданно, беспошлинно.
А ты сам ступай, детинушка,
На высокое место лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топор велю наточить-наострить,
Палача велю одеть-нарядить,
В большой колокол прикажу звонить,
Чтобы знали все люди московские,
Что и ты не оставлен моей милостью...»

Как на площади народ собирается,
Заунывный гудит-воет колокол,
Разглашает всюду весть недобрую.
По высокому месту лобному

Во рубахе красной с яркой запонкой,
С большим топором наостренным,
Руки голые потираючи,
Палач весело похаживает,
Удалова бойца дожидается, —
А лихой боец, молодой купец,
Со родными братьями прощается:

«Уж вы, братцы мои, други кровные,
Поцалуемтесь да обнимемтесь
На последнее расставание.
Поклонитесь от меня Алене Дмитриевне,
Закажите ей меньше печалиться,
Про меня моим детушкам не сказывать;
Поклонитесь дому родительскому,
Поклонитесь всем нашим товарищам,
Помолитесь сами в церкви Божией
Вы за душу мою, душу грешную!»

И казнили Степана Калашникова
Смертью лютою, позорною;
И головушка бесталанная
Во крови на плаху покатилая.

Схоронили его за Москвой-рекой,
На чистом поле промеж трех дорог:
Промеж Тульской, Рязанской, Владимирской,
И бугор земли сырой тут насыпали,
И кленовый крест тут поставили.
И гуляют-шумят ветры буйные
Над его безымянной могилкою.
И проходят мимо люди добрые:
Пройдет стар человек — перекрестится,
Пройдет молодец — приосанится,
Пройдет девица — пригорюнится,
А пройдут гусяры — споют песенку.

Гей вы, ребята удалые,
 Гуслияры молодые,
 Голоса заливные!
 Красно начинали — красно и кончайте,
 Каждому правдою и честью воздайте.
 Тороватому боярину слава!
 И красавице боярыне слава!
 И всему народу христианскому слава!

1837

Вопросы и задания

1. Почему М.Ю. Лермонтов назвал свою поэму песней?
2. Назовите приемы народной песни, используемые М.Ю. Лермонтовым в «Песне...». Приведите примеры.
3. Рассмотрите репродукции картин к «Песне...», помещенные в учебнике. Какие эпизоды поэмы проиллюстрированы художником? Выпишите фрагменты текста, соответствующие каждой иллюстрации.
4. Воссоздайте устно портреты и расскажите о характерах Кирибеевича, Калашникова, Алены Дмитриевны. Запишите ключевые слова, необходимые для этого.
5. Какая сцена из поэмы произвела на вас наибольшее впечатление? Почему?
6. Прочитайте описание утра перед кулачным боем. Какой вам представляется эта картина? Запишите ключевые слова.
7. Как связаны сила и правда в поэме Лермонтова?

8. Почему Калашников не отвечает царю на вопрос о причинах убийства Кирибеевича?

9. Объясните значение слов и словосочетаний: *опричник, православный народ, кручиниться, зазубрилась сабля, отороченный, фата, молвить, сваха, перевенчана, горю пособить, простоволосая, сказывать.*

ПОГОВОРИМ О ПРОЧИТАННОМ

«Песня...» М.Ю. Лермонтова напоминает старинную легенду, сказанную скоморохами-гусярами. Лермонтов использует в ней разнообразные жанровые особенности русского фольклора, свойственные не только былинам, но и балладам, лирическим песням, причитаниям. Он широко воспроизводит народную речь, стилистику, синтаксис и народный стих. И все это не мешает поэту создавать ситуации, которые не свойственны фольклору: противопоставляет опричника и купца, свободолюбивую натуру и характер, вобравший «народные» начала, борца за справедливость.

В «Песне...» изображено время царствования Иоанна Грозного. Этот период русской истории понадобился Лермонтову для постановки наиболее значимых для него вопросов. В «Песне...» два центральных героя. Один из них — опричник и царский любимец Кирибеевич, человек широкого размаха, удали и необузданного своеволия. Он готов принести в жертву своим страстям честь, спокойствие окружающих его людей. Не случайно дважды в поэме упоминается о знаменитой его родословной, восходящей к «славному» роду кровавого Малюты Скуратова. Калашников — противоположность Кирибеевичу. Лермонтов создает мощный характер носителя непоколебимых устоев народной жизни. Калашников наделен качествами основных лермонтовских персонажей — способностью к бесстрашному протесту и борьбе. В его образе развивается и наполняется народным содержанием давняя лермонтовская тема мстителя, борющегося за справедливость.

Высокие доблесть, человеческое достоинство Калашникова, нравственное превосходство его над незаурядным

Царь Иван Васильевич IV (Грозный).
Миниатюра из «Титулярника». 1672 г.

противником Кирибеевичем утверждаются не только всей силой образа «удалого купца», но и заключающими текст «Песни...» стихами о той безотчетной людской памяти и сочувствии, которыми народ окружил его безымянную могилу на распутье больших русских дорог.

В «Песне...» обнаруживается и другая грань: своевольный герой Кирибеевич должен быть непременно наказан, и он чувствует справедливость этого возмездия. Это наказание осуществляется не властью провидения и не одной лишь волей Калашникова, вставшего на защиту чести. Он наказывается силой совести. Он не лишен морального сознания, почувствовал перед поединком роковое для него смущение и был сражен. Калашников в народном сознании был прав. Поединок в «Песне...» — не удалая игра, а нравственный акт.

Лермонтов не стремился запечатлеть в «Песне...» образ исторического Иоанна Грозного. Это скорее «грозный царь разбойничьих песен, носитель абсолютной власти и комплекса народных представлений и этических понятий», — сказал по этому поводу ученый-литературовед В.Э. Вацуро.

Для сюжета песни очень важно, что гуслирам принадлежат слова в конце первой части: «обманул тебя твой лукавый раб...», которые иногда ошибочно воспринимаются как часть монолога Кирибеевича.

Для вас, любознательные

...из роду ты ведь Скуратовых, / И семьею ты вскормлен Малютиной!.. — Малюта Скуратов (Бельский Григорий Лукьянович, ум. 1573) — опричник, приближенный царя Ивана IV, активнейший участник многих его злодеяний, палач и убийца.

Кулачный бой в XVI в. был одним из распространенных видов общественного развлечения. Он воспринимался как испытание силы и удали русских богатырей. «Потешить царя-батюшку» выходили они к Москве-реке, без личной ненависти и желания смерти другу другу. Победа в таком бою доказывала лишь физическое превосходство одного из соперников — торжествовала «спортивная» справедливость. В фольклорной «Песне про Кострюка» (Кириша Данилов, П.В. Киреевский), считающейся одним из возможных источников замысла лермонтовской поэмы, кулачный бой приобретает дополнительное значение — сталкиваются «чужак» и «свой». Победа русского богатыря здесь выглядит закономерной еще и потому, что он бьется *на* родной земле и фактически *за* нее — отстаивая честь Руси от хвастливых посягательств кабардинца.

В «Песне про... купца Калашникова» первое упоминание о поединке принадлежит Иоанну, который во время пира обращается к своему любимому опричнику: «...или с ног тебя сбил на кулачном бою, // На Москве-реке, сын купеческий». Царское предсказание не тревожит Кирибеевича, убежденного в своей непобедимости: «Не родилась та рука заколдованная...». С этой уверенностью в себе Кирибеевич выходит на бой, не по-

дозревая, что будет играть по иным правилам. «Не шутку шутить, не людей смешить... вышел я на страшный бой, на последний бой!» — эти слова Калашникова знаменуют превращение боя в судный поединок.

Судебник 1550 г. устанавливал четкие правила проведения «поля», которое являлось последним средством выяснения истины, когда варианты мирного разрешения конфликта исчерпаны или невозможны. В судном поединке побеждает не сила, а правда — определяющим является нравственный перевес (правота) одного из противников, которому Бог дарует победу как доказательство высшей справедливости. Судный поединок — бой между истцом и ответчиком, оскорбленным и оскорбившим — изначально неравен: в нем участвуют тот, кто должен победить, и тот, кто должен проиграть.

Живое слово

Составьте письменную рецензию на любой эпизод из «Песни...» (по вашему выбору). Озаглавьте свою работу.

Рецензия — отзыв, разбор и оценка художественного, научного или научно-популярного произведения.

После уроков

В «Песне...» говорится о времени правления Ивана Грозного. С этой эпохой и образом Грозного вы уже знакомы, в том числе и по материалам, изучаемым в курсе истории. Представьте себе, что вы оформляете экспозицию в историко-литературном музее. Подберите материал для нее по теме «Москва Ивана Грозного».

НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ГОГОЛЬ
1809—1852

С детских лет Гоголя окружала обстановка, насыщенная горячим интересом к литературе и театру. Его отец был одним из первых украинских писателей, автором комедий, написанных на украинском языке. По характеру он отличался хозяйственностью, практичностью и чувствительностью; создавал нечто подобное приусадебному парку: строил беседочки, гrotтики, подыскивал названия каждой аллее.

Васильевка, в которой прошли детские годы Н.В. Гоголя, была типичным уголком украинской провинции. Отец Гоголя заботился о воспитании детей. Учился Николай Васильевич сначала в полтавском уездном училище, затем в Гимназии высших наук князя Безбородко в Нежине в течение девяти лет.

После некоторой начальной стеснительности, обычной у провинциала, он очень скоро стал постоянным, замечательным по склонности к насмешке участником приятельского круга: выступал в гимназическом журнале, выделялся актерским дарованием в гимназическом театре — особенно успешно, как вспоминает его одноклассник Нестор Кукольник, исполнял роль Простаковой в «Недоросле» Фонвизина.

С самого раннего возраста у Гоголя появляется интерес к народному творчеству, передовой литературе (журналам, альманахам, произведениям А.С. Пушкина), активному собиранию книг. Уже в первых произведениях писателя проявилась сатирическая направленность, внимание к реальной жизни.

Вначале писатель скрывался под вымышленными именами. Вот некоторые из гоголевских псевдонимов: В. Алов, П. Глечик

Н.В. Гоголь.
Автолитография А.Г. Венецианова. 1834 г.

(по-украински «глечик» — горшок), четыре «О» (в них зашифрованы «О» его имени и фамилии (Николай Гоголь-Яновский), Г. Янов. Псевдонимы Гоголя были выражением естественных исканий своего пути и исчезли, как только он обрел уверенность в призвании.

Творчество Гоголя в основном связано с 1830-ми и началом 1840-х гг. В эти годы написаны почти все важнейшие произведения писателя — «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Арабески», «Миргород», «Ревизор» и другие драматические произведения, завершена первая часть «Мертвых душ».

Цикл петербургских повестей создавался Гоголем на протяжении ряда лет (1832—1835), одновременно с «Миргородом». Петербург показал писателю изнанку жизни, контрасты и противоречия богатства и бедности, униженность и забитость простых тружеников, научил различать за парадной внешностью столицы ее оборотную сторону, тяжелую и безрадостную жизнь бедняков.

Невский проспект зимой.
Художник А.И. Шарлемань. 1856 г.

Гоголь был подготовлен к созданию петербургских повестей той суровой школой жизни, которую ему самому пришлось пройти в молодые годы. Приехав в столицу из Нежина в 1829 г., он узнал на собственном опыте и положение бедного чиновника-переписчика в департаменте, и среду молодых художников, толпившихся в классах Петербургской академии художеств (Гоголь одно время посещал их), и переживания бедняка, у которого нет денег на покупку теплой шинели и который вынужден в зимние морозы спешить со службы домой, кутаясь в холодный летний плащ (все эти впечатления отражены в письмах Гоголя к матери из Петербурга в начале 30-х гг.). Этот жизненный опыт позволил Гоголю сделать следующий шаг по назначенному Пушкиным пути и показать в своих повестях Петербург глазами сначала бедного художника-разночинца, а затем рядового чиновника.

Гоголь открыл в «низах» социальной иерархии не признаваемую в «верхах» человеческую душу. Повесть «Шинель» воочию

убедила каждого, что существует высшая драгоценность жизни, несопоставимая с «шинелями», обладают ею даже «значительные лица», но все человеческое в них подавляется несправедливым общественным устройством.

О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ Н.В. ГОГОЛЯ «ШИНЕЛЬ»

Виссарион Григорьевич Белинский назвал «Шинель» «одним из глубочайших созданий Гоголя»; Александр Иванович Герцен — «колоссальным произведением»; Федор Михайлович Достоевский в беседах с французским критиком о русских писателях 40—60-х гг. XIX в. сказал, что все они «вышли из «Шинели» Гоголя».

Что же послужило поводом для создания этой повести?

П.В. Анненков, русский литературный критик, мемуарист, часто бывавший у Гоголя до его отъезда в Петербург, вспоминал: «Никогда... даже в среде одушевленных и жарких прений... не покидала его лица постоянная, как бы приросшая к нему, наблюдательность. Зоркий глаз его постоянно следил за душевными и характеристическими явлениями в других. Он хотел видеть даже и то, что легко было предугадать... Для Гоголя как здесь, так и в других сферах жизни ничего не пропадало даром. Он прислушивался к замечаниям, описаниям, анекдотам, наблюдениям своего круга и, случалось, пользовался ими...

Однажды при Гоголе рассказан был канцелярский анекдот о каком-то бедном чиновнике, страстном охотнике за птицей, который необычайной экономией и неутомимыми усиленными трудами сверх должности накопил сумму, достаточную на покупку хорошего лепажевского ружья рублей в 200 (ассигнациями). В первый раз, как на маленькой своей лодочке пустился он по Финскому заливу за добычей, положив драгоценное ружье перед собою на нос, он находился, по его собственному уверению, в каком-то самозабвении и пришел в себя только тогда, как, взглянув на нос, не увидел своей обновки. Ружье было стянуто в воду густым тростником, через который он где-то проезжал, и все усилия отыскать его были тщетны. Чиновник возвратился домой, лег в постель и уже не вставал: он схватил горячку. Только общей подпиской его товарищей, узнавших о происшествии и купивших

ему новое ружье, возвращен он был к жизни, но о страшном событии уже не мог никогда вспоминать без смертельной бледности на лице... Все смеялись анекдоту, имевшему в основании истинное происшествие, включая Гоголя, который выслушал его задумчиво и опустил голову. Анекдот был первой мыслью повести его «Шинель», и она заронила в душу его в тот самый вечер».

Замысел «Шинели» долго складывался в художественном воображении Гоголя. Завершена повесть была только через четыре года после описываемых событий.

Вопросы и задания

1. Какие впечатления детства и юности повлияли на творчество Гоголя?
2. Как оценили повесть «Шинель» русские писатели А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, критик В.Г. Белинский?

ШИНЕЛЬ

В департаменте... но лучше не называть, в каком департаменте. Ничего нет сердитее всякого рода департаментов, полков, канцелярий и, словом, всякого рода должностных сословий. Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника¹, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится ре-

¹ Капитан-исправник — начальник уездной полиции.

Акакий Акакиевич в департаменте.
Художник А.В. Ванециан. 1951 г.

шительно все. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде. Итак, во избежание всяких неприятностей, лучше департамент, о котором идет дело, мы назовем *одним департаментом*. Итак, в *одном департаменте* служил *один чиновник*; чиновник нельзя сказать, чтобы очень замечательный, низенького роста, несколько рябоват, несколько рыжеват, несколько даже на вид подслеповат, с небольшою лысиной на лбу, с морщинами по обеим сторонам щек и цветом лица, что называется, геморроидальным... Что ж делать! виноват петербургский климат. Что касается до чина (ибо у нас прежде всего нужно объявить чин), то он был то, что называют вечный титулярный советник, над которым, как известно,

натрунились и наострились вдоволь разные писатели, имеющие похвальное обыкновение налегать на тех, которые не могут кусаться. Фамилия чиновника была Башмачкин. Уже по самому имени видно, что она когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошла она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин, и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки. Имя его было Акакий Акакиевич. Может быть, читателю оно покажется несколько странным и выисканным, но можно уверить, что его никак не искали, а что сами собою случились такие обстоятельства, что никак нельзя было дать другого имени, и это произошло именно вот как: родился Акакий Акакиевич против ночи, если только не изменяет память, на 23 марта. Покойница матушка, чиновница и очень хорошая женщина, расположилась, как следует, окрестить ребенка. Матушка еще лежала на кровати против дверей, а по правую руку стоял кум, превосходнейший человек, Иван Иванович Ерошкин, служивший столоначальником в Сенате, и кума, жена квартального офицера, женщина редких добродетелей, Арина Семеновна Белобрюшкова. Родильнице предоставили на выбор любое из трех, какое она хочет выбрать: Моккия, Соссия, или назвать ребенка во имя мученика Хоздазата. «Нет, — подумала покойница, — имена-то все такие». Чтобы угодить ей, развернули календарь в другом месте; вышли опять три имени: Трифилий, Дула и Варахасий. «Вот это наказание, — проговорила старуха, — какие все имена; я, право, никогда и не слыхивала таких. Пусть бы еще Варадат или Варух, а то Трифилий и Варахасий». Еще перевернули страницу — вышли: Павсикахий и Вахтисий. «Ну, уж я вижу, — сказала старуха, — что, видно, его такая судьба. Уж если так, пусть лучше будет он называться, как и отец его. Отец был Акакий, так пусть и сын будет Акакий». Таким образом и произошел Акакий Акакиевич. Ребенка окрестили, причем он заплакал и сделал такую гримасу, как будто бы предчувствовал, что будет титулярный советник. Итак, вот каким образом произошло все это. Мы привели потому это, чтобы читатель мог сам видеть, что это случилось совершенно по необходимости и другого имени дать было никак невозможно. Когда и в какое время он поступил в департамент и кто определил его, этого никто не мог припомнить. Сколько ни переменялось директоров и всяких начальников, его видели

всё на одном и том же месте, в том же положении, в той же самой должности, тем же чиновником для письма, так что потом уверились, что он, видно, так и родился на свет уже совершенно готовым, в вицмундире и с лысиной на голове. В департаменте не оказывалось к нему никакого уважения. Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха. Начальники поступали с ним как-то холодно-деспотически. Какой-нибудь помощник столоначальника прямо совал ему под нос бумаги, не сказав даже «перепишите», или «вот интересное, хорошенькое дельце», или что-нибудь приятное, как употребляется в благовоспитанных службах. И он брал, посмотрев только на бумагу, не глядя, кто ему подложил и имел ли на то право. Он брал и тут же пристраивался писать ее. Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же перед ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докуч он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» И что-то странное заключалось в словах и в голосе, с каким они были произнесены. В нем слышалось что-то такое преклоняющее на жалость, что один молодой человек, недавно определившийся, который, по примеру других, позволил было себе посмеяться над ним, вдруг остановился, как будто пронзенный, и с тех пор как будто все переменялось перед ним и показалось в другом виде. Какая-то неестественная сила оттолкнула его от товарищей, с которыми он познакомился, приняв их за приличных, светских людей. И долго потом, среди самых веселых минут, представлялся ему низенький чиновник с лысинкою на лбу, с своими проникающими словами: «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?» — и в этих проникающих словах звенели другие слова: «Я брат твой». И закрывал себя рукою бедный молодой человек, и много раз содрогался он потом на веку своем, видя, как много в че-

ловеке бесчеловечья, как много скрыто свирепой грубости в утонченной, образованной светскости, и, Боже! даже в том человеке, которого свет признает благородным и честным...

Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, — нет, он служил с любовью. Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его. Если бы соразмерно его рвению давали ему награды, он, к изумлению своему, может быть, даже попал бы в статские советники; но выслужил он, как выражались остряки, его товарищи, пряжку в петлицу да нажил геморрой в поясницу. Впрочем, нельзя сказать, чтобы не было к нему никакого внимания. Один директор, будучи добрый человек и желая вознаградить его за долгую службу, приказал дать ему что-нибудь поважнее, чем обыкновенное переписыванье; именно из готового уже дела велено было ему сделать какое-то отношение в другое присутственное место; дело состояло только в том, чтобы переменить заглавный титул да переменить кое-где глаголы из первого лица в третье. Это задало ему такую работу, что он вспотел совершенно, тер лоб и наконец сказал: «Нет, лучше дайте я перепишу что-нибудь». С тех пор оставили его навсегда переписывать. Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжевато-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинною, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, попевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. Ни один раз в жизни не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице, на что, как известно, всегда посмотрит его же брат, молодой

чиновник, простираящий до того проницательность своего бойкого взгляда, что заметит даже, у кого на другой стороне тротуара отпоролась внизу панталон стремешка, — что вызывает всегда лукавую усмешку на лице его.

Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всем свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы. Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел все это с мухами и со всем тем, что ни посылал Бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу.

Даже в те часы, когда совершенно потухает петербургское серое небо и весь чиновный народ наелся и отобедал, кто как мог, сообразно с получаемым жалованьем и собственной прихотью, — когда все уже отдохнуло после департаментского скрипенья перьями, беготни, своих и чужих необходимых занятий и всего того, что задает себе добровольно, больше даже, чем нужно, неугомонный человек, — когда чиновники спешат предать наслаждению оставшееся время: кто побойчее, несется в театр; кто на улицу, определяя его на рассматриванье кое-каких шляпенек; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату в четвертый или третий этаж, в две небольшие комнаты с передней или кухней и кое-какими модными претензиями, пампой или иной вещицей, стоившей многих пожертвований, отказов от обедов, гуляний, — словом, даже в то время, когда все чиновники рассеиваются по маленьким квартиркам своих приятелей поиграть в штурмовой вист, прихлебывая чай из стаканов с копеечными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню, занесшюся из высшего

общества, от которого никогда и ни в каком состоянии не может отказаться русский человек, или даже, когда не о чем говорить, пересказывая вечный анекдот о коменданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади Фальконетова монумента¹, — словом, даже тогда, когда все стремится развлечься, — Акакий Акакиевич не предавался никакому развлечению. Никто не мог сказать, чтобы когда-нибудь видел его на каком-нибудь вечере. Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то Бог пошлет переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами.

Есть в Петербурге сильный враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров. В девятом часу утра, именно в тот час, когда улицы покрываются идущими в департамент, начинает он давать такие сильные и колющие щелчки без разбору по всем носам, что бедные чиновники решительно не знают, куда девать их. В это время, когда даже у занимающих высшие должности болит от морозу лоб и слезы выступают в глазах, бедные титулярные советники иногда бывают беззащитны. Все спасение состоит в том, чтобы в тощенькой шинелишке перебежать как можно скорее пять-шесть улиц и потом натопаться хорошенько ногами в швейцарской, пока не оттают таким образом все замерзнувшие на дороге способности и дарованья к должностным отправлениям. Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она

¹ *Фальконетов монумент* — памятник Петру I в Петербурге (Медный всадник) работы французского скульптора Э. Фальконе (1716–1791).

сделалась точная серпянка¹; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расползлась. Надобно знать, что шинель Акакия Акакиевича служила тоже предметом насмешек чиновникам; от нее отнимали даже благородное имя шинели и называли ее капотом. В самом деле, она имела какое-то странное устройство: воротник ее уменьшался с каждым годом более и более, ибо служил на подтачиванье других частей ее. Подтачиванье не показывало искусства портного и выходило, точно, мешковато и некрасиво. Увидевши, в чем дело, Акакий Акакиевич решил, что шинель нужно будет снести к Петровичу, портному, жившему где-то в четвертом этаже по черной лестнице, который, несмотря на свой кривой глаз и рябизну по всему лицу, занимался довольно удачно починкой чиновничьих и всяких других панталон и фраков, — разумеется, когда бывал в трезвом состоянии и не питал в голове какого-нибудь другого предприятия. Об этом портном, конечно, не следовало бы много говорить, но так как уже заведено, чтобы в повести характер всякого лица был совершенно означен, то, нечего делать, подавайте нам и Петровича сюда. Сначала он назывался просто Григорий и был крепостным человеком у какого-то барина; Петровичем он начал называться с тех пор, как получил отпускную и стал попивать довольно сильно по всяким праздникам, сначала по большим, а потом, без разбору, по всем церковным, где только стоял в календаре крестик. С этой стороны он был верен дедовским обычаям и, споря с женой, называл ее мирскою женщиной и немкой. Так как мы уже заикнулись про жену, то нужно будет и о ней сказать слова два; но, к сожалению, о ней не много было известно, разве только то, что у Петровича есть жена, носит даже чепчик, а не платок; но красотою, как кажется, она не могла похвастаться; по крайней мере, при встрече с нею одни только гвардейские солдаты заглядывали ей под чепчик, моргнувши усом и испустивши какой-то особый голос.

Взбираясь по лестнице, ведущей к Петровичу, которая, надобно отдать справедливость, была вся умащена водой, помоями и проникнута насквозь тем спиртуозным запахом, который ест глаза и, как известно, присутствует неотлучно на всех черных лестницах петербургских домов, — взбираясь по лестнице, Акакий Акакиевич уже подумывал о том, сколько запросит

¹ *Серпянка* — бумажная материя.

Петрович, и мысленно положил не давать больше двух рублей. Дверь была отворена, потому что хозяйка, готовя какую-то рыбу, напустила столько дыму в кухне, что нельзя было видеть даже и самых тараканов. Акакий Акакиевич прошел через кухню, не замеченный даже самою хозяйкою, и вступил наконец в комнату, где увидел Петровича, сидевшего на широком деревянном некрашеном столе и подвернувшего под себя ноги свои, как турецкий паша. Ноги, по обычаю портных, сидящих за работою, были нагишом. И прежде всего бросился в глаза большой палец, очень известный Акакию Акакиевичу, с каким-то изуродованным ногтем, толстым и крепким, как у черепахи череп. На шее у Петровича висел моток шелку и ниток, а на коленях была какая-то ветошь. Он уже минуты с три продевал нитку в иглиное ухо, не попадал и потому очень сердился на темноту и даже на самую нитку, ворча вполголоса: «Не лезет, варварка; уела ты меня, шельма этакая!» Акакию Акакиевичу было неприятно, что он пришел именно в ту минуту, когда Петрович сердился: он любил что-либо заказывать Петровичу тогда, когда последний был уже несколько под куражем, или, как выражалась жена его, «осадился сивухой, одноглазый черт». В таком состоянии Петрович обыкновенно очень охотно уступал и соглашался, всякий раз даже кланялся и благодарил. Потом, правда, приходила жена, плачась, что муж-де был пьян и потому дешево взялся; но гривенник, бывало, один прибавишь, и дело в шляпе. Теперь же Петрович был, казалось, в трезвом состоянии, а потому крут, несговорчив и охотник заламливать черт знает какие цены. Акакий Акакиевич смекнул это и хотел было уже, как говорится, на попятный двор, но уж дело было начато. Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич невольно выговорил:

— Здравствуй, Петрович!

— Здравствовать желаю, сударь, — сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нес.

— А я вот к тебе, Петрович, того...

Нужно знать, что Акакий Акакиевич изъяснялся большею частью предложениями, наречиями и, наконец, такими частицами, которые решительно не имеют никакого значения. Если же дело было очень затруднительно, то он даже имел обыкновение совсем не оканчивать фразы, так что весьма часто, начавши речь

словами: «Это, право, совершенно того...» — а потом уже и ничего не было, и сам он позабывал, думая, что все уже выговорил.

— Что ж такое? — сказал Петрович и обсмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его, начиная с воротника до рукавов, спинки, фалд и петлей, — что все было ему очень знакомо, потому что было собственной его работы. Таков уж обычай у портных: это первое, что он сделает при встрече.

— А я вот того, Петрович... шинель-то, сукно... вот видишь, везде в других местах, совсем крепкое, оно немножко запылилось, и кажется, как будто старое, а оно новое, да вот только в одном месте немного того... на спине, да еще вот на плече одном немного попротерлось, да вот на этом плече немножко — видишь, вот и все. И работы немного...

Петрович взял капот, разложил его сначала на стол, рассматривал долго, покачал головою и полез рукою на окно за круглой табакеркой с портретом какого-то генерала, какого именно, неизвестно, потому что место, где находилось лицо, было проткнуто пальцем и потом заклеено четверугольным лоскуточком бумажки. Понюхав табаку, Петрович растопырил капот на руках и рассмотрел его против света и опять покачал головою. Потом обратил его подкладкой вверх и вновь покачал, вновь снял крышку с генералом, заклеенным бумажкой, и, натащивши в нос табаку, закрыл, спрятал табакерку и наконец сказал:

— Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах екнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петрович? — сказал он почти умоляющим голосом ребенка, — ведь только всего что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказал Петрович, — да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой — а вот уж оно и ползет.

— Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку.

— Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слава что сукно, а подуй ветер, так разлетится.

— Ну, да уж прикрепи. Как же этак, право, того!..

— Нет, — сказал Петрович решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. Уж вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте из нее себе онучек, потому что чулок

не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев); а шинель уж, видно, вам придется новую делать.

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло пред ним путаться. Он видел ясно одного только генерала с заклеенным бумажкой лицом, находившегося на крышке Петровичевой табакерки.

— Как же новую? — сказал он, все еще как будто находясь во сне, — ведь у меня и денег на это нет.

— Да, новую, — сказал с варварским спокойствием Петрович.

— Ну, а если бы пришлось новую, как бы она того...

— То есть что будет стоить?

— Да.

— Да три полсотни с лишком надо будет приложить, — сказал Петрович и сжал при этом значительно губы. Он очень любил сильные эффекты, любил вдруг как-нибудь озадачить совершенно и потом поглядеть искоса, какую озадаченный сделает рожу после таких слов.

— Полтора ста рублей за шинель! — вскрикнул бедный Акакий Акакиевич, вскрикнул, может быть, в первый раз от роду, ибо отличался всегда тихостью голоса.

— Да-с, — сказал Петрович, — да еще какова шинель. Если положить на воротник куницу да пустить капишон на шелковой подкладке, так и в двести войдет.

— Петрович, пожалуйста, — говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, — как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

— Да нет, это выйдет: и работу убивать и деньги попусту тратить, — сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный.

А Петрович по уходе его долго еще стоял, значительно сжавши губы и не принимаясь за работу, будучи доволен, что и себя не уронил, да и портного искусства тоже не выдал.

Вышед на улицу, Акакий Акакиевич был как во сне. «Этаково-то дело этокое, — говорил он сам себе, — я, право, и не думал, чтобы оно вышло того... — а потом, после некоторого молчания, прибавил: — Так вот как! наконец вот что вышло, а я, право, совсем и предполагать не мог, чтобы оно было эток». За-

сим последовало опять долгое молчание, после которого он произнес: «Так этак-то! вот какое уж, точно, никак неожиданное, того... этого бы никак... этакое-то обстоятельство!» Сказавши это, он, вместо того чтобы идти домой, пошел совершенно в противную сторону, сам того не подозревая. Дорогою задел его всем нечистым своим боком трубочист и вычернил все плечо ему: целая шапка извести высыпалась на него с верхушки строившегося дома. Он ничего этого не заметил, и потом уже, когда натолкнулся на будочника, который, поставя около себя свою алебарду, натряхивал из рожка на мозолистый кулак табак, тогда только немного очнулся, и то потому, что будочник сказал: «Чего лезешь в самое рыло, разве нет тебе трухтуара?» Это заставило его оглянуться и повернуть домой. Здесь только он начал собирать мысли, увидел в ясном и настоящем виде свое положение, стал разговаривать с собою уже не отрывисто, но рассудительно и откровенно, как с благоразумным приятелем, с которым можно поговорить о деле самом сердечном и близком. «Ну нет, — сказал Акакий Акакиевич, — теперь с Петровичем нельзя толковать: он теперь того... жена, видно, как-нибудь поколотила его. А вот я лучше приду к нему в воскресный день утром: он после канунешной субботы будет косить глазом и заспавшись, так ему нужно будет опохмелиться, а жена денег не даст, а в это время я ему гривенничек и того, в руку, он и будет сговорчивее и шинель тогда и того...» Так рассудил сам с собою Акакий Акакиевич, ободрил себя и дождался первого воскресенья, и, увидев издали, что жена Петровича куда-то выходила из дому, он прямо к нему. Петрович, точно, после субботы сильно окосил глазом, голову держал к полу и был совсем заспавшись; но при всем том, как только узнал, в чем дело, точно как будто его черт толкнул. «Нельзя, — сказал, — извольте заказать новую». Акакий Акакиевич тут-то и всунул ему гривенничек. «Благодарствую, судырь, подкреплюсь маленечко за ваше здоровье, — сказал Петрович, — а уж об шинели не извольте беспокоиться: она ни на какую годность не годится. Новую шинель уж я вам сошью на славу, уж на этом постоим».

Акакий Акакиевич еще было насчет починки, но Петрович не дослышал и сказал: «Уж новую я вам сошью бесприменно, в этом извольте положиться, старанье приложим. Можно будет даже так, как пошла мода: воротник будет застегиваться на серебряные лапки под аплике».

Тут-то увидел Акакий Акакиевич, что без новой шинели нельзя обойтись, и поник совершенно духом. Как же, в самом деле, на что, на какие деньги ее сделать? Конечно, можно бы отчасти положиться на будущее награждение к празднику, но эти деньги давно уж размещены и распределены вперед. Требовалось завести новые панталоны, заплатить сапожнику старый долг за приставку новых головок к старым голенищам, да следовало заказать швее три рубахи да штуки две того белья, которое неприлично называть в печатном слоге, — словом, все деньги совершенно должны были разойтись; и если бы даже директор был так милостив, что вместо сорока рублей наградных определил бы сорок пять или пятьдесят, то все-таки останется какой-нибудь самый вздор, который в шинельном капитале будет капля в море. Хотя, конечно, он знал, что за Петровичем водилась блажь заломить вдруг черт знает какую непомерную цену, так что уж, бывало, сама жена не могла удержаться, чтобы не вскрикнуть: «Что ты с ума сходишь, дурак такой! В другой раз ни за что возьмет работать, а теперь разнесла его нелегкая запросить такую цену, какой и сам не стоит». Хотя, конечно, он знал, что Петрович и за восемьдесят рублей возьмется сделать; однако все же откуда взять эти восемьдесят рублей? Еще половину можно бы найти: половина бы отыскалась; может быть, даже немножко и больше; но где взять другую половину?.. Но прежде читателю должно узнать, где взялась первая половина. Акакий Акакиевич имел обыкновение со всякого истрачиваемого рубля откладывать по грошу в небольшой ящичек, запертый на ключ, с прорезанною в крышке дырочкой для бросания туда денег. По истечении всякого полугода он ревизовал накопившуюся медную сумму и заменял ее мелким серебром. Так продолжал он с давних пор, и, таким образом, в продолжение нескольких лет оказалось накопившейся суммы более чем на сорок рублей. Итак, половина была в руках; но где же взять другую половину? Где взять другие сорок рублей? Акакий Акакиевич думал, думал и решил, что нужно будет уменьшить обыкновенные издержки, хотя, по крайней мере, в продолжение одного года: изгнать употребление чаю по вечерам, не зажигать по вечерам свечи, а если что понадобится делать, идти в комнату к хозяйке и работать при ее свечке; ходя по улицам, ступать как можно легче и осторожнее по камням и плитам, почти на цыпочках, чтобы таким образом не истереть

скоро временно подметок; как можно реже отдавать прачке мыть белье, а чтобы не занашивалось, то всякий раз, приходя домой, скинуть его и оставаться в одном только демикотоновом халате, очень давнем и щадимом даже самим временем. Надобно сказать правду, что сначала ему было несколько трудно привыкать к таким ограничениям, но потом как-то привыкло и пошло на лад; даже он совершенно приучился голодать по вечерам; но зато он питался духовно, нося в мыслях своих вечную идею будущей шинели. С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, — и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность — словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул «ух!» и перекрестился. В продолжение каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда все это купится и когда шинель будет сделана. Дело пошло даже скорее, чем он ожидал. Противу всякого чаяния, директор назначил Акакию Акакиевичу не сорок или сорок пять, а целых шестьдесят рублей; уж предчувствовал ли он, что Акакию Акакиевичу нужна шинель, или само собой так случилось, но только у него чрез это очутилось лишних двадцать рублей. Это обстоятельство ускорило ход дела. Еще каких-нибудь два-три месяца небольшого голодания — и у Акакия Акакиевича набралось точно около восьмидесяти рублей. Сердце его, вообще весьма покойное, начало биться. В первый же день он отправился вместе с Петровичем в лавки. Купили сукна очень хорошего — и не мудрено, потому что об этом думали еще за

полгода прежде и редкий месяц не заходили в лавки применяться к ценам; зато сам Петрович сказал, что лучше сукна и не бывает. На подкладку выбрали коленкору¹, но такого добротного и плотного, который, по словам Петровича, был еще лучше шелку и даже на вид казистей и глянцеветей. Куницы не купили, потому что была, точно, дорога; а вместо ее выбрали кошку, лучшую, какая только нашлась в лавке, кошку, которую издали можно было всегда принять за куницу. Петрович провозился за шинелью всего две недели, потому что много было стеганья, а иначе она была бы готова раньше. За работу Петрович взял двенадцать рублей — меньше никак нельзя было: все было решительно шито на шелку, двойным мелким швом, и по всякому шву Петрович потом проходил собственными зубами, вытесняя ими разные фигуры. Это было... трудно сказать, в который именно день, но, вероятно, в день самый торжественнейший в жизни Акакия Акакиевича, когда Петрович принес наконец шинель. Он принес ее поутру, перед самым тем временем, как нужно было идти в департамент. Никогда бы в другое время не пришлось так кстати шинель, потому что начинались уже довольно крепкие морозы и, казалось, грозили еще более усилиться. Петрович явился с шинелью, как следует хорошему портному. В лице его показалось выражение такое значительное, какого Акакий Акакиевич никогда еще не видал. Казалось, он чувствовал в полной мере, что сделал немалое дело и что вдруг показал в себе бездну, разделяющую портных, которые подставляют только подкладки и переправляют, от тех, которые шьют заново. Он вынул шинель из носового платка, в котором ее принес; платок был только что от прачки, он уже потом свернул его и положил в карман для употребления. Вынувши шинель, он весьма гордо посмотрел и, держа в обеих руках, набросил весьма ловко на плеча Акакия Акакиевичу; потом потянул и осадил ее сзади рукой книзу; потом драпировал ею Акакия Акакиевича несколько нараспашку. Акакий Акакиевич, как человек в летах, хотел попробовать в рукава; Петрович помог надеть и в рукава, — вышло, что и в рукава была хороша. Словом, оказалось, что шинель была совершенно и как раз впору. Петрович не упустил при сем случае сказать, что

¹ *Коленкор* — род плотной хлопчатобумажной ткани белой или одноцветной окраски.

он так только, потому что живет без вывески на небольшой улице и притом давно знает Акакия Акакиевича, потому взял так дешево; а на Невском проспекте с него бы взяли за одну только работу семьдесят пять рублей. Акакий Акакиевич об этом не хотел рассуждать с Петровичем, да и боялся всех сильных сумм, какими Петрович любил запускать пыль. Он расплатился с ним, поблагодарил и вышел тут же в новой шинели в департамент. Петрович вышел вслед за ним и, оставаясь на улице, долго еще смотрел издали на шинель и потом пошел нарочно в сторону, чтобы, обогнувши кривым переулком, забежать вновь на улицу и посмотреть еще раз на свою шинель с другой стороны, то есть прямо в лицо. Между тем Акакий Акакиевич шел в самом праздничном расположении всех чувств. Он чувствовал всякий миг минуты, что на плечах его новая шинель, и несколько раз даже усмехнулся от внутреннего удовольствия. В самом деле, две выгоды: одно то, что тепло, а другое, что хорошо. Дороги он не приметил вовсе и очутился вдруг в департаменте; в швейцарской он скинул шинель, осмотрел ее кругом и поручил в особенный надзор швейцару. Неизвестно, каким образом в департаменте все вдруг узнали, что у Акакия Акакиевича новая шинель и что уже капота более не существует. Все в ту же минуту выбежали в швейцарскую смотреть новую шинель Акакия Акакиевича. Начали поздравлять его, приветствовать, так что тот сначала только улыбался, а потом сделалось ему даже стыдно. Когда же все, приступив к нему, стали говорить, что нужно вспрыснуть новую шинель и что, по крайней мере, он должен задать им всем вечер, Акакий Акакиевич потерялся совершенно, не знал, как ему быть, что такое отвечать и как отговориться. Он уже минут через несколько, весь покрасневшись, начал было уверять довольно простодушно, что это совсем не новая шинель, что это так, что это старая шинель. Наконец один из чиновников, какой-то даже помощник столоначальника, вероятно, для того, чтобы показать, что он ничуть не гордец и знает даже с низшими себя, сказал: «Так и быть, я вместо Акакия Акакиевича даю вечер и прошу ко мне сегодня на чай: я же, как нарочно, сегодня именинник». Чиновники, натурально, тут же поздравили помощника столоначальника и приняли с охотой предложение. Акакий Акакиевич начал было отговариваться, но все стали говорить, что неучтиво, что просто стыд и срам, и он уж никак

Акакий Акакиевич в новой шинели. Художники Кукрыникисы (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов). 1952 г.

не мог отказаться. Впрочем, ему потом сделалось приятно, когда вспомнил, что он будет иметь чрез то случай пройтись даже и ввечеру в новой шинели. Этот весь день был для Акакия Акакиевича точно самый большой торжественный праздник. Он возвратился домой в самом счастливом расположении духа, скинул шинель и повесил ее бережно на стене, налюбовавшись еще раз сукном и подкладкой, и потом нарочно вытащил, для сравнения, прежний капот свой, совершенно расползшийся. Он взглянул на него, и сам даже засмеялся: такая была далекая разница! И долго еще потом за обедом он все усмеялся, как только приходило ему на ум положение, в котором находился капот. Пообедал он весело и после обеда уж ничего не писал, никаких бумаг, а так немножко посибаритствовал на постеле, пока не потемнело. Потом, не затягивая дела, оделся, надел на

плечи шинель и вышел на улицу. Где именно жил пригласивший чиновник, к сожалению, не можем сказать: память начинает нам сильно изменять, и всё, что ни есть в Петербурге, все улицы и дома слились и смешались так в голове, что весьма трудно достать оттуда что-нибудь в порядочном виде. Как бы то ни было, но верно, по крайней мере, то, что чиновник жил в лучшей части города, — стало быть, очень не далеко от Акакия Акакиевича. Сначала надо было Акакию Акакиевичу пройти кое-какие пустынные улицы с тощим освещением, но по мере приближения к квартире чиновника улицы становились живее, населенней и сильнее освещены. Пешеходы стали мелькать чаще, начали попадаться и дамы, красиво одетые, на мужчинах попадались бобровые воротники, реже встречались ваньки с деревянными решетчатыми своими санками, утыканными позолоченными гвоздочками, — напротив, всё попадались лихачи в малиновых бархатных шапках, с лакированными санками, с медвежьими одеялами, и пролетали улицу, визжа колесами по снегу, кареты с убранными козлами. Акакий Акакиевич глядел на все это, как на новость. Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: «Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...» А может быть, даже и этого не подумал — ведь нельзя же залезть в душу человека и узнать все, что он ни думает. Наконец достигнул он дома, в котором квартировал помощник столоначальника. Помощник столоначальника жил на большую ногу: на лестнице светил фонарь, квартира была во втором этаже. Вошедши в переднюю, Акакий Акакиевич увидел на полу целые ряды калош. Между ними, посреди комнаты, стоял самовар, шумя и испуская клубами пар. На стенах висели все шинели да плащи, меж-

ду которыми некоторые были даже с бобровыми воротниками или с бархатными отворотами. За стеной был слышен шум и говор, которые вдруг сделались ясными и звонкими, когда отворилась дверь и вышел лакей с подносом, уставленным опорожненными стаканами, сливочником и корзиною сухарей. Видно, что уж чиновники давно собрались и выпили по первому стакану чаю. Акакий Акакиевич, повесивши сам шинель свою, вошел в комнату, и перед ним мелькнули в одно время свечи, чиновники, трубки, столы для карт, и смутно поразили слух его беглый, со всех сторон подымавшийся разговор и шум передвижаемых стульев. Он остановился весьма неловко среди комнаты, ища и стараясь придумать, что ему сделать. Но его уже заметили, приняли с криком, и все пошли тот же час в переднюю и вновь осмотрели его шинель. Акакий Акакиевич хотя было отчасти и сконфузился, но, будучи человеком чистосердечным, не мог не порадоваться, видя, как все похвалили шинель. Потом, разумеется, все бросили и его и шинель и обратились, как водится, к столам, назначенным для виста. Все это: шум, говор и толпа людей, — все это было как-то чудно Акакию Акакиевичу. Он просто не знал, как ему быть, куда деть руки, ноги и всю фигуру свою; наконец подсел он к игравшим, смотрел в карты, засматривал тому и другому в лица и чрез несколько времени начал зевать, чувствовать, что скучно, тем более что уж давно наступило то время, в которое он, по обыкновению, ложился спать. Он хотел проститься с хозяином, но его не пустили, говоря, что непременно надо выпить в честь обновления по бокалу шампанского. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского. Акакия Акакиевича заставили выпить два бокала, после которых он почувствовал, что в комнате сделалось веселее, однако ж никак не мог позабыть, что уже двенадцать часов и что давно пора домой. Чтобы как-нибудь не вздумал удерживать хозяин, он вышел потихоньку из комнаты, отыскал в передней шинель, которую не без сожаления увидел лежавшею на полу, стряхнул ее, снял с нее всякую пушинку, надел на плечи и опустился по лестнице на улицу. На улице все еще было светло. Кое-какие мелочные лавчонки, эти бессменные клубы дворовых и всяких людей, были отперты, другие же, которые были заперты, показывали, однако ж, длинную струю света во всю дверную

щель, означавшую, что они не лишены еще общества и, вероятно, дворовые служанки или слуги еще доканчивают свои толки и разговоры, повергая своих господ в совершенное недоумение насчет своего местопребывания. Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси. Скоро потянулись перед ним те пустынные улицы, которые даже и днем не так веселы, а тем более вечером. Теперь они сделались еще глуше и уединеннее: фонари стали мелькать реже — масла, как видно, уже меньше отпускалось; пошли деревянные дома, заборы; нигде ни души; сверкал только один снег по улицам, да печально чернели с закрытыми ставнями заснувшие низенькие лачужки. Он приблизился к тому месту, где перерезывалась улица бесконечною площадью с едва видимыми на другой стороне ее домами, которая глядела страшною пустынею.

Вдали, Бог знает где, мелькал огонек в какой-то будке, которая казалась стоявшею на краю света. Веселость Акакия Акакиевича как-то здесь значительно уменьшилась. Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. «Нет, лучше и не глядеть», — подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди. «А ведь шинель-то моя!» — сказал один из них громовым голосом, схвативши его за воротник. Акакий Акакиевич хотел было уже закричать «караул», как другой приставил ему к самому рту кулак величиною в чиновничью голову, примолвив: «А вот только крикни!» Акакий Акакиевич чувствовал только, как сняли с него шинель, дали ему пинка коленом, и он упал навзничь в снег и ничего уж больше не чувствовал. Чрез несколько минут он опомнился и поднялся на ноги, но уж никого не было. Он чувствовал, что в поле холодно и шинели нет, стал кричать, но голос, казалось, и не думал долетать до концов площади. Отчаянный, не уставая

«...Пустился он бежать через площадь».
Художник А.В. Ванециан. 1951 г.

кричать, пустился он бежать через площадь прямо к будке, подле которой стоял будочник и, опершись на свою алебарду, глядел, кажется, с любопытством, желая знать, какого черта бежит к нему издали и кричит человек. Акакий Акакиевич, прибежав к нему, начал задыхающимся голосом кричать, что он спит и ни за чем не смотрит, не видит, как грабят человека. Будочник отвечал, что он не видал ничего, что видел, как остановили его среди площади какие-то два человека, да думал, что то были его приятели; а что пусть он, вместо того чтобы понапрасну браниться, сходит завтра к надзирателю, так надзиратель отыщет, кто взял шинель. Акакий Акакиевич прибежал домой в совершенном беспорядке: волосы, которые еще водились у него в небольшом количестве на висках и затылке, совершенно растрепались; бок и грудь и все панталоны были в снегу. Старуха, хозяйка квартиры его, услыша страшный стук в дверь, поспешно вскочила с постели и с башмаком на одной

только ноге побежала отворять дверь, придерживая на груди своей, из скромности, рукою рубашку; но, отворив, отступила назад, увидя в таком виде Акакия Акакиевича. Когда же рассказал он, в чем дело, она всплеснула руками и сказала, что нужно идти прямо к частному, что квартальный надует, пообещается и станет водить; а лучше всего идти прямо к частному, что он даже ей знаком, потому что Анна, чухонка, служившая прежде у нее в кухарках, определилась теперь к частному в няньки, что она часто видит его самого, как он проезжает мимо их дома, и что он бывает также всякое воскресенье в церкви, молится, а в то же время весело смотрит на всех, и что, стало быть, по всему видно, должен быть добрый человек. Выслушав такое решение, Акакий Акакиевич печальный побрел в свою комнату, и как он провел там ночь, предоставляется судить тому, кто может сколько-нибудь представить себе положение другого. Понутру рано отправился он к частному; но сказали, что спит; он пришел в десять — сказали опять: спит; он пришел в одиннадцать часов — сказали: да нет частного дома; он в обеденное время — но писаря в прихожей никак не хотели пустить его и хотели непременно узнать, за каким делом и какая надобность привела и что такое случилось. Так что наконец Акакий Акакиевич раз в жизни захотел показать характер и сказал наотрез, что ему нужно лично видеть самого частного, что они не смеют его не допустить, что он пришел из департамента за казенным делом, а что вот как он на них пожалуется, так вот тогда они увидят. Против этого писаря ничего не посмели сказать, и один из них пошел вызвать частного. Частный принял как-то чрезвычайно странно рассказ о грабительстве шинели. Вместо того чтобы обратить внимание на главный пункт дела, он стал расспрашивать Акакия Акакиевича: да почему он так поздно возвращался, да не заходил ли он и не был ли в каком непорядочном доме, так что Акакий Акакиевич сконфузился совершенно и вышел от него, сам не зная, возымеет ли надлежащий ход дело о шинели или нет. Весь этот день он не был в присутствии (единственный случай в его жизни). На другой день он явился весь бледный и в старом капоте своем, который сделался еще плачевнее. Повествование о грабеже шинели, несмотря на то что нашлись такие чиновники, которые не пропустили даже и тут посмеяться над Акакием Акакиевичем, однако же, многих тронуло. Решились тут же сделать для него складчину, но соб-

рали самую безделицу, потому что чиновники и без того уже много истратились, подписавшись на директорский портрет и на одну какую-то книгу, по предложению начальника отделения, который был приятелем сочинителю, — итак, сумма оказалась самая бездельная. Один кто-то, движимый состраданием, решился, по крайней мере, помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он пошел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель все-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному *значительному лицу*, что *значительное лицо*, спишась и снесясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело. Нечего делать, Акакий Акакиевич решился идти к *значительному лицу*. Какая именно и в чем состояла должность *значительного лица*, это осталось до сих пор неизвестным. Нужно знать, что *одно значительное лицо* недавно сделался значительным лицом, а до того времени он был незначительным лицом. Впрочем, место его и теперь не почиталось значительным в сравнении с другими, еще значительнейшими. Но всегда найдется такой круг людей, для которых незначительное в глазах прочих есть уже значительное. Впрочем, он старался усилить значительность многими другими средствами, именно: завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтоб шло все порядком строжайшим: коллежский регистратор докладывал бы губернскому секретарю, губернский секретарь — титулярному или какому приходилось другому, и чтобы уже, таким образом, доходило дело до него. Так уж на святой Руси все заражено подражанием, всякий дразнит и корчит своего начальника. Говорят даже, какой-то титулярный советник, когда сделали его правителем какой-то отдельной небольшой канцелярии, тотчас же отгородил себе особенную комнату, назвавши ее «комнатой присутствия», и поставил у дверей каких-то капелдинеров с красными воротниками, в галунах, которые брались за ручку дверей и отворяли ее всякому приходившему, хотя в «комнате присутствия» насилу мог уставиться обыкновенный письменный стол. Приемы и обычаи *значительного лица* были солидны и величественны, но не многосложны. Глав-

ным основанием его системы была строгость. «Строгость, строгость и — строгость», — говаривал он обыкновенно и при последнем слове обыкновенно смотрел очень значительно в лицо тому, которому говорил. Хотя, впрочем, этому и не было никакой причины, потому что десяток чиновников, составлявших весь правительственный механизм канцелярии, и без того был в надлежащем страхе; завидя его издали, оставлял уже дело и ожидал стоя ввытяжку, пока начальник пройдет через комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью и состоял почти из трех фраз: «Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли, кто стоит перед вами?» Впрочем, он был в душе добрый человек, хорош с товарищами, услужлив, но генеральский чин совершенно сбил его с толку. Получивши генеральский чин, он как-то спутался, сбился с пути и совершенно не знал, как ему быть. Если ему случалось быть с равными себе, он был еще человек как следует, человек очень порядочный, во многих отношениях даже не глупый человек; но как только случалось ему быть в обществе, где были люди хоть одним чином пониже его, там он был просто хоть из рук вон: молчал, и положение его возбуждало жалость, тем более что он сам даже чувствовал, что мог бы провести время несравненно лучше. В глазах его иногда видно было сильное желание присоединиться к какому-нибудь интересному разговору и кружку, но останавливала его мысль: не будет ли это уж очень много с его стороны, не будет ли фамильярно, и не уронит ли он чрез то своего значения? И вследствие таких рассуждений он оставался вечно в одном и том же молчаливом состоянии, произнося только изредка какие-то односложные звуки, и приобрел таким образом титул скучнейшего человека. К такому-то *значительному лицу* явился наш Акакий Акакиевич, и явился во время самое неблагоприятное, весьма некстати для себя, хотя, впрочем, кстати для значительного лица. Значительное лицо находился в своем кабинете и разговорился очень-очень весело с одним недавно приехавшим старинным знакомым и товарищем детства, с которым несколько лет не видался. В это время доложили ему, что пришел какой-то Башмачкин. Он спросил отрывисто: «Кто такой?» Ему отвечали: «Какой-то чиновник». — «А! может подождать, теперь не время», — сказал значительный человек. Здесь надобно сказать, что значительный человек совершенно прилгнул: ему было время, они давно

уже с приятелем переговаривали обо всем и уже давно перекладывали разговор весьма длинными молчаниями, слегка только потрепывая друг друга по ляжке и приговаривая: «Так-то, Иван Абрамович!» — «Этак-то, Степан Варламович!» Но при всем том, однако же, велел он чиновнику подождать, чтобы показать приятелю, человеку давно не служившему и зажившемуся дома в деревне, сколько времени чиновники дожидаются у него в передней. Наконец наговорившись, а еще более намолчавшись вдоволь и выкуривши сигарку в весьма покойных креслах с откидными спинками, он наконец как будто вдруг вспомнил и сказал секретарю, остановившемуся у дверей с бумагами для доклада: «Да, ведь там стоит, кажется, чиновник; скажите ему, что он может войти». Увидевши смиренный вид Акакия Акакиевича и его старенький вицмундир, он оборотился к нему вдруг и сказал: «Что вам угодно?» — голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом, еще за неделю до получения нынешнего своего места и генеральского чина. Акакий Акакиевич уже заблаговременно почувствовал надлежащую робость, несколько смутился и, как мог, сколько могла позволить ему свобода языка, изъяснил с прибавлением даже чаще, чем в другое время, частиц «того», что была-де шинель совершенно новая, и теперь ограблен бесчеловечным образом, и что он обращается к нему, чтоб он ходатайством своим как-нибудь того, списался бы с господином обер-полицмейстером или другим кем и отыскал шинель. Генералу, неизвестно почему, показалось такое обхождение фамильным.

— Что вы, милостивый государь, — продолжал он отрывисто, — не знаете порядка? куда вы зашли? не знаете, как водятся дела? Об этом вы бы должны были прежде подать просьбу в канцелярию; она пошла бы к столоначальнику, к начальнику отделения, потом передана была бы секретарю, а секретарь доставил бы ее уже мне...

— Но, ваше превосходительство, — сказал Акакий Акакиевич, стараясь собрать всю небольшую горсть присутствия духа, какая только в нем была, и чувствуя в то же время, что он вспотел ужасным образом, — я ваше превосходительство осмелился утрудить потому, что секретари того... ненадежный народ...

— Что, что, что? — сказал значительное лицо. — Откуда вы набрались такого духу? откуда вы мыслей таких набрались?

что за буйство такое распространилось между молодыми людьми против начальников и высших!

Значительное лицо, кажется, не заметил, что Акакию Акакиевичу забралось уже за пятьдесят лет. Стало быть, если бы он и мог назваться молодым человеком, то разве только относительно, то есть в отношении к тому, кому уже было семьдесят лет.

— Знаете ли вы, кому это говорите? понимаете ли вы, кто стоит перед вами? понимаете ли вы это, понимаете ли это? я вас спрашиваю.

Тут он топнул ногою, возведя голос до такой сильной ноты, что даже и не Акакию Акакиевичу сделалось бы страшно. Акакий Акакиевич так и обмер, пошатнулся, затрясся всем телом и никак не мог стоять: если бы не подбежали тут же сторожа поддерживать его, он бы шлепнулся на пол; его вынесли почти без движения. А значительное лицо, довольный тем, что эффект превзошел даже ожидание, и совершенно упоенный мыслью, что слово его может лишить даже чувств человека, искоса взглянул на приятеля, чтобы узнать, как он на это смотрит, и не без удовольствия увидел, что приятель его находился в самом неопределенном состоянии и начинал даже с своей стороны сам чувствовать страх.

Как сошел с лестницы, как вышел на улицу, ничего уж этого не помнил Акакий Акакиевич. Он не слышал ни рук, ни ног. В жизнь свою он не был еще так сильно распечен генералом, да еще и чужим. Он шел по вьюге, свистевшей в улицах, разинув рот, сбиваясь с тротуаров; ветер, по петербургскому обычаю, дул на него со всех четырех сторон, из всех переулков. Вмиг надудло ему в горло жабу, и добрался он домой, не в силах будучи сказать ни одного слова; весь распух и слег в постель. Так сильно иногда бывает надлежащее распеканье! На другой же день обнаружилась у него сильная горячка. Благодаря великодушному вспомоществованию петербургского климата болезнь пошла быстрее, чем можно было ожидать, и когда явился доктор, то он, пощупавши пульс, ничего не нашелся сделать, как только прописать припарку, единственно уже для того, чтобы больной не остался без благодетельной помощи медицины; а впрочем, тут же объявил ему чрез полтора суток непереносимый капут. После чего обратился к хозяйке и сказал: «А вы, матушка, и времени даром не теряйте, закажите ему теперь же сосновый гроб, потому что дубовый будет для него дорог».

Слышал ли Акакий Акакиевич эти произнесенные роковые для него слова, а если и слышал, произвели ли они на него потрясающее действие, пожалел ли он о горемычной своей жизни, — ничего этого не известно, потому что он находился все время в бреду и жару. Явления, одно другого страннее, представлялись ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель; то чудилось ему, что он стоит перед генералом, выслушивая надлежащее распеканье, и приговаривает: «Виноват, ваше превосходительство!» — то, наконец, даже сквернохульничал, произнося самые страшные слова, так что старушка хозяйка даже крестилась, отроду не слышав от него ничего подобного, тем более что слова эти следовали непосредственно за словом «ваше превосходительство». Далее он говорил совершенную бессмыслицу, так что ничего нельзя было понять; можно было только видеть, что беспорядочные слова и мысли ворочались около одной и той же шинели. Наконец бедный Акакий Акакиевич испустил дух. Ни комнаты, ни вещей его не опечатывали, потому что, во-первых, не было наследников, а во-вторых, оставалось очень немного наследства, именно: пучок гусиных перьев, десть¹ белой казенной бумаги, три пары носков, две-три пуговицы, оторвавшиеся от панталон, и уже известный читателю капот. Кому все это досталось, Бог знает: об этом, признаюсь, даже не интересовался рассказывающий сию повесть. Акакия Акакиевича свезли и похоронили. И Петербург остался без Акакия Акакиевича, как будто бы в нем его и никогда не было. Исчезло и скрылось существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное, даже не обратившее на себя внимания и естествонаблюдателя, не пропускающего посадить на булавку обыкновенную муху и рассмотреть ее в микроскоп; существо, переносившее покорно канцелярские насмешки и без всякого чрезвычайного дела сошедшее в могилу, но для которого все же таки, хотя перед самым концом жизни, мелькнул светлый гость в виде шинели, ожививший на миг бедную жизнь, и на которое так же по-

¹ Десть — мера бумаги, 24 листа.

том нестерпимо обрушилось несчастье, как обрушивалось на царей и повелителей мира... Несколько дней после его смерти послан был к нему на квартиру из департамента сторож, с приказанием немедленно явиться: начальник-де требует; но сторож должен был возвратиться ни с чем, давши отчет, что не может больше прийти, и на запрос «почему?» выразился словами: «Да так, уж он умер, четвертого дня похоронили». Таким образом узнали в департаменте о смерти Акакия Акакиевича, и на другой день уже на его месте сидел новый чиновник, гораздо выше ростом и выставлявший буквы уже не таким прямым почерком, а гораздо наклоннее и косее.

Но кто бы мог вообразить, что здесь еще не все об Акакии Акакиевиче, что суждено ему на несколько дней прожить шумно после своей смерти, как бы в награду за не примеченную никем жизнь. Но так случилось, и бедная история наша неожиданно принимает фантастическое окончание. По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подалее стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом стащенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы — словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департаментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича: но это внушило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмотреть, а видел только, как тот издал погрозил ему пальцем. Со всех сторон поступали беспрестанно жалобы, что спины и плечи, пускай бы еще только титулярных, а то даже самих тайных советников, подвержены совершенной простуде по причине ночного сдергивания шинелей. В полиции сделано было распоряжение поймать мертвеца во что бы то ни стало, живого или мертвого, и наказать его, в пример другим, жесточайшим образом, и в том едва было даже не успели. Именно будочник какого-то квартала в Кирюшкином переулке схватил было уже совершенно мертвеца за ворот на самом месте злодеяния, на покушении сдернуть фризовую шинель с какого-то отставного музыканта, свиставшего в свое время на флейте. Схвативши его за ворот, он вызвал своим криком двух других товарищей, которым по-

ручил держать его, а сам полез только на одну минуту за сапог, чтобы вытащить оттуда тавлинку¹ с табаком, освежить на время шесть раз на веку примороженный нос свой; но табак, верно, был такого рода, которого не мог вынести даже и мертвец. Не успел будочник, закрывши пальцем свою правую ноздрю, потянуть левою полгорсти, как мертвец чихнул так сильно, что совершенно забрызгал им всем троим глаза. Покамест они поднесли кулаки протереть их, мертвеца и след пропал, так что они не знали даже, был ли он, точно, в их руках. С этих пор будочники получили такой страх к мертвецам, что даже опасались хватать и живых, и только издали покрикивали: «Эй, ты, ступай своею дорогою!» — и мертвец-чиновник стал показываться даже за Калинкиным мостом, наводя немалый страх на всех робких людей. Но мы, однако же, совершенно оставили *одно значительное лицо*, который, по-настоящему, едва ли не был причиною фантастического направления, впрочем, совершенно истинной истории. Прежде всего долг справедливости требует сказать, что *одно значительное лицо* скоро по уходе бедного, распеченного в пух Акакия Акакиевича почувствовал что-то вроде сожаления. Сострадание было ему не чуждо; его сердцу были доступны многие добрые движения, несмотря на то что чин весьма часто мешал им обнаруживаться. Как только вышел из его кабинета приезжий приятель, он даже задумался о бедном Акакии Акакиевиче. И с этих пор почти всякий день представлялся ему бледный Акакий Акакиевич, не выдержавший должностного распеканья. Мысль о нем до такой степени тревожила его, что неделю спустя он решился даже послать к нему чиновника узнать, что он и как и нельзя ли в самом деле чем помочь ему; и когда донесли ему, что Акакий Акакиевич умер скоропостижно в горячке, он остался даже пораженным, слышал упреки совести и весь день был не в духе. Желая сколько-нибудь развлечься и позабыть неприятное впечатление, он отправился на вечер к одному из приятелей своих, у которого нашел порядочное общество, а что всего лучше — все там были почти одного и того же чина, так что он совершенно ничем не мог быть связан. Это имело удивительное действие на душевное его расположение. Он развернулся, сделался приятен в разговоре, любезен — словом, провел вечер очень прият-

¹ *Тавлинка* — плоская табакерка из бересты.

но. За ужином выпил он стакана два шампанского — средство, как известно, недурно действующее в рассуждении веселости. Шампанское сообщило ему расположение к разным экстренностям, а именно: он решил не ехать еще домой, а заехать к одной знакомой даме, Каролине Ивановне, даме, кажется, немецкого происхождения, к которой он чувствовал совершенно приятельские отношения. Надобно сказать, что значительное лицо был уже человек немолодой, хороший супруг, почтенный отец семейства. Два сына, из которых один служил уже в канцелярии, и миловидная шестнадцатилетняя дочь с несколько выгнутым, но хорошеньким носиком приходили всякий день целовать его руку, приговаривая: «*bonjour, papa*»¹. Супруга его, еще женщина свежая и даже ничуть не дурная, давала ему прежде поцеловать свою руку и потом, переверотивши ее на другую сторону, целовала его руку. Но значительное лицо, совершенно, впрочем, довольный домашними семейными нежностями, нашел приличным иметь для дружеских отношений приятельницу в другой части города. Эта приятельница была ничуть не лучше и не моложе жены его; но такие уж задачи бывают на свете, и судить об них не наше дело. Итак, значительное лицо сошел с лестницы, сел в сани и сказал кучеру: «К Каролине Ивановне», — а сам, закутавшись весьма роскошно в теплую шинель, оставался в том приятном положении, лучше которого и не выдумаешь для русского человека, то есть когда сам ни о чем не думаешь, а между тем мысли сами лезут в голову, одна другой приятнее, не давая даже труда гоняться за ними и искать их. Полный удовольствия, он слегка припоминал все веселые места проведенного вечера, все слова, заставившие хохотать небольшой круг; многие из них он даже повторял вполголоса и нашел, что они всё так же смешны, как и прежде, а потому не мудрено, что и сам посмеивался от души. Изредка мешал ему, однако же, порывистый ветер, который, выхватившись вдруг Бог знает откуда и неведь от какой причины, так и резал в лицо, подбрасывая ему туда клочки снега, хлопуча, как парус, шинельный воротник или вдруг с неестественною силою набрасывая ему его на голову и доставляя, таким образом, вечные хлопоты из него выкарабкиваться. Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил кто-то весьма крепко за воротник. Обернувшись, он

¹ Добрый день, папа (*фр.*).

заметил человека небольшого роста, в старом поношенном вицмундире, и не без ужаса узнал в нем Акакия Акакиевича. Лицо чиновника было бледно, как снег, и глядело совершенным мертвецом. Но ужас значительного лица превзошел все границы, когда он увидел, что рот мертвеца покривился и, пахнувши на него страшно могилою, произнес такие речи: «А! так вот ты наконец! наконец я тебя того, поймал за воротник! твоей-то шинели мне и нужно! не похлопотал об моей, да еще и распек, — отдавай же теперь свою!» Бедное *значительное* лицо чуть не умер. Как ни был он характерен в канцелярии и вообще перед низшими, и хотя, взглянувши на один мужественный вид его и фигуру, всякий говорил: «У, какой характер!» — но здесь он, подобно весьма многим, имеющим богатырскую наружность, почувствовал такой страх, что не без причины даже стал опасаться насчет какого-нибудь болезненного припадка. Он сам даже скинул поскорее с плеч шинель свою и закричал кучеру не своим голосом: «Пошел во весь дух домой!» Кучер, услышавши голос, который произносится обыкновенно в решительные минуты и даже сопровождается кое-чем гораздо действительнейшим, упрятал на всякий случай голову свою в плечи, замахнулся кнутом и помчался как стрела. Минут в шесть с небольшим *значительное* лицо уже был пред подъездом своего дома. Бледный, перепуганный и без шинели, вместо того чтобы к Каролине Ивановне, он приехал к себе, доплелся кое-как до своей комнаты и провел ночь весьма в большом беспорядке, так что на другой день поутру за чаем дочь ему сказала прямо: «Ты сегодня совсем бледен, папа». Но папа молчал и никому ни слова о том, что с ним случилось, и где он был, и куда хотел ехать. Это происшествие сделало на него сильное впечатление. Он даже гораздо реже стал говорить подчиненным: «Как вы смее, понимаете ли, кто перед вами?»; если же и произносил, то уж не прежде, как выслушавши сперва, в чем дело. Но еще более замечательно то, что с этих пор совершенно прекратилось появление чиновника-мертвеца: видно, генеральская шинель пришлась ему совершенно по плечам; по крайней мере, уже не было нигде слышно таких случаев, чтобы сдергивали с кого шинели. Впрочем, многие деятельные и заботливые люди никак не хотели успокоиться и поговаривали, что в дальних частях города все еще показывался чиновник-мертвец. И точно, один коломенский будочник видел собственными глазами, как показалось из-за одного дома привидение; но, будучи по природе сво-

ей несколько бессилён, так что один раз обыкновенный взрослый поросёнок, кинувшись из какого-то частного дома, сшиб его с ног, к величайшему смеху стоявших вокруг извозчиков, с которых он вытребовал за такую издевку по грошу на табак, — итак, будучи бессилён, он не посмел остановить его, а так шел за ним в темноте до тех пор, пока наконец привидение вдруг оглянулось и, остановясь, спросило: «Тебе чего хочется?» — и показало такой кулак, какого и у живых не найдешь. Будочник сказал: «Ничего», — да и поворотил тот же час назад. Привидение, однако же, было уже гораздо выше ростом, носило преогромные усы и, направив шаги, как казалось, к Обухову мосту, скрылось совершенно в ночной темноте.

1842

О «ШИНЕЛИ» Н.В. ГОГОЛЯ И ЕГО АКАКИИ АКАКИЕВИЧЕ

Акакий Акакиевич не мертвый человек, прозревающий на мгновение лишь в минуту душевных страданий, хотя и доведен обществом до последней ступени умственного и нравственного «обмеления». В его душе живет до конца не осознанное ни им самим, ни другими окружающими людьми творческое, человеческое начало. Акакий Акакиевич весь без остатка, по выражению автора, «живет» в своей должности. К скромному труду переписки бумаг он относится бескорыстно и восторженно, как поэт. Бесконечно униженный обществом и вынужденный уйти с головой в отупляющую полумеханическую работу, он строит из нее для себя целый «разнообразный» мир, который населяет пестрыми призраками воображения, и это дает ему возможность выносить свое унижение, не поступаясь до конца человеческим достоинством.

Тлеющая в душе Акакия Акакиевича слабая искра разгорается с новой силой после того, как он решился сшить новую шинель. Ни в одном из произведений русской литературы до Гоголя (не исключая пушкинских «Повестей Белкина») ничтожные радости и страдания бедняка не были описаны с такой потрясающей правдивостью и силой, как в рассказе о переживаниях Акакия Акакиевича. Для такого полунинного маленького чиновника, как Акакий Акакиевич, сшить для себя на зиму новую теп-

лую шинель взамен изношенной — почти катастрофа, событие, полное незнакомых богатым людям неожиданного драматизма и трагической напряженности. Чтобы получить свою шинель, Акакий Акакиевич должен пройти через целую цепь неизвестных ему прежде лишений. Каждый рубль, откладываемый на шитье шинели, он должен экономить, недоедая и обкрадывая самого себя. Таким образом, покупка новой шинели сделалась для Акакия Акакиевича своеобразным испытанием. И вместе с тем лишения не убивают его силы, не пригибают к земле. Они дают гоголевскому герою радость, наполняют его сознание гордостью и блаженством: «С этих пор самое существование его сделалось как-то полнее. Он сделался как-то живее, тверже характером, как человек, который определил и поставил себе цель», «Огонь порою показывался в глазах его...» Шинель превращается для Акакия Акакиевича, по словам автора, как для философа-идеалиста, в «идею», дающую смысл его существованию.

Так фигура Акакия Акакиевича в изображении Гоголя постепенно вырастает, становится величественной, хотя и оставаясь одновременно жалкой и комической. Акакий Акакиевич жалок, поскольку он обкраден и унижен обществом до полной забитости. И вместе с тем он по-своему и велик, ибо при всем «обмелении» в его душе скрыто живут творческие силы и даже способность к... самоотвержению. Самая смерть его вызвана не только потерей шинели, но и гибелью поселившейся в нем «идеи», озарявшей жизнь, наполнявшей ее смыслом в течение долгих месяцев нужды и лишений. Эта катастрофа впервые вырывает Акакия Акакиевича из замкнутого мирка департамента и сталкивает с обычной жизнью николаевской России, что, в свою очередь, заставляет его задуматься над несправедливостью этой жизни, смутно ощутить в душе незнакомые ему прежде настроения гнева и протеста, отраженные в его предсмертном бреду. Вот почему после смерти Акакия Акакиевича призрак его продолжает жить в воображении «значительного лица», не оставляет, тревожит и смущает его совесть и совесть других людей из «общества», лишая их на некоторое время нравственного покоя.

То, что Акакий Акакиевич после своей смерти превратился в сознании петербургских обывателей в «чиновника, крадущего шинели», исполнено той же глубокой авторской иронии, что и его предшествующая история. Не только сос-

луживцы Акакия Акакиевича по департаменту, но и остальные, в других отношениях «добрые» по-своему люди (как замечает автор), не ощутили подлинного трагического смысла прошедшей перед их глазами одинокой и бесприютной жизни и смерти Акакия Акакиевича. Акакий Акакиевич продолжает и после своей смерти существовать для окружающих людей лишь в образе чиновника, а не в образе их «брата» по человечеству. И вместе с тем они все же смутно ощущают свою вину за трагическую судьбу Акакия Акакиевича. Вот почему образ его после смерти вырастает во враждебную им, страшную и зловещую символическую фигуру, тревожащую их совесть.

В «Былом и думах» Герцена есть любопытный эпизод, рассказывающий о том, как воспринимали «Шинель» Гоголя тогдашние «значительные лица». «Какая страшная повесть Гоголя «Шинель», — сказал раз Строганов (граф, попечитель Московского округа) Е. Коршу, — ведь это привидение на мосту тащит просто с каждого из нас шинель с плеч. Поставьте себя в мое положение и взгляните на эту повесть». — «Мне очень трудно, — отвечал Корш, — я не привык рассматривать предметы с точки зрения человека, имеющего тридцать тысяч душ».

Г.М. Фридендер

Вопросы и задания

1. Как вы думаете, только ли анекдот, слышанный Гоголем в свете, послужил основанием для написания «Шинели»?
2. Выпишите из повести слова и сочетания слов, характеризующие Акакия Акакиевича: с одной стороны, «мир» чиновника; с другой — «мир» его мечты, его «идеи». Одинаково ли рисуется этот человек в работе и в «идее»?
3. Прочитайте статью Г.М. Фридендера о повести Гоголя. Составьте подробный план статьи. Подготовьте ответ по этому плану.
4. Как вы поняли мысль Ф.М. Достоевского о том, что писатели 40—60-х гг. вышли из гоголевской «Шинели»?
5. Какова главная художественная идея повести? Сформулируйте ее письменно.

6. Подберите эпиграфы для сочинения по повести. Попробуйте сформулировать возможные темы сочинения.

7. Какие сцены из «Шинели» проиллюстрировали художники А.В. Ванециан (с. 188, 207) и Кукрыниксы (с. 203)?

Живое слово

Нарисуйте словесный портрет Акакия Акакиевича в момент получения шинели.

Пофантазируем

1. Составьте сценарий вашего кинофильма по мотивам повести Гоголя «Шинель».

2. Какие эпизоды повести вы хотели бы проиллюстрировать? Как бы выглядели эти картины?

Советуем прочитать

Золотусский И.П. Гоголь. — М., 2007 (ЖЗЛ).

ИВАН
СЕРГЕЕВИЧ
ТУРГЕНЕВ
1818—1883

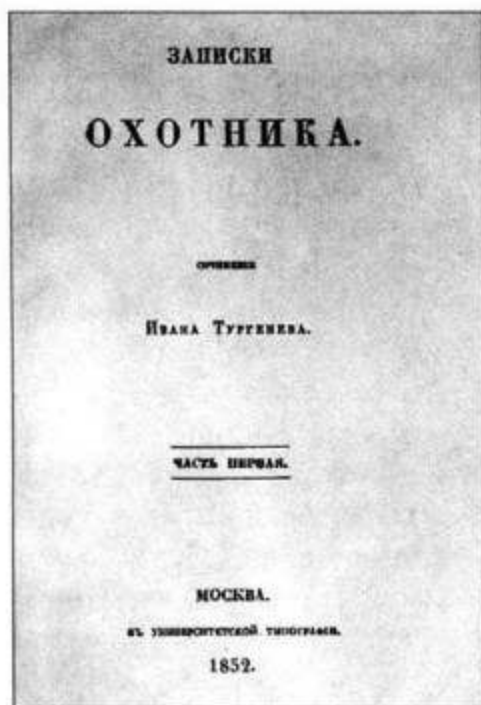
Произведения Тургенева всегда были связаны с современностью. На рубеже 1840-х и начала 1850-х гг. появляются в виде отдельных рассказов и очерков «Записки охотника». В 1852 г. они были объединены писателем в книгу, ставшую крупным событием в русской общественной и литературной жизни. По словам М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Записки охотника» «положили начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды». Писатель нарисовал в ней широкую картину русской действительности середины XIX в., запечатлел образ великого народа, его живую душу, не сломленную крепостным гнетом, сохранившую чувство собственного достоинства, жажду воли, веру в жизнь, достойную человека.

Как живые встают со страниц «Записок охотника» образы крестьян, отличающихся острым практическим умом, глубоким пониманием жизни, способностью чувствовать и понимать прекрасное, откликаться на чужое горе и страдание.

По Н.И. Якушину

...Тургенев, создавший в «Записках охотника» ряд живых миниатюр крепостного быта, конечно, не дал бы литературе тонких, мягких, полных классической простоты и истинно реальной правды очерков мелкого барства, крестьянского люда и неподражаемых пейзажей русской природы, если б с детства не пропитался любовью к родной почве своих полей, лесов и не сохранил в душе образа страданий населяющего их люда.

И.А. Гончаров

«Записки охотника». 1852 г.
Титульный лист первого издания

Книга И.С.Тургенева «Записки охотника» вызвала резкую реакцию официальных властей. Против автора было возбуждено следствие и начались преследования. В апреле 1852 г. Тургенева арестовали и сослали в родовое имение Спасское-Лутовиново под надзор полиции. Хотя формально преследования объяснялись опубликованием статьи Тургенева о Гоголе (запрещенной в Петербурге), сам писатель был убежден в том, что причина скрывалась в издании «Записок охотника».

ПО ТУРГЕНЕВСКИМ МЕСТАМ

Родовая усадьба Тургеневых принадлежала матери писателя Варваре Петровне Лутовиновой, женщине суровой и организованной, замечательной хозяйке и любящей и заботливой матери. Здесь, в Спасском-Лутовинове, юный Тургенев учился различать справедливость и произвол, сумасбродство и добросердечие; здесь он видел, как простые люди умеют проявлять чувство собственного достоинства, здесь почувствовал их талант и силу.

А порядки в Спасском существовали редкие и удивительные для многих окрестных помещиков-крепостников.

* * *

В Спасском была своя полиция из отставных гвардейских солдат, даже «тайная полиция». Ее возглавляла старуха Прасковья Ивановна с трясущейся головой и отвратительной наружностью. Наговоры Прасковьи Ивановны приводили к жестоким наказаниям не только дворовых, но и братьев Тургеневых. Прасковья Ивановна особенно не любила нежного, впечатлительного Ванечку, который защищал крестьян. Чтобы сломить его волю, покорить, она стала наговаривать на него матери. Мать высекла любимого сына, не вникая его слезам и уверениям в том, что он ни в чем не провинился. «Сам знаешь, за что тебя секут! Если не сознаешься в своей вине, еще сечь будем!» Несправедливые упреки, грубый, резкий тон матери, наглая усмешка торжествующей Прасковьи Ивановны и равнодушие отца, не желавшего вмешиваться в мелочи семейной жизни, довели мальчика до того, что он решил бежать из дому...

Горечь обиды и несправедливость наказаний навсегда остались в памяти Ивана Сергеевича.

И.С. Тургенев в детстве.
Неизвестный художник. 1830 г.

В.П. Тургенева (Лутовинова).
Неизвестный художник. 1820-е гг.

Главный усадебный дом в Спасском-Лутовинове.
Гравюра М.В. Рашевского по фотографии В.А. Каррика. 1883 г.

* * *

Когда Ивану было пятнадцать лет, он поступил в Московский университет, а в 1834 г., по желанию отца, был переведен в Петербургский университет. В Спасское приезжал на каникулы.

Тургенев был хорошо знаком с русской литературой, в совершенстве владел европейскими языками и стал большим знатоком французской, английской и испанской литературы. С особым вниманием изучал Шекспира. Рано начал писать стихи.

Любимым писателем и учителем его был А.С. Пушкин. Почитая его как недостижимый образец, Тургенев стремился быть достойным учеником гениального поэта. С ним лично он не был знаком, хотя видел его в Петербурге: один раз на вечере у П.А. Плетнева и во второй раз — за несколько дней до трагической смерти поэта, на утреннем концерте в январе 1837 г.

«Помню его смуглое небольшое лицо, — писал Тургенев в своих воспоминаниях, — его африканские губы, оскал белых крупных зубов, висячие бакенбарды, темные желчные глаза под высоким лбом, почти без бровей — и кудрявые волосы...»

Несколько дней спустя Тургенев видел Пушкина в гробу. Как только узнал о его гибели, приехал на его квартиру, чтобы проститься с ним. В память прощания он отрезал прядь волос любимого поэта и вправил его в медальон, с которым никогда не расставался.

В 1834 г. Иван Сергеевич, студент Петербургского университета, приехал на зимние каникулы... Приезд Ивана Сергеевича радовал всех. При нем и Варвара Петровна приходила в хорошее расположение духа, старалась смягчить наказание провинившимся перед ней, если не находила возможным его отменить. «При нем она была совсем иная, и потому в его присутствии все отдыхало, все жило», — вспоминали близкие к дому.

Но при матери в Спасском он не мог быть спокоен. И в этот раз вскоре по приезде до него дошел слух, что мать продала соседней помещице, прозванной за свою жестокость Медведицей, сверстницу Ивана Сергеевича, участницу его детских игр дворовую Лушу.

Луша была грамотная, сознательная девушка, прочитала тайком много книг из лутовиновской библиотеки. Она не хотела примириться с унижением достоинства дворовых, вступилась за наказанных розгами и в присутствии крестьян высказала порицание барской жестокости. Варвара Петровна не стерпела дерзкого протеста, отрезала «мятежной» девке косу и постаралась сбыть ее с рук.

Иван Сергеевич считал продажу крепостных варварством и объявил, что этого не допустит. Он уговорил Лушу переждать это время в надежной крестьянской семье, не показываясь на глаза барыне, а сам старался уговорить мать, чтобы она отказалась от своего намерения. Покупательница заявила полиции, что молодой барин и его девка «бунтуют» крестьян. Приехал капитан-исправник для усмирения «бунта», собрал толпу понятых, вооруженных дубьем.

Иван Сергеевич взял ружье и заявил, что будет стрелять, а Лушу не выдаст. Понятые разбежались, но капитан-исправник продолжал настаивать.

Варвара Петровна испугалась за сына и отступила: «Пусть девка остается, коли она ему так нужна, а кровопролития не надо. Я плачу неустойку». До кровавого столкновения дело не дошло, но возникло «Дело о буйстве помещика Мценского уезда Ивана Тургенева», затянувшееся на несколько лет.

Ивана Сергеевича будто бы искали, чтобы арестовать, бумаги о розыске его пересылались из одного места в другое. Наконец после длинной волокиты дело «о буйстве» дошло до самого царя. Приказом царя дело приостановили и объявили, что вина с помещика Ивана Тургенева снимается.

И.С. Тургенев. Художник К.А. Горбунов. 1838 г.

* * *

Последние годы Варвара Петровна доживала одна, окруженная компаньонками и слугами. У нее отнялись ноги, и она могла передвигаться только в кресле на колесах. Чувствуя приближение смерти, страдая от одиночества в толпе своих слуг, она приходила в отчаяние.

Когда мать умерла, в 1850 г. в Москве, Иван Сергеевич был в Петербурге. Он выехал в Москву тотчас, как получил известие о болезни матери, но в живых ее не застал...

...При разделе наследства Иван Сергеевич оставил себе любимое Спасское, отказавшись в пользу брата от своей доли в имении Тургенево, Чернского уезда, Тульской губернии...

Иван Сергеевич часть своих крестьян отпустил на волю, остальных перевел на оброк¹.

¹ *Оброк* — в период феодальных отношений (крепостного права — в России) форма расчетов крепостного с помещиком результатами землепользования либо деньгами с владельцем земли.

В это время антикрепостническое направление взглядов Тургенева уже определилось, и он понял, что «враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примириться...»

* * *

Жизнь Тургенева в Спасском и путешествия по Орловской, Тульской, Калужской губерниям... были источником его знакомства с бытом крестьян этих губерний, с их нуждами и заботами. Из бесед, рассказов участников событий и очевидцев Тургеневу были известны конфликты и драматические эпизоды между крестьянами и их владельцами — помещиками дореформенной эпохи¹. Он слышал упреки, жалобы, угрозы, видел стремление добиться справедливости. Впечатления, полученные им у себя на родине, отличались длительностью и прочностью и приобретали в народных рассказах Тургенева новый смысл и широкое общественное значение.

Он хорошо знал, какую жизнь ведут орловские крестьяне в их низеньких избах, крытых соломой, с маленькими подслеповатыми оконцами. Ежедневная работа на барина не давала возможности крестьянину привести в порядок свое хозяйство. В первом своем рассказе, «Хорь и Калиныч», Тургенев противопоставляет бедняку Калинычу калужского мужика Хоря, отпущенного барином на оброк. Хорь уверен в своей силе и крепости, готов принять все то, что разумно и полезно, «много видел, много знал, у него можно многому научиться».

«Хорь и Калиныч» впервые был опубликован в 1847 г. в журнале «Современник», № 3, с подзаголовком «Из записок охотника». Тургенев сам не придавал ему большого значения и был поражен, что Белинский отметил этот рассказ как произведение большого таланта.

Успех «Хоря...» побудил Тургенева продолжать «Записки охотника».

С.И. Липеровская

¹ *Дореформенная эпоха* — период до отмены в России крепостного права.

1. Из каких впечатлений, наблюдений, узанных фактов складывалась книга «Записки охотника»?
2. Какой эпизод из книги С.И. Липеровской произвел на вас наибольшее впечатление? Объясните почему.
3. Каким после прочитанных эпизодов предстает перед вами характер и образ И.С. Тургенева?
4. Какой основной вывод вы можете сделать на основании прочитанного? Продолжите фразу: «Книга И.С. Тургенева «Записки охотника» — это...»

ХОРЬ И КАЛИНЫЧ

Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избушках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханых полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих раkit, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой... Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гос-

ти всякую проходную свинью... И для охотника в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и площадь исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст, и не перевелась еще благородная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает стрелка и собаку.

В качестве охотника посещая Жиздринский уезд, сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком. Водились за ним, правда, некоторые слабости: он, например, сватался за всех богатых невест в губернии и, получив отказ от руки и от дому, с сокрушенным сердцем доверял свое горе всем друзьям и знакомым, а родителям невест продолжал посылать в подарок кислые персики и другие сырые произведения своего сада; любил повторять один и тот же анекдот, который, несмотря на уважение г-на Полутыкина к его достоинствам, решительно никогда никого не смешил; хвалил сочинения Акима Нахимова и повесть *Пинну*; заикался; называл свою собаку Астрономом; вместо *однако* говорил *одначе* и завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждого кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны — порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции. Но, за исключением этих немногих и незначительных недостатков, г-н Полутыкин был, как уже сказано, отличный человек.

В первый же день моего знакомства с г. Полутыкиным он пригласил меня на ночь к себе.

— До меня верст пять будет, — прибавил он, — пешком идти далеко; зайдемте сперва к Хорю. (Читатель позволит мне не передавать его заиканья.)

— А кто такой Хорь?

— А мой мужик... Он отсюда близехонько.

Мы отправились к нему. Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла из нескольких сосновых срубов, соединенных заборами; перед главной избой тянулся навес, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Нас встретил молодой парень, лет двадцати, высокий и красивый.

— А, Федя! Дома Хорь? — спросил его г-н Полутыкин.

— Нет, Хорь в город уехал, — отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов. — Тележку заложить прикажете?

— Да, брат, тележку. Да принеси нам квасу.

Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов. Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной соленых огурцов в деревянной миске. Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать. Не успели мы доесть нашей закуски, как уже телега застучала перед крыльцом. Мы вышли. Мальчик лет пятнадцати, кудрявый и краснощекий, сидел кучером и с трудом удерживал сытого пегого жеребца. Кругом телеги стояло человек шесть молодых великанов, очень похожих друг на друга и на Федю. «Всё дети Хоря!» — заметил Полутыкин. «Всё Хорьки, — подхватил Федя, который вышел вслед за нами на крыльцо, — да еще не все: Потап в лесу, а Сидор уехал со старым Хорем в город... Смотри же, Вася, — продолжал он, обращаясь к кучеру, — духом сомчи: барина везешь. Только на толчках-то, смотри, потише: и телегу-то попортишь, да и барское чрево обеспокоишь!» Остальные Хорьки усмехнулись от выходки Феди. «Подсадить Астронома!» — торжественно воскликнул г-н Полутыкин. Федя, не без удовольствия, поднял на воздух принужденно улыбающуюся собаку и положил ее на дно телеги. Вася дал вожжи лошади. Мы покатали. «А вот это моя контора, — сказал мне вдруг г-н Полутыкин, указывая на небольшой низенький домик, — хотите зайти?» — «Извольте». — «Она теперь упразднена, — заметил он, слезая, — а всё посмотреть стоит». Контора состояла из двух пустых комнат. Сторож, кривой старик, прибежал с задворья. «Здравствуй, Миняич, — проговорил г-н Полутыкин, — а где же вода?» Кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами. «Отведайте, — сказал мне Полутыкин, — это у меня хорошая, ключевая вода». Мы

выпили по стакану, причем старик нам кланялся в пояс. «Ну, теперь, кажется, мы можем ехать, — заметил мой новый приятель. — В этой конторе я продал купцу Аллилуеву четыре десятины лесу за выгодную цену». Мы сели в телегу и через полчаса уже въезжали на двор господского дома.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я Полутыкина за ужином, — отчего у вас Хорь живет отдельно от прочих ваших мужиков?

— А вот отчего: он у меня мужик умный. Лет двадцать пять тому назад изба у него сгорела; вот и пришел он к моему покойному батюшке и говорит: дескать, позвольте мне, Николай Кузьмич, поселиться у вас в лесу на болоте. Я вам стану оброк платить хороший. «Да зачем тебе селиться на болоте?» — «Да уж так; только вы, батюшка, Николай Кузьмич, ни в какую работу употреблять меня уж не извольте, а оброк положите, какой сами знаете». — «Пятьдесят рублей в год!» — «Извольте». — «Да без недоимок у меня, смотри!» — «Известно, без недоимок...» Вот он и поселился на болоте. С тех пор Хорем его и прозвали.

— Ну, и разбогател? — спросил я.

— Разбогател. Теперь он мне сто целковых оброка платит, да еще я, пожалуй, накину. Я уж ему не раз говорил: «Откупись, Хорь, эй, откупись!..» А он, бестия, меня уверяет, что нечем; денег, дескать, нету... Да, как бы не так!..

На другой день мы тотчас после чаю опять отправились на охоту. Проезжая через деревню, г-н Полутыкин велел кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнул: «Калиныч!» — «Сейчас, батюшка, сейчас, — раздался голос со двора, — лапоть подвязываю». Мы поехали шагом; за деревней догнал нас человек лет сорока, высокого роста, худой, с небольшой, загнутой назад головкой. Это был Калиныч. Его добродушное смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами, мне понравилось с первого взгляда. Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устраивал шалаши, бегал за дрожками; без него г-н Полутыкин шагу ступить не мог. Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривал свои светло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходил он не ско-

ро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. В течение дня он не раз заговаривал со мною, услуживал мне без раболепства, но за барином наблюдал, как за ребенком. Когда невыносимый полуденный зной заставил нас искать убежища, он свел нас на свою пасеку, в самую глушь леса. Калиныч отворил нам избушку, увешанную пучками сухих душистых трав, уложил нас на свежем сене, а сам надел на голову род мешка с сеткой, взял нож, горшок и головешку и отправился на пасеку вырезать нам сот. Мы запили прозрачный теплый мед ключевой водой и заснули под однообразное жужжанье пчел и болтливый лепет листьев.

Легкий порыв ветерка разбудил меня... Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскрытой двери и ножом вырезывал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо. Г-н Полутыкин тоже проснулся. Мы не тотчас встали. Приятно после долгой ходьбы и глубокого сна лежать неподвижно на сене: тело нежится и томится, легким жаром пышет лицо, сладкая лень смыкает глаза. Наконец мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужином я заговорил опять о Хоре да о Калиныче. «Калиныч — добрый мужик, — сказал мне г. Полутыкин, — усердный и услужливый мужик; хозяйство в исправности, иначе, содержать не может: я его все оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходит... Какое уж тут хозяйство, — посудите сами». Я с ним согласился, и мы легли спать.

На другой день г-н Полутыкин принужден был отправиться в город по делу с соседом Пичуковым. Сосед Пичуков запахал у него землю и на запаханной земле высек его же бабу. На охоту поехал я один и перед вечером завернул к Хорю. На пороге избы встретил меня старик — лысый, низкого роста, плечистый и плотный — сам Хорь. Я с любопытством посмотрел на этого Хоря. Склад его лица напоминал Сократа: такой же высокий, шишковатый лоб, такие же маленькие глазки, такой же курносый нос. Мы вошли вместе в избу. Тот же Федя принес мне молока с черным хлебом. Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступил со мною в разговор. Он, казалось, чувствовал свое достоинство, говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под длинных своих усов.

Мы с ним толковали о посеве, об урожае, о крестьянском быте... Он со мной все как будто соглашался; только потом мне

становилось совестно, и я чувствовал, что говорю не то... Так оно как-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудро, должно быть, из осторожности... Вот вам образчик нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, — говорил я ему, — отчего ты не откупишься от своего барина?

— А для чего мне откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброк свой знаю... барин у нас хороший.

— Все же лучше на свободе, — заметил я.

Хорь посмотрел на меня сбоку.

— Вестимо, — проговорил он.

— Ну, так отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутил головой.

— Чем, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина...

— Попал Хорь в вольные люди, — продолжал он вполголоса, как будто про себя, — кто без бороды живет, тот Хорю и набо́льший.

— А ты сам бороду сбрей.

— Что борода? Борода — трава: скосить можно.

— Ну, так что ж?

— А, знать, Хорь прямо в купцы попадет; купцам-то жизнь хорошая, да и те в бородах.

— А что, ведь ты тоже торговлей занимаешься? — спросил я его.

— Торгуем помаленьку маслишком да дегтишком... Что же, тележку, батюшка, прикажешь заложить?

«Крепок ты на язык и человек себе на уме», — подумал я.

— Нет, — сказал я вслух, — тележки мне не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя в сенном сарае.

— Милости просим. Да покойно ли тебе будет в сарае? Я прикажу бабам постлать тебе простыню и положить подушку. Эй, бабы! — вскричал он, поднимаясь с места, — сюда, бабы!.. А ты, Федя, поди с ними. Бабы ведь народ глупый.

Четверть часа спустя Федя с фонарем проводил меня в сарай. Я бросился на душистое сено, собака свернулась у ног моих; Федя пожелал мне доброй ночи, дверь заскрипела и захлопнулась. Я довольно долго не мог заснуть. Корова подошла к двери, шумнодохнула раза два; собака с достоинством на нее зарычала;

свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь где-то в близости стала жевать сено и фыркать... Я наконец задремал.

На заре Федя разбудил меня. Этот веселый, бойкий парень очень мне нравился; да и, сколько я мог заметить, у старого Хоря он тоже был любимцем. Они оба весьма любезно друг над другом подтрунивали. Старик вышел ко мне навстречу. Оттого ли, что я провел ночь под его кровом, по другой ли какой причине, только Хорь гораздо ласковее вчерашнего обошелся со мной.

— Самовар тебе готов, — сказал он мне с улыбкой, — пойдем чай пить.

Мы уселись около стола. Здоровая баба, одна из его невесток, принесла горшок с молоком. Все его сыновья поочередно входили в избу.

— Что у тебя за рослый народ! — заметил я старику.

— Да, — промолвил он, откусывая крошечный кусок сахара, — на меня да на мою старуху жаловаться, кажись, им нечего.

— И все с тобой живут?

— Все. Сами хотят, так и живут.

— И все женаты?

— Вон один, пострел, не женится, — отвечал он, указывая на Федю, который по-прежнему прислонился к двери. — Васька, тот еще молод, тому погодить можно.

— А что мне жениться? — возразил Федя, — мне и так хорошо. На что мне жена? Лаяться с ней, что ли?

— Ну, уж ты... уж я тебя знаю! Кольца серебряные носишь... Тебе бы все с дворовыми девками нюхаться... «Полноте, бесстыдники!» — продолжал старик, передразнивая горничных. — Уж я тебя знаю, белоручка ты этакой!

— А в бабе-то что хорошего?

— Баба — работница, — важно заметил Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мне работница?

— То-то, чужими руками жар загребать любишь. Знаем вашего брата.

— Ну, жени меня, коли так. А? что! Что ж ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагур. Вишь, барина мы с тобой беспокоим. Женю небось... А ты, батюшка, не гневись: дитятко, видишь, малое, разуму не успело набраться.

Федя покачал головой...

— Дома Хорь? — раздался за дверью знакомый голос, — и Калиныч вошел в избу с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал он для своего друга, Хоря. Старик радушно его приветствовал. Я с изумлением поглядел на Калиныча: признаюсь, я не ожидал таких «нежностей» от мужика.

Я в этот день пошел на охоту часами четырем позднее обыкновенного и следующие три дня провел у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чем я заслужил их доверие, но они непринужденно разговаривали со мной. Я с удовольствием слушал их и наблюдал за ними. Оба приятеля нисколько не походили друг на друга. Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив, принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных. Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как. Хорь расплодил большое семейство, покорное и единоедушное; у Калиныча была когда-то жена, которой он боялся, а детей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видел г-на Полутыкина; Калиныч благоговел перед своим господином. Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство; Калиныч любил и уважал Хоря. Хорь говорил мало, посмеивался и разумел про себя; Калиныч объяснялся с жаром, хотя и не пел соловьем, как бойкий фабричный человек... Но Калиныч был одарен преимуществами, которые признавал сам Хорь, например: он заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мне попросил его ввести в конюшню новокупленную лошадь, и Калиныч с добросовестною важностью исполнил просьбу старого скептика. Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же — к людям, к обществу; Калиныч не любил рассуждать и всему верил слепо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь. Он много видел, много знал, и от него я многому научился. Например, из его рассказов узнал я, что каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек — полтора рубля ассигнациями; в долг — три рубля и целковый. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появ-

ляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается. Иные помещики вздумали было покупать сами косы на наличные деньги и раздавать в долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольными и даже впали в уныние; их лишали удовольствия щелкать по косе, прислушиваться, перевертывать ее в руках и раз двадцать спросить у плутоватого мещанина-продавца: «А что, малый, коса-то не больно того?» Те же самые проделки происходят и при покупке серпов, с тою только разницей, что тут бабы вмешиваются в дело и доводят иногда самого продавца до необходимости, для их же пользы, поколотить их. Но более всего страдают бабы вот при каком случае. Поставщики материала на бумажные фабрики поручают закупку тряпья особенного рода людям, которые в иных уездах называются «орлами». Такой «орел» получает от купца рублей двести ассигнациями и отправляется на добычу. Но, в противность благородной птице, от которой он получил свое имя, он не нападает открыто и смело: напротив, «орел» прибегает к хитрости и лукавству. Он оставляет свою тележку где-нибудь в кустах около деревни, а сам отправляется по задворьям да по задмам, словно прохожий какой-нибудь или просто праздношатающийся. Бабы чутьем угадывают его приближение и крадутся к нему навстречу. Второпях совершается торговая сделка. За несколько медных грошей баба отдает «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную поневу. В последнее время бабы нашли выгодным красть у самих себя и сбывать таким образом пеньку, в особенности «замашки», — важное распространение и усовершенствование промышленности «орлов»! Но зато мужики, в свою очередь, навестились и при малейшем подозрении, при одном отдаленном слухе о появлении «орла» быстро и живо приступают к исправительным и предохранительным мерам. И в самом деле, не обидно ли? Пеньку продавать их дело, и они ее точно продают, не в городе, — в город надо самим тащиться, — а приедем торгашам, которые, за неимением безмена, считают пуд в сорок горстей — а вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русского человека, особенно когда он «усердствует»!

Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живалый» (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь.

Но Хорь не все рассказывал, он сам меня расспрашивал о многом. Узнал он, что я бывал за границей, и любопытство его разгорелось... Калиныч от него не отставал; но Калиныча более трогали описания природы, гор, водопадов, необыкновенных зданий, больших городов; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Он перебирал все по порядку: «Что, у них это там есть так же, как у нас, аль иначе?.. Ну, говори, батюшка, — как же?..» — «А! ах, Господи, твоя воля!» — восклицал Калиныч во время моего рассказа; Хорь молчал, хмурил густые брови и лишь изредка замечал, что, «дескать, это у нас не шло бы, а вот это хорошо — это порядок». Всех его расспросов я передать вам не могу, да и незачем; но из наших разговоров я вынес одно убеждение, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, — убеждение, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идет, — ему все равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов. Благодаря исключительности своего положения, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворишь, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь. Он действительно понимал свое положение. Толкуя с Хорем, я в первый раз услышал простую, умную речь русского мужика. Его познания были довольно, по-своему, обширны, но читать он не умел; Калиныч — умел. «Этому шалопаю грамота далась, — заметил Хорь, — у него и пчелы отродясь не мерли». — «А детей ты своих выучил грамоте?» Хорь помолчал. «Федя знает». — «А другие?» — «Другие не знают». — «А что?» Старик не отвечал и переменял разговор. Впрочем, как он умен ни был, водились и за ним многие предрассудки и предубеждения. Баб он, например, презирал от глубины души, а в веселый час тешился и издевался над ними. Жена его, старая и сварливая, целый день не сходила с печи и беспрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее внимания, но невесток она содержала в страхе Божиим. Недаром в русской песенке свекровь

поет: «Какой ты мне сын, какой семьянин! Не бьешь ты жены, не бьешь молодой...» Я раз было вздумал заступиться за невесток, попытался возбудить сострадание Хоря; но он спокойно возразил мне, что «охота-де вам такими... пустяками заниматься, — пускай бабы ссорятся... Их что разнимать — то хуже, да и рук марать не стоит». Иногда злая старуха слезала с печи, вызывала из сеней дворовую собаку, приговаривая: «Сюды, сюды, собачка!» — и била ее по худой спине кочергой или становилась под навес и «лаялась», как выражался Хорь, со всеми проходящими. Мужа своего она, однако же, боялась и, по его приказанию, убиралась к себе на печь. Но особенно любопытно было послушать спор Калиныча с Хорем, когда дело доходило до г-на Полутыкина. «Уж ты, Хорь, у меня его не трогай», — говорил Калиныч. «А что ж он тебе сапогов не сошьет?» — возражал тот. «Эка, сапоги!.. на что мне сапоги? Я мужик...» — «Да вот и я мужик, а вишь...» При этом слове Хорь поднимал свою ногу и показывал Калинычу сапог, скроенный, вероятно, из мамонтовой кожи. «Эх, да ты разве наш брат!» — отвечал Калиныч. «Ну, хоть бы на лапти дал: ведь ты с ним на охоту ходишь; чай, что день, то лапти». — «Он мне дает на лапти». — «Да, в прошлом году гривенник пожаловал». Калиныч с досадой отворачивался, а Хорь заливался смехом, причем его маленькие глазки исчезали совершенно.

Калиныч пел довольно приятно и поигрывал на балалайке. Хорь слушал, слушал его, загибал вдруг голову набок и начинал подтягивать жалобным голосом. Особенно любил он песню «Доля ты моя, доля!». Федя не упускал случая подтрунить над отцом. «Чего, старик, разжалобился?» Но Хорь подпирает щеку рукой, закрывает глаза и продолжает жаловаться на свою долю... Зато, в другое время, не было человека деятельнее его: вечно над чем-нибудь копается — телегу чинит, забор подпирает, сбрую пересматривает. Особенной чистоты он, однако, не придерживался и на мои замечания отвечал мне однажды, что «надо-де избе жильем пахнуть».

— Посмотри-ка, — возразил я ему, — как у Калиныча на пасеке чисто.

— Пчелы бы жить не стали, батюшка, — сказал он со вздохом.

«А что, — спросил он меня в другой раз, — у тебя своя вотчина есть?» — «Есть». — «Далеко отсюда?» — «Верст сто». — «Что

«Хорь и Калиныч». Художник П.П. Соколов. 1891 г.

же ты, батюшка, живешь в своей вотчине?» — «Живу». — «А больше, чай, ружьем пробавляешься?» — «Признаться, да». — «И хорошо, батюшка, делаешь; стреляй себе на здоровье тетеревов да старосту меняй почаще».

На четвертый день, вечером, г. Полутыкин прислал за мной. Жаль мне было расставаться с стариком. Вместе с Калинычем сел я в телегу. «Ну, прощай, Хорь, будь здоров, — сказал я... — Прощай, Федя». — «Прощай, батюшка, прощай, не забывай нас». Мы поехали; заря только что разгоралась. «Славная погода завтра будет», — заметил я, глядя на светлое небо. «Нет, дождь пойдет, — возразил мне Калиныч, — утки вон плещутся, да и трава больно сильно пахнет». Мы въехали в кусты. Калиныч запел вполголоса, подпрыгивая на облучке, и все глядел да глядел на зарю...

На другой день я покинул гостеприимный кров г-на Полутыкина.

Вопросы и задания

1. Понравился ли вам рассказ? Почему он так назван?
2. В чью пользу оказывается сравнение типов людей и особенностей их жизни в Орловской и Калужской губерниях? Расскажите об этом близко к тургеневскому тексту.
3. Как характеризует Полутыкина И.С. Тургенев? Какой смысл приобретает при этом его оценка — «отличный человек»?
4. Перечитайте фрагмент от слов: «Мы вошли в хату...» до слов: «Через полчаса уже въезжали в ворота господского дома». Охарактеризуйте обстановку в избе Хоря, отношения между Хорьками.
5. Почему крестьянина прозвали Хорем? Почему он не хотел откупаться?
6. Как Полутыкин характеризует Калиныча?
7. В чем смысл разногласий Хоря и Калиныча? В чем их сходство и в чем — различие?
8. Какой персонаж вам наиболее симпатичен? Почему?
9. Какова художественная идея рассказа?

Живое слово

1. Подготовьте письменные характеристики Хоря и Калиныча, подчеркнув особенности их отношения друг к другу, к окружающим людям, к занятиям. Вы можете использовать впечатления от иллюстрации П.П. Соколова.
2. Перескажите близко к тексту эпизод, когда автор оказался на сеновале и прислушался к поведению животных и производимым ими звукам, или разговор рассказчика с Хорем (по ролям) — на выбор.
3. Прочитайте выразительно начало и конец рассказа. Найдите нужные для того и другого отрывки интонации.
4. Подготовьте из рассказа «Хорь и Калиныч» текст изложения для закрепления правил, изучаемых на уроках русского языка.

ПЕВЦЫ

Небольшое селцо Колотовка, принадлежавшее некогда помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в околотке Стрыганихой (настоящее имя ее осталось неизвестным), а ныне состоящее за каким-то петербургским немцем, лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуще реки, — через реку можно по крайней мере навести мост, — разделяет обе стороны бедной деревушки. Несколько тощих раки́т боязливо спускаются по песчаным его бокам; на самом дне, сухом и желтом, как медь, лежат огромные плиты глинистого камня. Невеселый вид, нечего сказать, — а между тем всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку: они ездят туда охотно и часто.

У самой головы оврага, в нескольких шагах от той точки, где он начинается узкой трещиной, стоит небольшая четвероугольная избушка, стоит одна, отдельно от других. Она крыта соломой, с трубой; одно окно, словно зоркий глаз, обращено к оврагу и в зимние вечера, освещенное изнутри, далеко виднеется в тусклом тумане мороза и не одному проезжему мужичку мерцает путеводною звездой. Над дверью избушки прибита голубая досочка: эта избушка — каба́к, прозванный «Притынным»¹. В этом кабаке вино продается, вероятно, не дешевле положенной цены, но посещается он гораздо прилежнее, чем все окрестные заведения такого же рода. Причиной этому целовальник Николай Иваныч.

Николай Иваныч — некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками, — уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Николай Иваныч человек расторопный и сметливый, как большая часть целовальников. Не отличаясь ни особенной любезностью, ни говор-

¹ *Притынным* называется всякое место, куда охотно сходятся, всякое приютное место. (Примеч. авт.)

ливостью, он обладает даром привлекать и удерживать у себя гостей, которым как-то весело сидеть перед его стойкой, под спокойным и приветливым, хотя зорким взглядом флегматического хозяина. У него много здравого смысла; ему хорошо знаком и помещичий быт, и крестьянский, и мещанский; в трудных случаях он мог бы подать неглупый совет, но, как человек осторожный и эгоист, предпочитает оставаться в стороне и разве только отдаленными, словно без всякого намерения произнесенными намеками наводит своих посетителей — и то любимых им посетителей — на путь истины. Он знает толк во всем, что важно или занимательно для русского человека: в лошадях и в скотине, в лесе, в кирпичах, в посуде, в красном товаре и в кожанном, в песнях и в плясках. Когда у него нет посещения, он обыкновенно сидит, как мешок, на земле перед дверью своей избы, подвернув под себя свои тонкие ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всеми прохожими. Много видал он на своем веку, пережил не один десяток мелких дворян, заезжавших к нему за «очищенным», знает все, что делается на сто верст кругом, и никогда не пробалтывается, не показывает даже виду, что ему и то известно, чего не подозревает самый проницательный становой. Знай себе помалчивает, да посмеивается, да стаканчиками пошевеливает. Его соседи уважают: штатский генерал Щерепетенко, первый по чину владелец в уезде, всякий раз снисходительно ему кланяется, когда проезжает мимо его домика. Николай Иванович человек с влиянием: он известного конокрада заставил возвратить лошадь, которую тот свел со двора у одного из его знакомых, образумил мужиков соседней деревни, не хотевших принять нового управляющего, и т. д. Впрочем, не должно думать, чтобы он это делал из любви к справедливости, из усердия к ближним — нет! Он просто старается предупредить все то, что может как-нибудь нарушить его спокойствие. Николай Иванович женат, и дети у него есть. Жена его, бойкая, востроносая и быстроглазая мещанка, в последнее время тоже несколько отяжелела телом, подобно своему мужу. Он во всем на нее полагается, и деньги у ней под ключом. Пьяницы-крикуны ее боятся; она их не любит: выгоды от них мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорее по сердцу. Дети Николая Ивановича еще малы; первые все перемерли, но оставшиеся пошли в родителей: весело глядеть на умные личики этих здоровых ребят.

Был невыносимый жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой подымался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея; парило и пекло неотступно; воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны, разинув носы, жалобно глядели на проходящих, словно прося их участия; одни воробьи не горевали и, распуша перышки, еще яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам, дружно взлетали с пыльной дороги, серыми тучами носились над зелеными конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: в Колотовке, как и во многих других степных деревнях, мужики, за неимением ключей и колодцев, пьют какую-то жидкую грязцу из пруда... Но кто же назовет это отвратительное пойло водою? Я хотел спросить у Николая Иваныча стакан пива или квасу.

Признаться сказать, ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища; но особенно грустное чувство возбуждает она, когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые, полуразметанные крыши домов, и этот глубокий овраг, и выжженный запыленный выгон, по которому безнадежно скитаются худые, длинноногие курицы, и серый осиновый сруб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший крапивой, бурьяном и полынью, и покрытый гусиным пухом, черный, словно раскаленный пруд, с каймой из полувысохшей грязи и сбитой набок плотиной, возле которой, на мелко истоптанной, пепеловидной земле, овцы, едва дыша и чихая от жара, печально теснятся друг к дружке и с унылым терпением наклоняют головы как можно ниже, как будто выжидая, когда ж пройдет наконец этот невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Иваныча, возбуждая, как водится, в ребятишках изумление, доходившее до напряженно бессмысленного созерцания, в собаках — негодование, выражавшееся лаем, до того хриплым и злобным, что, казалось, у них отрывалась вся внутренность, и они сами потом кашляли и задыхались, как вдруг на пороге кабачка показался мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубым кушачком. На вид он казался дворовым; густые седые волосы в беспорядке вздымались над сухим и сморщенным его лицом. Он звал кого-то, торопливо действуя

руками, которые, очевидно, размахивались гораздо далее, чем он сам того желал. Заметно было, что он уже успел выпить.

— Иди, иди же! — залепетал он, с усилием поднимая густые брови, — иди, Моргач, иди! Экой ты, братец, ползешь, право слово. Это нехорошо, братец. Тут ждут тебя, а ты вот ползешь... Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащий голос, и из-за избы направо показался человек низенький, толстый и хромой. На нем была довольно опрятная суконная чуйка, вдетая на один рукав; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому пухлому лицу выражение лукавое и насмешливое. Его маленькие желтые глазки так и бегали, с тонких губ не сходила сдержанная напряженная улыбка, а нос, острый и длинный, нахально выдвигался вперед, как руль. — Иду, любезный, — продолжал он, ковыляя в направлении питейного заведения: — зачем ты меня зовешь?.. Кто меня ждет?

— Зачем я тебя зову? — возразил с укоризной человек во фризовой шинели. — Экой ты, Моргач, чудной, братец: тебя зовут в кабак, а ты еще спрашиваешь: зачем? А ждут тебя все люди добрые: Турок, Яшка, да Дикий Барин, да рядчик с Жиздры. Яшка-то с рядчиком об заклад побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолеет, лучше споет то есть... понимаешь?

— Яшка петь будет? — с живостью проговорил человек, прозванный Моргачом. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — с достоинством отвечал Обалдуй, — а ты брешешь. Стало быть, будет петь, коли об заклад побился, божья коровка ты этакая, плут ты этакой, Моргач!

— Ну, пойдем, простота, — возразил Моргач.

— Ну, поцелуй же меня, по крайней мере, душа ты моя, — залепетал Обалдуй, широко раскрыв объятия.

— Вишь, Езоп изнеженный, — презрительно ответил Моргач, отталкивая его локтем, и оба, нагнувшись, вошли в низенькую дверь.

Слышанный мною разговор сильно возбудил мое любопытство. Уже не раз доходили до меня слухи об Яшке Турке как о лучшем певце в околотке, и вдруг мне представился случай услышать его в состязании с другим мастером. Я удвоил шаги и вошел в заведение.

Вероятно, не многие из моих читателей имели случай заглядывать в деревенские кабаки; но наш брат, охотник, куда

не заходит! Устройство их чрезвычайно просто. Они состоят обыкновенно из темных сеней и белой избы, разделенной надвое перегородкой, за которую никто из посетителей не имеет права заходить. В этой перегородке, над широким дубовым столом, проделано большое продольное отверстие. На этом столе, или стойке, продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядом стоят на полках, прямо против отверстия. В передней части избы, предоставленной посетителям, находятся лавки, две-три пустые бочки, угловой стол. Деревенские кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на их бревенчатых стенах каких-нибудь ярко раскрашенных лубочных картин, без которых редкая изба обходится.

Когда я вошел в Притынный кабачок, в нем уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, как водится, почти во всю ширину отверстия, стоял Николай Иванович, в пестрой ситцевой рубахе, и, с ленивой усмешкой на пухлых щеках, наливал своей полной и белой рукой два стакана вина вошедшим приятелям, Моргачу и Обалдую; а за ним в углу, возле окна, виднелась его остроглазая жена. Посередине комнаты стоял Яшка Турок, худой и стройный человек лет двадцати трех, одетый в долгополый нанковый кафтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими, подвижными ноздрями, белый покатый лоб с закинутыми назад светло-русыми кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы — все его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волнении: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая так знакома всем людям, говорящим или поющим перед собранием. Подле него стоял мужчина лет сорока, широкоплечий, широкоскулый, с низким лбом, узкими татарскими глазами, коротким плоским носом, четвероугольным подбородком и черными, блестящими волосами, жесткими, как щетина. Выражение его смуглого с свинцовым отливом лица, особенно его бледных губ, можно было назвать почти свирепым, если б оно не было так спокойно-задумчиво. Он почти не шевелился и только медленно поглядывал кругом,

как бык из-под ярма. Одет он был в какой-то поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами; старый черный шелковый платок окутывал его огромную шею. Звали его Диким Бариним. Прямо против него, на лавке под образами, сидел соперник Яшки — рядчик из Жиздры. Это был невысокого роста, плотный мужчина лет тридцати, рябой и курчавый, с тупым вздернутым носом, живыми карими глазками и жидкой бородкой. Он бойко поглядывал кругом, подсунув под себя руки, беспечно болтая и постукивая ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. На нем был новый тонкий армяк из серого сукна с плисовым воротником, от которого резко отделялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла. В противоположном углу, направо от двери, сидел за столом какой-то мужичок в узкой изношенной свите, с огромной дырой на плече. Солнечный свет струился жидким желтоватым потоком сквозь запыленные стекла двух небольших окошек и, казалось, не мог победить обычной темноты комнаты: все предметы были освещены скупо, словно пятнами. Зато в ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня с плеч, как только я переступил порог.

Мой приход — я это мог заметить — сначала несколько смутил гостей Николая Иваныча; но, увидев, что он поклонился мне, как знакомому человеку, они успокоились и уже более не обращали на меня внимания. Я спросил себе пива и сел в угол, возле мужичка в изорванной свите.

— Ну, что ж! — возопил вдруг Обалдуй, выпив духом стакан вина и сопровождая свое восклицание теми странными размахиваниями рук, без которых он, по-видимому, не произносил ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать так начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать, — одобрительно подхватил Николай Иваныч.

— Начнем, пожалуй, — хладнокровно и с самоуверенной улыбочкой промолвил рядчик, — я готов.

— И я готов, — с волнением произнес Яков.

— Ну, начинайте, ребята, начинайте, — пропищал Моргач.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желание, никто не начинал: рядчик даже не приподнялся с лавки, — все словно ждали чего-то.

— Начинай! — угрюмо и резко проговорил Дикий Барин.

Яков вздрогнул. Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся.

— А кому начать? — спросил он слегка изменившимся голосом у Дикого Барина, который все продолжал стоять неподвижно посередине комнаты, широко расставив толстые ноги и почти по локоть засунув могучие руки в карманы шаровар.

— Тебе, тебе, рядчик, — залепетал Обалдуй, — тебе, братец.

Дикий Барин посмотрел на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнул, замялся, глянул куда-то в потолок, повел плечами и умолк.

— Жеребий кинуть, — с расстановкой произнес Дикий Барин, — да осьмуху на стойку.

Николай Иванович нагнулся, достал, кряхтя, с полу осьмуху и поставил ее на стол.

Дикий Барин глянул на Якова и промолвил: «Ну!»

Яков зарылся у себя в карманах, достал грош и наметил его зубом. Рядчик вынул из-под полы кафтана новый кожаный кошелек, не торопясь распутал шнурок и, высыпав множество мелочи на руку, выбрал новенький грош. Обалдуй подставил свой затасканный картуз с обломанным и отставшим козырьком; Яков кинул в него свой грош, рядчик — свой.

— Тебе выбирать, — проговорил Дикий Барин, обратившись к Моргачу.

Моргач самодовольно усмехнулся, взял картуз в обе руки и начал его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь друг о друга. Я внимательно поглядел кругом: все лица выражали напряженное ожидание; сам Дикий Барин прищурился; мой сосед, мужичок в изорванной свитке, и тот даже с любопытством вытянул шею. Моргач запустил руку в картуз и достал рядчиков грош: все вздохнули. Яков покраснел, а рядчик провел рукой по волосам.

— Ведь я же говорил, что тебе, — воскликнул Обалдуй, — я ведь говорил.

— Ну, ну, не «циркай»!¹ — презрительно заметил Дикий Барин. — Начинай, — продолжал он, качнув головой на рядчика.

— Какую же мне песню петь? — спросил рядчик, приходя в волнение.

— Какую хочешь, — отвечал Моргач. — Какую вздумается, ту и пой.

¹ Циркают ястреба, когда они чего-нибудь испугаются. (Примеч. авт.)

— Конечно, какую хочешь, — прибавил Николай Иванович, медленно складывая руки на груди. — В этом тебе указу нету. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы уж потом решим по совести.

— Разумеется, по совести, — подхватил Обалдуй и полизал край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорил рядчик, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — решил Дикий Барин и потупился.

Рядчик подумал немного, встряхнул головой и выступил вперед. Яков впился в него глазами...

Но прежде чем я приступлю к описанию самого состязания, считаю не лишним сказать несколько слов о каждом из действующих лиц моего рассказа. Жизнь некоторых из них была уже мне известна, когда я встретился с ними в Притынном кабачке; о других я собрал сведения впоследствии.

Начнем с Обалдуй. Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всем околотке не звал его иначе как Обалдуй, и он сам величал себя тем же прозвищем: так хорошо оно к нему пристало. И действительно, оно как нельзя лучше шло к его незначительным, вечно встревоженным чертам. Это был загулявший, холостой дворовый человек, от которого собственные господа давным-давно отступились и который, не имея никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находил, однако, средство каждый день покутить на чужой счет. У него было множество знакомых, которые поили его вином и чаем, сами не зная зачем, потому что он не только не был в обществе забавен, но даже, напротив, надоедал всем своей бессмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными телодвижениями и беспрестанным неестественным хохотом. Он не умел ни петь, ни плясать; отроду не сказал не только умного, даже путного слова: все «лотошил» да врал что ни попало — прямой Обалдуй! И между тем ни одной попойки на сорок верст кругом не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась тут же между гостями, — так уж к нему привыкли и переносили его присутствие, как неизбежное зло. Правда, обходились с ним презрительно, но укрощать его нелепые порывы умел один Дикий Барин.

Моргач несколько не походил на Обалдуя. К нему тоже шло название Моргача, хотя он глазами не моргал более других людей; известное дело: русский народ на прозвища мастер. Несмотря на мое старание вывести пообстоятельнее прошедшее этого человека, в жизни его остались для меня — и, вероятно, для многих других — темные пятна, места, как выражаются книжники, покрытые глубоким мраком неизвестности. Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропадал целый год и, должно быть, убедившись на деле в невыгодах и бедствиях бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромой, бросился в ноги своей госпоже и, в течение нескольких лет примерным поведением загладив свое преступление, понемногу вошел к ней в милость, заслужил наконец ее полную доверенность, попал в приказчики, а по смерти барыни, неизвестно каким образом, оказался отпущенным на волю, приписался в мещане, начал занимать у соседей бакши, разбогател и живет теперь припеваючи. Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться. Он осторожен и в то же время предприимчив, как лисица; болтлив, как старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякого другого заставит высказаться; впрочем, не прикидывается простачком, как это делают иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывал более проницательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гяделки»¹. Они никогда не смотрят просто — все высматривают да подсматривают. Моргач иногда по целым неделям обдумывает какое-нибудь, по-видимому, простое предприятие, а то вдруг решится на отчаянно смелое дело, кажется, тут ему и голову сломить... смотришь — все удалось, все как по маслу пошло. Он счастлив и верит в свое счастье, верит приметам. Он вообще очень суеверен. Его не любят, потому что ему самому ни до кого дела нет, но уважают. Все его семейство состоит из одного сынишки, в котором он души не чает и который, воспитанный таким отцом, вероятно, пойдет далеко. «А Моргачонок в отца вышел», — уже и теперь говорят о нем вполголоса старики, сидя на завалинках и толкуя меж собой в летние вечера; и все понимают, что это значит, и уже не прибавляют ни слова.

¹ Орловцы называют глаза гяделками, так же как рот едалом. (Примеч. авт.)

Об Якове Турке и рядчике нечего долго распространяться. Яков, прозванный Турком, потому что действительно происходил от пленной турчанки, был по душе — художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца; что же касается до рядчика, судьба которого, признаюсь, мне осталась неизвестной, то он показался мне изворотливым и бойким городским мещанином. Но о Диком Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое впечатление, которое производил на вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже, «сбитнем», как говорят у нас, но от него так и несло несокрушимым здоровьем, и — странное дело — его медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, происходившей, может быть, от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого разу, к какому сословию принадлежал этот Геркулес; он не походил ни на дворового, ни на мещанина, ни на обеднявшего подьячего в отставке, ни на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаля и драчуна: он был, уж точно, сам по себе. Никто не знал, откуда он свалился к нам в уезд; поговаривали, что происходил он от однодворцев и состоял будто где-то прежде на службе; но ничего положительного об этом не знали; да и от кого было и узнавать, — не от него же самого: не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать, чем он живет; он никаким ремеслом не занимался, ни к кому не ездил, не знался почти ни с кем, а деньги у него водились; правда, небольшие, но водились. Вел он себя не то что скромно — в нем вообще не было ничего скромного, — но тихо; он жил, словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикый Барин (так его прозвали; настоящее же его имя было Перевлесов) пользовался огромным влиянием во всей округе; ему повиновались тотчас и с охотой, хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже сам не изъявлял малейшего притязания на послушание людей, с которыми случайно сталкивался. Он говорил — ему покорялись; сила всегда свое возьмет. Он почти не пил вина, не знался с женщинами и страстно любил пение. В этом человеке было много загадочного; казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, как бы зная, что раз поднявшись, что сорвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя и все, до чего ни коснутся; и я жестоко

ошибаюсь, если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва, если он, наученный опытом и едва спасшись от гибели, неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нем смесь какой-то врожденной, природной свирепости и такого же врожденного благородства, — смесь, которой я не встречал ни в ком другом.

Итак, рядчик выступил вперед, закрыл до половины глаза и запел высочайшим фальцетом. Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый; он играл и вилял этим голосом, как юлой, беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным старанием, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришел бы от них в негодование. Это был русский *tenore di grazia, ténor léger*¹. Пел он веселую, плясовую песню, слова которой, сколько я мог уловить сквозь бесконечные украшения, прибавленные согласные и восклицания, были следующие:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
Я посею, молода-молоденька,
Цветика аленька.

Он пел; все слушали его с большим вниманием. Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи. Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское, на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом. Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях: ему не доставало поддержки хора; наконец при одном особенно удачном переходе, заставившем улыбнуться самого Дикого Барина, Обалдуй не выдержал и вскрикнул от удовольствия. Все встрепенулись. Обалдуй с Моргачом начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «Лихо!.. Забирай, шельмец!.. Забирай, вытягивай, аспид! Вытягивай еще! Накалывай еще, собака ты этакая, пес!.. Погуби

¹ Лирический тенор (*ит., фр.*).

Ирод твою душу!» и пр. Николай Иваныч из-за стойки одобрительно закачал головой направо и налево. Обалдуй наконец затопал, засеменял ногами и задергал плечиком, — а у Якова глаза так и разгорелись, как уголья, и он весь дрожал как лист и беспорядочно улыбался. Один Дикий Барин не изменился в лице и по-прежнему не двигался с места; но взгляд его, устремленный на рядчика, несколько смягчился, хотя выражение губ оставалось презрительным. Ободренный знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился и уж такие начал отделявать завитушки, так защелкал и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что когда наконец, утомленный, бледный и облитый горячим потом, он пустил, перекинувшись назад всем телом, последний замирающий возглас, — общий, слитный крик ответил ему неистовым взрывом. Обалдуй бросился ему на шею и начал душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирном лице Николая Иваныча выступила краска, и он словно помолодел; Яков, как сумасшедший, закричал: «Молодец, молодец!» — даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: «А-га! хорошо, черт побери, хорошо!» — и с решительностью плюнул в сторону.

— Ну, брат, потешил! — кричал Обалдуй, не выпуская изнеможенного рядчика из своих объятий, — потешил, нечего сказать! Выиграл, брат, выиграл! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшке до тебя далеко... Уж я тебе говорю: далеко... А ты мне верь! (И он снова прижал рядчика к своей груди.)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная... — с досадой заговорил Моргач. — Дай ему присесть на лавку-то; вишь, он устал... Экой ты фофан, братец, право, фофан! Что пристал, словно банный лист?

— Ну что ж, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — возразил Обалдуй и подошел к стойке. — На твой счет, брат, — прибавил он, обращаясь к рядчику.

Тот кивнул головой, сел на лавку, достал из шапки полотенце и начал утирать лицо; а Обалдуй с торопливой жадностью выпил стакан и, по привычке горьких пьяниц, крикая, принял грустно-озабоченный вид.

— Хорошо поешь, брат, хорошо, — ласково заметил Николай Иваныч. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри не сробей. Посмотрим, кто кого, посмотрим... А хорошо поет рядчик, ей-богу хорошо.

— Очинна хорошо, — заметила Николай Ивановычева жена и с улыбкой поглядела на Якова.

— Хорошо-га! — повторил вполголоса мой сосед.

— А, заворотень-полеха!¹ — завопил вдруг Обалдуй и, подойдя к мужичку с дырой на плече, уставился на него пальцем, запрыгал и залился дребезжащим хохотом. — Полеха! полеха! Га, баде паняй², заворотень! Зачем пожаловал, заворотень? — кричал он сквозь смех.

Бедный мужик смутился и уже собрался было встать да уйти поскорей, как вдруг раздался медный голос Дикого Барина.

— Да что ж это за несносное животное такое? — произнес он, скрипнув зубами.

— Я ничего, — забормотал Обалдуй, — я ничего... я так...

— Ну, хорошо, молчать же! — возразил Дикий Барин. — Яков, начинай!

Яков взялся рукой за горло.

— Что, брат, того... что-то... Гм... Не знаю, право, что-то того...

— Ну, полно, не робей. Стыдись!.. Чего вертишься?.. Пой, как Бог тебе велит.

И Дикий Барин потупился, выжидая.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впились в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки, но уже не болтал ногами. Когда же наконец Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел... Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принеся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твер-

¹ *Полехами* называются обитатели южного Полесья, длинной лесной полосы, начинающейся на границе Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. *Заворотнями* же их зовут за подозрительный и тугой нрав. (Примеч. авт.)

² Полехи прибавляют почти к каждому слову восклицания «га!» и «баде!». «Паняй» вместо погоняй. (Примеч. авт.)

дый и протяжный, но все еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенеv под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебанием, за вторым — третий, и, понемногу разгораясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле дороженька пролежала», — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твердел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжело шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянию зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участием. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыдания внезапно поразили меня... я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иваныч потушился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шепотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого Барина, из-под совершенно надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился... Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томление, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необычно-

венно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он еще петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взором обвел всех кругом и увидал, что победа была его...

— Яша, — проговорил Дикий Барин, положил ему руку на плечо и — смолк.

Мы все стояли как оцепенелые. Рядчик тихо встал и подошел к Якову. «Ты... твоя... ты выиграл», — произнес он наконец с трудом и бросился вон из комнаты...

Его быстрое, решительное движение как будто нарушило очарование: все вдруг заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнул кверху, залепетал, замахал руками, как мельница крыльями; Моргач, ковыляя, подошел к Якову и стал с ним целоваться; Николай Иванович приподнялся и торжественно объявил, что прибавляет от себя еще осьмуху пива; Дикий Барин посмеивался каким-то добрым смехом, которого я никак не ожидал встретить на его лице; серый мужичок то и дело твердил в своем уголке, утирая обоими рукавами глаза, щеки, нос и бороду: «А хорошо, ей-богу хорошо, ну, вот будь я собачий сын, хорошо!», а жена Николая Ивановича, вся раскрасневшаяся, быстро встала и удалилась. Яков наслаждался своей победой, как дитя; все его лицо преобразилось; особенно его глаза так и засияли счастьем. Его потащили к стойке; он подозвал к ней расплакавшегося серого мужичка, послал целовальникова сынишку за рядчиком, которого, однако, тот не сыскал, и начался пир. «Ты еще нам споешь, ты до вечера нам петь будешь», — твердил Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще раз взглянул на Якова и вышел. Я не хотел остаться — я боялся испортить свое впечатление. Но зной был нестерпим по-прежнему. Он как будто висел над самой землей густым тяжелым слоем; на темно-синем небе, казалось, крутились какие-то мелкие, светлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Все молчало; было что-то безнадежное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы. Я добрался до сеновала и лег на только что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не мог задремать; долго звучал у меня в ушах неотразимый голос Якова... наконец жара и усталость взяли, однако ж, свое, и я заснул мертвым сном. Когда я проснулся, все уже потемнело; вокруг разбросанная трава сильно

пахла и чуть-чуть отсырела; сквозь тонкие жерди полураскрытой крыши слабо мигали бледные звездочки. Я вышел. Заря уже давно погасла, и едва белел на небосклоне ее последний след; но в недавно раскаленном воздухе сквозь ночную свежесть чувствовалась еще теплота, и грудь все еще жаждала холодного дуновенья. Ветра не было, не было и туч; небо стояло кругом все чистое и прозрачно-темное, тихо мерцающая бесчисленными, но чуть видимыми звездами. По деревне мелькали огоньки; из недалекого, ярко освещенного кабака неслись нестройный, смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова. Яркий смех по временам поднимался оттуда взрывом. Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу. Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: всё было пьяно — всё, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары. Мокрые волосы ключьями висели над его страшно побледневшим лицом. Посередине кабака Обалдуй, совершенно «развинченный» и без кафтана, выплясывал вперепрыжку перед мужичком в сероватом армяке; мужичок, в свою очередь, с трудом топтал и шаркал ослабевшими ногами и, бессмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изредка помахивал одной рукой, как бы желая сказать: «Куда ни шло!» Ничего не могло быть смешней его лица; как он ни вздергивал кверху свои брови, отяжелевшие веки не хотели подняться, а так и лежали на едва заметных, посоловелых, но сладчайших глазках. Он находился в том милом состоянии окончательно подгулявшего человека, когда всякий прохожий, взглянув ему в лицо, непременно скажет: «Хорош, брат, хорош!» Моргач, весь красный, как рак, и широко раздув ноздри, язвительно посмеивался из угла; один Николай Иванович, как и следует истинному целовальнику, сохранял свое неизменное хладнокровие. В комнату набралось много новых лиц; но Дикого Барина я в ней не видал.

Я отвернулся и быстрыми шагами стал спускаться с холма, на котором лежит Колотовка. У подошвы этого холма расстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечернего тумана, она казалась еще необъятней и как будто сливалась с потемневшим небом. Я сходил большими шагами по дороге вдоль оврага, как вдруг где-то далеко в равнине раздался звонкий голос мальчика. «Антропка! Антропка-а-а!..» —

кричал он с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог.

Он умолкал на несколько мгновений и снова принимался кричать. Голос его звонко разносился в неподвижном, чутко дремлющем воздухе. Тридцать раз по крайней мере прокричал он имя Антропки, как вдруг с противоположного конца поляны, словно с другого света, принесли едва слышный ответ:

— Чего-о-о-о-о?

Голос мальчика тотчас с радостным озлоблением закричал:

— Иди сюда, черт, леши-и-и-ий!

— Заче-е-е-ем? — ответил тот спустя долгое время.

— А затем, что тебя тятя высечь хочи-и-и-ит, — поспешно прокричал первый голос.

Второй голос более не откликнулся, и мальчик снова принялся взывать к Антропке. Возгласы его, более и более редкие и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсем темно и я огибал край леса, окружающего мою деревеньку и лежащего в четырех верстах от Колотовки...

«Антропка-а-а!» — все еще чудилось в воздухе, наполненном тенями ночи.

1850

Вопросы и задания

?

1. Что вам особенно запомнилось в образе певцов? Внешность персонажей — важная или второстепенная деталь в характеристике? Нарисуйте словесный портрет одного из героев.
2. Каждый из исполнителей относится к предстоящему событию равнодушно, не как к спору и даже не как к соревнованию, а как к творчеству. Найдите в тексте рассказа и прочитайте те места, которые подтверждают этот тезис.
3. Что особо выделяет писатель в исполнении каждого из певцов? С каким чувством он говорит о таланте крестьян?
4. Прочитайте те фрагменты рассказа, где изображено отношение слушателей к пению.
5. Самостоятельно сформулируйте главную мысль рассказа.
- 6*. Найдите полные тексты песен, которые исполняют герои. Как вы считаете, чем можно объяснить их выбор?

Вы уже знакомы со стихотворениями в прозе И.С. Тургенева. Вспомните их названия и содержание. Подготовьтесь к выразительному чтению нового тургеньевского произведения.

НИЩИЙ (Стихотворение в прозе)

Я проходил по улице... меня остановил нищий, дряхлый старик.

Воспаленные, слезливые глаза, посинелые губы, шершавые лохмотья, нечистые раны... О, как безобразно обглодала бедность это несчастное существо!

Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи.

Я стал шарить у себя во всех карманах... Ни кошелька, ни часов, ни даже платка... Я ничего не взял с собою.

А нищий ждал... и протянутая его рука слабо колыхалась и вздрагивала.

Потерянный, смущенный, я крепко пожал эту грязную, трепетную руку... «Не взыщи, брат; нет у меня ничего, брат».

Нищий уставил на меня свои воспаленные глаза; его синие губы усмехнулись — и он в свою очередь стиснул мои похолодевшие пальцы.

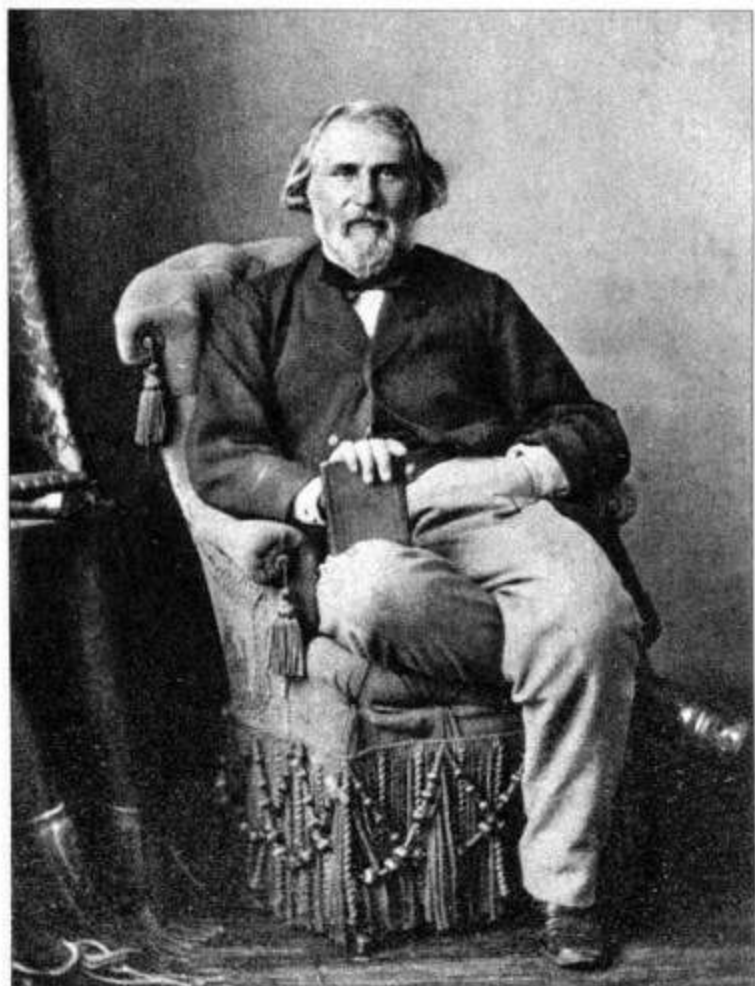
— Что же, брат, — прошамкал он, — и на том спасибо. Это тоже подавание, брат.

Я понял, что и я получил подавание от моего брата.

1878

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА И.С. ТУРГЕНЕВА

Всякое стихотворение, в том числе и стихотворение в прозе, обычно небольшого объема. Стихотворению мало места, поэтому каждая деталь, каждое слово, в нем употребленное, особенно значимы. К этим словам, к каждой детали, к знакам

И.С. Тургенев. Фотография С.Л. Левицкого. 1861 г.

препинания (пунктуации) нужно быть особенно внимательным — иначе можно пройти мимо главного, не угадать тайны, не проникнуть в художественную идею произведения.

Мы будем еще раз читать очень внимательно и очень медленно — по абзацам, как если бы мы читали обычное стихотворение — по стихам и строфам.

Начнем с названия. Название любого художественного произведения входит в текст, таким образом, оно может быть темой или мотивом, оно содержательно, значимо.

1. Название — «Нищий». Речь идет только о нищем человеке? Человеке, просящем подаяние? Не торопитесь с ответом — рассуждайте!

2. Тургенев подробно прорабатывает портрет нищего. С помощью каких художественных деталей? Что подчеркивает писатель в образе героя? Запишите ключевые слова и словосочетания.

3. Перечитывайте внимательно каждый абзац. После чтения — остановитесь, подумайте. Затем выпишите из абзаца самые главные слова, которые несут основную мысль абзаца или раскрывают очень важную тему.

Образец: «Он протягивал мне красную, опухшую, грязную руку... Он стонал, он мычал о помощи». — ...*стонал, мычал о помощи*.

Мы выписали именно эти слова, потому что мотив просьбы о подаянии уже звучал; слова же «стонал», «мычал о помощи» красноречиво передают просьбу нищего.

4. Какое слово чаще других употребляется в стихотворении? О чем это вам говорит?

5. Какова художественная роль многоточия (оно употребляется в стихотворении довольно часто)?

6. Какова главная мысль стихотворения в прозе «Нищий», его художественная идея?

После уроков

...

Подберите материал для выставки «На родине И.С. Тургенева».

Советуем прочитать

Афанасьев В.В., Боголепов П.К. Тропа к Тургеневу. — М., 1983.

НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ
1821—1877

Лето 1871 г. Карабиха — родовое имение Некрасовых. В карабиховской усадьбе, в парке, Николай Алексеевич слегка приглушенным голосом читает свою новую вещь — поэму «Русские женщины». Жена Федора Алексеевича, брата поэта, Наталья Павловна, вспоминала об этом событии: «Мы слушали с затаенным дыханием и не могли удержаться от слез. Когда он кончил и взглянул на своих слушателей, то по их взволнованным лицам и влажным глазам понял, какое сильное впечатление произвело на всех его произведение, и был счастлив. Он велел подать шампанское. Мы чокались, поздравляя его с блестящим окончанием многолетнего труда. Да, помню, это был день великого подъема, торжества и удовлетворения».

В своей новой поэме Некрасов прежде всего воссоздает удивительный образ жен декабристов, презревших опасности, трудности, разрыв с властью и поехавших за своими мужьями в Сибирь: быть рядом с любимыми, скрасить их трагические часы и дни, вселить в них силы.

Это был, наверное, главный мотив, движущий поэтом. Но был и другой, не всегда очевидный, однако не менее важный.

В конце 1860-х — начале 1870-х гг. в России прошли судебные процессы над участниками революционного движения, среди которых были и женщины: А.Д. Дементьева, В.В. Александрова и др. Многие жены революционеров, как в недавнем прошлом жены декабристов, добровольно отправлялись в ссылку за своими мужьями. Возможно, именно эти обстоя-

тельства явились причиной обращения к теме. Может быть, и поэтому уже из набранной в типографии рукописи поэт изымает первое название поэмы — «Декабристки» — и дает новое, более обобщенное: «Русские женщины».

Поэма Н.А. Некрасова «Русские женщины» — это гимн благородным духовным порывам, мужеству, стойкости, верности. Это гимн всепобеждающей силе любви.

Живое слово

1. Подберите материал об одном из участников восстания 1825 г. и подготовьте о нем сообщение.
2. Что вы знаете о женах декабристов? Найдите в библиотеке материалы о них, подготовьте сообщение.

СОВРЕМЕННОКИ О Н.А. НЕКРАСОВЕ

«Муза г. Некрасова сама отдается читателю с первой минуты, без притворства и ужимок, простая и откровенная, гордая и печальная, светлая и сухая в одно время, искренняя до жесткости, прямодушная до наивности. Она не румянится, готовясь выйти к публике, даже не приводит в порядок своего небрежного убора и очень часто, смешивая благородные чувства с грубостью манер, нравится самою своею неизысканностью. Это качество истинно редкое в наше время».

А.В. Дружинин¹

«Г. Некрасов имеет полное право на название мыслителя. Мало того, это — мыслитель глубокий и честный. В основе его лежит высокая гуманность и любовь к своей родине, не под отвлеченным представлением отечества... а под живым, действительным образом народа. Я бы назвал г. Некрасова народным поэтом... по-

¹ Дружинин Александр Васильевич (1824—1864) — русский писатель и литературный критик.

Н.А. Некрасов. Литография И.Н. Крамского. 1870-е гг.

тому что герой его песен один — один русский крестьянин. Но он говорит о нем, конечно, как человек развитой... он не «поет» его, а думает о нем, о его бедах и горе, не ограничивается объективным изображением страдания, но мыслит о нем и мысли свои, глубокие и светлые, передает в прекрасных свободных стихах, в которые без натяжек укладывается народная речь...».

В.А. Зайцев¹

«У него была своя, своеобразная сила в душе, не оставляющая его никогда, — это истинная, страстная, а главное, непосредственная любовь к народу. Он болел о страданиях его всей душой, но видел в нем не один лишь униженный рабством образ, зверское подобие, но смог силой любви своей постичь почти бессознательно и красоту народную, и силу его, и ум его, и страдальческую кротость его и даже частью уверовать и в будущее предназначение его...

¹ *Зайцев* Варфоломей Александрович (1842—1882) — русский публицист и критик.

В служении сердцем своим и талантом своим народу он находил все свое очищение перед самим собой. Народ был настоящей потребностью его не для одних стихов. ...Чувствами своими к народу он возвышал дух свой. Но что главное — это то, что не нашел предмета любви своей между людей, окружавших его, или в том, что чтут эти люди и перед чем они преклоняются. Он отрывался, напротив, от этих людей и уходил к оскорбленным, к терпящим, к простодушным, к униженным...»

Ф.М. Достоевский

Вопросы и задания

1. На какие качества характера Некрасова обращали особое внимание современники писателя?
2. Какая из данных характеристик показалась вам более верной? Почему?

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя...
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

1848

Вопросы и задания

1. Определите основную мысль стихотворения. Теперь прочитайте стихотворение выразительно, стараясь донести до слушателей его настроение и смысл.
2. В каком значении употреблено в тексте слово *Муза*?

3. Центральный прием раскрытия идеи стихотворения — скрытое сравнение. Найдите его. Как вы думаете, почему именно прием сравнения выбрал поэт?

4*. Сопоставьте синтаксические конструкции в первой и второй строфе. Чем они отличаются друг от друга? Как вы думаете, почему важно, что в конце второй строфы многоточие (фигура умолчания) противопоставлено восклицательной интонации?

5*. Образ Музы, созданный в этом стихотворении, относится только к тем произведениям Некрасова, в которых воссоздана жизнь крестьян? Свой ответ аргументируйте.

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь — в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», — говорят
С выраженьем надежды и муки.

Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,
В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его Бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами...

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят...
Ты, считающий жизнью завидною
Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру...

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою

Иллюстрация к стихотворению. Художник А.И. Лебедев. 1865 г.

И — со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, — как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);

Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронною тризною,
И сойдешь ты в могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней... Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье...
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас Провиденье
Указало... да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,
И застонут... Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету Божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон... Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?

Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуюсь закону,
Все, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

1858

О ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТИХОТВОРЕНИЯ

Однажды Некрасов из окна своей квартиры увидел, как от дома, где жил министр государственных имуществ М.Н. Муравьев (получивший впоследствии прозвище Вешателя за кровавое «усмирение» Польши в 1863 г.), дворники и городской прогоняли крестьян-просителей. Это послужило толчком к написанию «Размышлений у парадного подъезда».

Можно предположить, что в образе «владельца роскошных палат» отразились черты военного министра николаевской

Вид из окна квартиры Н.А. Некрасова на Литейном проспекте
на подъезд дома министра государственных имуществ

эпохи А.И. Чернышева. Весной 1857 г. Некрасов видел его, доживавшего свои дни на курорте в Южной Италии. Именно к нему относятся строки Некрасова: «Созерцая, как солнце пурпурное...» В течение пяти лет стихотворение не могло появиться в русской подцензурной печати и ходило по рукам в многочисленных списках. В 1860 г. его напечатал А.И. Герцен в «Колоколе»¹ без подписи автора, с примечанием: «Мы очень редко помещаем стихи, но такого рода стихотворение нет возможности не поместить». Популярность «Размышлений у парадного подъезда» в кругах передовой молодежи была очень велика. Заключительные строки, начиная со слов «Назови мне такую обитель», сделались любимой студенческой песней.

Впервые в России стихотворение было опубликовано в 1863 г.

К.И. Чуковский

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Н.А. НЕКРАСОВА

1. Объясните значение слов и словосочетаний: *холопский недуг, прожекторы, искатели мест, скудная лепта, чернь, заветная дверь, пышный подъезд, убаюканный ласковым пением, тризна*; подберите к ним синонимы.

2. Слово *щелкопер* разберите по составу. Определите его этимологию.

Этимология — происхождение слова и его родственные отношения к другим словам того же самого или других языков.

3. Найдите в стихотворении «Размышления у парадного подъезда» строки, создающие коллективный портрет «деревенских русских людей». Выпишите их.

¹ Александр Иванович Герцен (1812–1870) вместе с писателем Николаем Платоновичем Огаревым (1813–1877) издавал в Лондоне русскую бесцензурную газету «Колокол», выходившую с 1857 по 1867 г. В газете печатались в основном публицистические материалы о социально-политических преобразованиях, которые на Родине цензурой не могли быть пропущены. Газета тайно переправлялась в Россию.

4. В каких еще известных вам произведениях Н.А. Некрасова создан коллективный портрет людей-тружеников?

5. Объясните строки стихотворения:

«Целый *город* с каким-то испугом / *Подъезжает* к заветным дверям...»;

«А в обычные дни этот *пышный* подъезд / Осаждают *убогие* лица...»;

«Стонет в собственном *бедном* домишке, / Свету *Божьего* солнца не рад...».

Какими средствами художественной выразительности являются выделенные слова? Какова их роль в тексте?

6. Какое слово поэт чаще других употребляет в «Размышлениях...»? Чего достигает Н.А. Некрасов многократным употреблением этого слова в одном стихотворении?

7. Внимательно прочитайте фрагмент стихотворения от слов «...Убаюканный ласковым пением...» до слов «Возвеличенный громкой хвалой...». Какие приемы создания образа «владельца роскошных палат» использует Н.А. Некрасов в данном случае?

8. Своеобразным лирическим отступлением в стихотворении являются строки о Волге. Какую роль они выполняют?

9. Как вы понимаете концовку стихотворения?

10. Определите стихотворный размер стихотворений «Вчерашний день, часу в шестом...» и «Размышления у парадного подъезда».

11. Выпишите из прочитанных вами произведений Н.А. Некрасова афористические выражения.

Пофантазируем

Чувства, вызванные художественным произведением, можно выразить по-разному: словом, звуком, цветовым образом. Попробуйте только цветом (сочетанием цветов) передать чувства, вызванные у вас стихотворениями «Вчерашний день, часу в шестом...» и «Размышления у парадного подъезда».

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ (В сокращении)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.
Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.
Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость¹ в ноги стлал,

Творя молитву, образок²
Повесил в правый уголок
И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь,
Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.

¹ *Медвежья полость* — покрывало на ноги в санях, в экипаже, в карете.

² *Образок* — икона, уменьшительное от «образ».

Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
С тобой расстаться мне!

III

О, видит Бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
Гордись — я дочь твоя!..

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А все конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал.

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи¹ сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха²,
Под ней — кресты³, мундир,

¹ Мощи — высохшие останки людей, почитаемые Церковью как святые

² Доха — шуба с мехом внутри и наружу.

³ Кресты — ордена такой формы.

На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня
(входит в станционный дом)

В Нерчинск! Закладывай скорей!

Губернатор
Пришел я — встретить вас.

Княгиня
Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня
Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

Губернатор
Все ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, — и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму.
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня
Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?

Губернатор
Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня
Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор
Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня
Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор
Да-с, было бы верней.

Княгиня
Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он все устроил сам!

Губернатор
Нет... Не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня
Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор
Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!

Е.И. Трубецкая.
Художник Н.А. Бестужев. 1828 г.

Садитесь! Я уже сказал,
 Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил
 По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
 Вернитесь поскорей!

Княгиня
Нет! что однажды решено —
 Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
 Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
 И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
 Давайте лошадей.

Губернатор
Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час.
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма¹,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки²;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалятся никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня
Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.

¹ Клеймо — печать, знак; здесь: клеймо каторжника.

² Варнак — врун, буян, каторжник.

Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор
Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Откуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня
Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор
Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою.
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знаять
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи побережь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, — я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,

Я силы дам ему!
Презрение к нашим палачам,
Сознание правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор
Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, Бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня
Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор
Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня
Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы...
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжествó¹,
Поруганную честь,

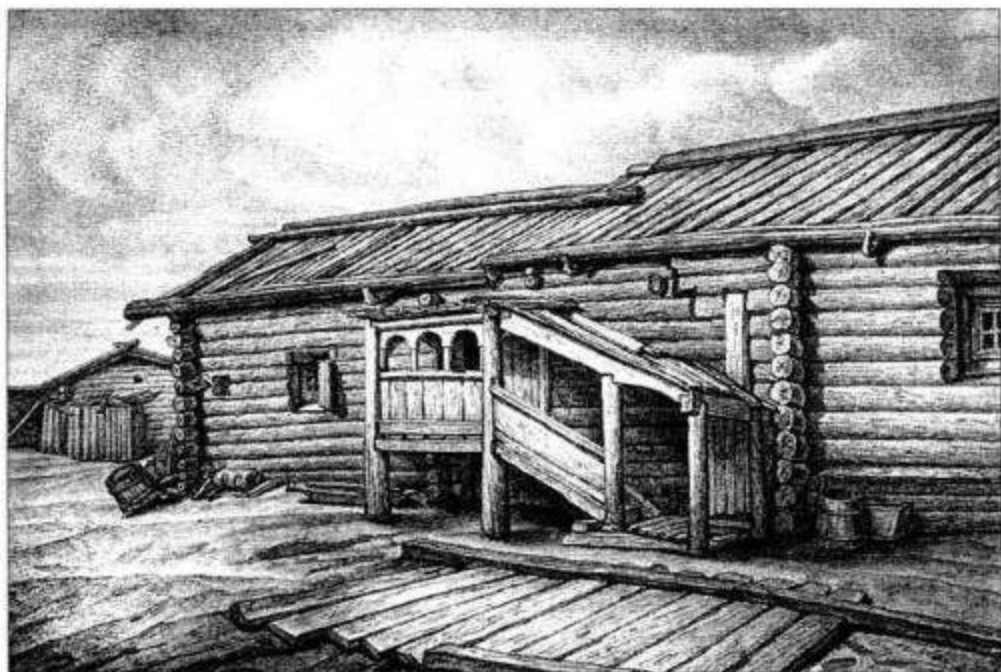
¹ *Ханжество* — от слова «ханжа» — лицемер, прикрывающийся добродетелью; ханжество — лицемерие.

Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — все простя?

Губернатор
Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня
Молчите, генерал!

Губернатор
Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станет с женой,
Увлекся призраком пустым
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Дом одного из ссыльных декабристов в Сибири.
Художник К.П. Мазер. 1848–1851 гг.

Княгиня
Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

* * *

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну, что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»

Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
«До завтра», — и ушел...

* * *

Назавтра тот же разговор,
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: «Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы!»

«Да что же мне еще терять?»

«За мужем поскакав,
Вы отречение подписать
Должны от ваших прав!»

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал,
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отречение? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор
Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!

Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

* * *

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пришла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло.
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
«Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...»

Княгиня
Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор
Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,

А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня
Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор
Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалют,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненок путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И третий не дойдет!
Они, как мухи, мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня
О нет! я этого ждала..
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла..
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно..
Велите ж партию собирать —
Иду! мне все равно!..

* * *

«Нет! вы поедете!.. — вскричал
Нежданно старый генерал,

Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилась слеза.)
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал все, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель Бог!
Осторожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(Отворяя дверь, кричит.)
Эй! запрягать, сейчас!..»
1871—1872

ТВОРЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПОЭМЫ Н.А. НЕКРАСОВА «РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ»

В 1826 г. часть декабристов была сослана в Сибирь на каторжные работы. Впоследствии за некоторыми из них добровольно последовали их жены: А.Г. Муравьева, Е.И. Трубецкая, Е.П. Нарышкина, А.В. Розен, М.Н. Волконская и др. «Жены сосланных в каторжную работу, — писал о них впоследствии Герцен, — лишались всех гражданских прав, бросали богатство, общественное положение и ехали на целую жизнь неволи в страшный климат Восточной Сибири, под еще страшнейший гнет тамошней полиции».

М.Н. Волконская в читинском остроге.
Художник Н.А. Бестужев. 1828 г.

Создавая свою поэму, Некрасов использовал многочисленные документальные материалы. Он писал свою поэму не как историк, а как публицист: ему важно было установить живую, преемственную связь между декабристским восстанием и революционным движением 1870-х гг.

Критика неоднократно указывала, что Некрасов воспроизвел в своих героинях черты, которые сближали их с передовыми женщинами современной ему эпохи. «...Героини его, — писал А.М. Скабичевский, — мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время». Сказав о княгине Трубецкой:

Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах... —

Некрасов приписал ей взгляды демократов-семидесятников. Образы некрасовских героинь были особенно близки револю-

ционной молодежи того времени, которая не могла не соотносить их со своими настроениями, делами и задачами.

«Княгиню Трубецкую» Некрасов написал очень быстро. Всю зиму 1871 г. поэт энергично собирал материалы, а летом уехал работать в Карабику. Друзья прислали ему туда материалы для «Трубецкой»... 8 июля Некрасов сообщал о намерении закончить поэму о Трубецкой к 1 августа, но уже 23 июля были написаны последние строки, судя по дате на автографе.

Для вас, любознательные

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая (1800—1854) — урожденная графиня Лаваль. Ее муж — князь Сергей Петрович Трубецкой (1790—1860), полковник лейб-гвардии Преображенского полка; за участие в заговоре декабристов был приговорен к бессрочным каторжным работам. В 1826 г. Трубецкая последовала за сосланным мужем в Сибирь, где и умерла в 1854 г.

Знакомый с бурями француз, столичный куафёр... — очевидно, свидетель событий французской революции 1789—1794 гг. *Куафёр* — парикмахер.

Княгиня Мария Николаевна Волконская (1805—1863) — дочь известного героя Отечественной войны генерала Н.Н. Раевского.

С.Г. Волконский и М.Н. Волконская в сибирской ссылке.
Дагеротипы А. Давиньона. Фрагменты. Иркутск (с. Урик). 1845 г.

В 1825 г. вышла замуж за Сергея Григорьевича Волконского (1788—1865).

В 1856 г. был объявлен манифест об амнистии сосланным в Сибирь декабристам. С любовью встречало передовое русское общество вернувшихся из ссылки изгнанников. В Москве очень тепло принимали престарелого декабриста Сергея Григорьевича Волконского. И когда в конце 1865 г. Волконский умер, герценовский «Колокол» откликнулся некрологом, где говорилось: «Мир праху твоему, благородная, почтенная жертва гнусного самодержавия, из любви к отечеству променявший генеральские эполеты на кандалы каторжника...»

По К.И. Чуковскому

Вопросы и задания

?

- 1*. В главе «Княгиня Трубецкая» переплетаются два плана: эпический и лирический. Приведите примеры эпического и лирического планов.
2. Тема русской женщины была одной из основных в творчестве Н.А. Некрасова. Назовите произведения поэта, в которых звучит эта тема.
3. Какие исторические события послужили основой для создания поэмы «Русские женщины»?
4. К.И. Чуковский считает, что «Русские женщины» Некрасова были обращены не только к прошлому — событиям 1825—1826 гг., но и к настоящему — мыслям, настроениям демократов-семидесятников. Согласны ли вы с этим суждением? Свой ответ аргументируйте.
5. В центре второй части — моральный поединок княгини Трубецкой и генерал-губернатора. Каждый из персонажей в этом поединке решает свою главную задачу: княгиня — быстрее добраться до места ссылки мужа; губернатор — не допустить этого. Приведите аргументы героев поэмы, а затем сформулируйте вывод об их характерах.
6. Запишите синонимы к данным словосочетаниям: *рвать сердце; отпустить с миром; сталью одеть грудь; счастливые грезы.*

7. Внимательно вчитайтесь в данный фрагмент:

Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!

Что имеет в виду княгиня Трубецкая, приводя этот довод в ответ на аргументы генерал-губернатора?

8. Определите значение слова *этап* в контексте поэмы Н.А. Некрасова.

Контекст — законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы.

9. Выразительно (по ролям) прочитайте заключительный диалог княгини и генерал-губернатора. Убедительно ли его признание, что он действовал не по своей воле? Чью волю он нарушает? Как, с вашей точки зрения, можно оценить его решение: «Я вас в три дня туда домчу...»?

10. Каким стихотворным размером написана глава «Княгиня Трубецкая»?

Живое слово

1. Есть такой замечательный фильм — «Звезда пленительного счастья». В этом фильме использован сюжет из главы «Княгиня Трубецкая». Представьте, что вы актеры. С помощью каких средств выразительности речи, поведения, эмоционального и психологического состояния вы будете раскрывать свою роль?

Подберите нужные слова для характеристики героев.

2. Напишите небольшое сочинение «Если бы княгиню Трубецкую (генерал-губернатора) довелось играть мне...».

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

В а н я

(в кучерском армячке)

Папаша! кто строил эту дорогу?

П а п а ш а

(в пальто на красной подкладке)

Граф Петр Андреич Клейнмихель,
душенька!

Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно — покой и простор!
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни...
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Все хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю...
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою...

II

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод название ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,
Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие — в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские...
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья слышались грозные,
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные...
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. «В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, Божии ратники,
Мирные дети труда!

Ремонтные работы на железной дороге. Фрагмент.
Художник К.А. Савицкий. 1874 г.

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено...
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки-Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои — мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкой,
Высокорослый больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,
Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Ямою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век...
Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять...
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную...
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет все, что Господь ни пошлет!

Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только — жить в эту пору прекрасную
Уж не придется — ни мне, ни тебе.

III

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул — исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный,—
Ваня сказал,— тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились — и он мне сказал:
«Вот они — нашей дороги строители!...»
Захохотал генерал!

«Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же... все это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ — эти термы и бани,
Чудо искусства — он все растаскал!» —
«Я говорю не для вас, а для Вани...»
Но генерал возражать не давал:

«Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать — разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону...»

IV

«Рад показать!

Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены — немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные
Скрыты в землянках; рабочий народ

Тесной гурьбой у конторы собрался...
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной.
«Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот, поди ты!..» — махнули рукой...

В синем кафтане — почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно...
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
«Ладно... нешто... молодца!.. молодца!..

С Богом, теперь по домам, — проздравляю!
(Шапки долой — коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И — *недоимку дарю!..»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее... Глядь:
С песней десятники бочку катили...
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей — и купчину
С криком «ура» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..»

1864

Иллюстрация к стихотворению.
Художник Г.К. Савицкий. 1921 г.

1. Перед вами цитатный план произведения. Переделайте его в тезисный и подумайте, в чем особенность композиции стихотворения «Железная дорога».

1. «Нет безобразья в природе!»
2. «...Этот царь беспощаден, / Голод название ему».
3. «Слышишь ты пение?..»
4. «Это всё братья твои — мужики!»
5. «Что же... все это народ сотворил?»
6. «Каждый подрядчику должен остался...»
7. «И — недоимку дарю!..»

2. Какие элементы фабулы (завязка, развитие действия, кульминация, развязка) имеются в стихотворении «Железная дорога»?

3. Какой представлена природа в изображении Н.А. Некрасова в первой части стихотворения?

4. Какова роль экспозиции в данном стихотворении? Почему речь идет о гармонии в природе, ее совершенстве?

5. Назовите всех персонажей стихотворения. Кто они? О каких персонажах Некрасов говорит более подробно? Почему?

6. Составьте план ответа для рассказа об одном из строителей железной дороги.

7. В чем суть изображенного автором спора?

8. Определите стихотворный размер «Железной дороги».

9*. В стихотворении имеется несколько случаев синтаксического переноса. Постарайтесь найти их. Объясните, чего достигает Некрасов, используя это средство художественной выразительности.

Какие еще выразительные средства художественной речи имеются в стихотворении? Назовите их и приведите по одному примеру.

10. Какова главная мысль стихотворения? Есть ли в стихотворении строки, в которых она прямо выражена?

11. Стихотворение заканчивается строками: «Кажется, трудно отгадать картину / Нарисовать, генерал?» Как вы поняли такой финал?

12. Рассмотрите внимательно репродукцию картины художника К.А. Савицкого «Ремонтные работы на железной дороге». В чем вы видите близость стихотворения и художественного полотна?

После уроков

1. Подготовьте для литературной викторины два-три вопроса по теме «Н.А. Некрасов. Жизнь и творчество».

2. Многие художники-передвижники создавали картины по мотивам произведений Н.А. Некрасова. Подготовьте и проведите час эстетического воспитания «Н.А. Некрасов и передвижники». Отдельно рассмотрите историю создания И.Е. Репным картины «Бурлаки на Волге».

3. Подготовьте материалы для историко-литературного вечера «Сибирскими дорогами декабристок». Инсценируйте отрывок из поэмы Н.А. Некрасова. Если будет возможность, посмотрите на вечере кинофильм «Звезда пленительного счастья».

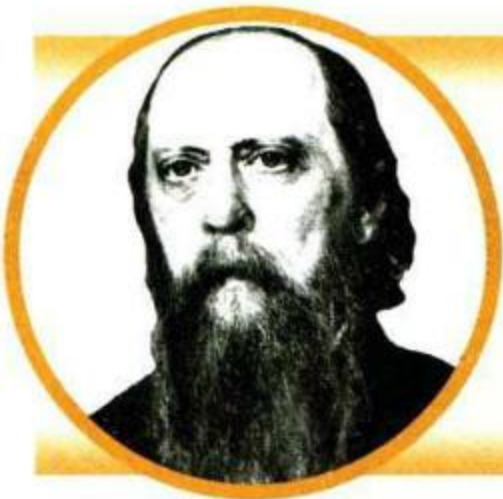

Советуем прочитать

1. Розанова Л.А. О творчестве Н.А. Некрасова. — М., 1988.

2. Скотов Н.Н. «Я лиру посвятил народу своему». — М., 1985.

МИХАИЛ
ЕВГРАФОВИЧ
САЛТЫКОВ-
ЩЕДРИН
1826—1889

Когда читаешь или слышишь слово «сказка», на тебя веет чем-то добрым и совершенно удивительным, ибо это слышано с самого раннего детства. И что бы там ни случилось, ты знаешь: в сказке все обязательно закончится хорошо.

Совсем иное ощущение возникнет у тебя, когда прочитаешь «Сказки» М.Е. Салтыкова-Щедрина: чувство боли и тревоги будет перемежаться с чувством недоумения и горечи. И даже смех, кажется, будет какой-то невеселый — сквозь слезы, что ли.

Сказки писателя скорее похожи на басни, сатирические притчи, где осмеянию подлежат человеческая глупость, пошлость, невежество, жестокость. А сквозь все это так и рвется мысль о защите от несправедливости и угнетения.

Откуда у М.Е. Салтыкова-Щедрина это врожденное сочувствие чужой беде и боли?

Он родился 27 января (по новому стилю) в богатой помещицкой семье в селе Спас-Угол Тверской губернии. Но от радных впечатлений из детства не вынес. Обстановка в доме Салтыковых была суровой и мрачной. Впоследствии писатель так говорил об этом времени: «Крепостное право, тяжелое и грубое в своих формах, сближало меня с подневольной массой... только пережив все его фазисы¹, я мог прийти к полному, сознательному и страстному отрицанию его».

Учился М.Е. Салтыков в лучших, привилегированных учебных заведениях того времени — в Московском дворянском институте и в Царскосельском лицее. Он получил блестящее образование и одновременно изнутри, на себе, постиг,

¹ *Фа́зис* — отдельная стадия, момент в развитии какого-либо явления, процесса.

Дом в имении Спас-Угол, где родился М.Е. Салтыков-Щедрин.
Художник Д. Афанасьев. 1900-е гг.

как готовятся к будущей деятельности, как воспитываются и формируются высокопоставленные сановники¹.

Увлечение литературой пришло к Салтыкову в лицейские годы и лишь усилилось после окончания Лицея.

К каким бы жанрам он ни обращался: повести, рассказу, сказке — всегда в центре была борьба писателя против несправедливости жизни. И самым успешным орудием в его борьбе была сатира.

«Сказки», вышедшие в основном в период 1883—1886 гг., — одно из ярких и наиболее популярных произведений писателя. Он использовал в своих «Сказках» народные приемы создания сатирических образов и характеров: элементы художественного преувеличения, фантастики, иносказания, сближения изображаемых социальных явлений с явлениями животного мира.

Иносказательный язык в его «Сказках» — не случайность. Он прибегал к эзопову языку² вследствие особых обстоятельств государственного устройства России в XIX в. Вот как он сам го-

¹ Сановник — лицо, имеющее высокий чин (сан) в дореволюционной России.

² Эзопов язык — иносказательное, замаскированное выражение мыслей.

М.Е. Салтыков. Фотография. 1850-е гг.

ворил об этом: «Привычке писать иносказательно я обязан дореформенному цензурному ведомству. Оно до такой степени терзало русскую литературу, как будто поклялось стереть ее с лица земли. Но литература упорствовала в желании жить и потому прибегала к обманным средствам. Она и сама преисполнилась рабским духом и заразила тем же духом читателей. С одной стороны, появились аллегории, с другой — искусство понимать эти аллегории, искусство читать между строками. Создалась особенная, рабская манера писать, которая может быть названа Езоповскою, — манера, обнаружившая замечательную изворотливость в изобретении оговорок, недомолвок, иносказаний и прочих обманных средств».

Объектами сатиры М.Е. Салтыкова-Щедрина были высокопоставленные государственные чиновники, беспринципные политики, трусливые журналисты, жестокие помещики, шире — власть, угнетающая народ. Однако и народ, который писатель глубоко любил и искренне защищал, не идеализируется им. Склонность к покорности, отсутствие в ряде случаев чувства собственного достоинства, излишняя доверчивость и послушание также становились предметом его сатиры.

Гротеск — художественный прием в литературе и искусстве, основанный на чрезмерном преувеличении, сочетании неожиданных и резких контрастов, а также произведение литературы или искусства, использующее этот прием. Гротеск близок к фантастике и, как правило, используется в сатирических целях.

Вопросы и задания

1. Составьте цитатный план статьи. Подготовьтесь к рассказу о писателе.
2. Как вы думаете, почему аллегория и гротеск чаще всего используются в сатирических произведениях? Назовите ключевые слова и словосочетания, которые понадобятся вам при ответе.

ДИКИЙ ПОМЕЩИК

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был помещик, жил и на свет глядячи радовался. Всего у него было довольно: и крестьян, и хлеба, и скота, и земли, и садов. И был тот помещик глупый, читал газету «Весть» и тело имел мягкое, белое и рассыпчатое.

Только и взмолился однажды Богу этот помещик:

— Господи! всем я от тебя доволен, всем награжден! Одно только сердцу моему непереносно: очень уж много развелось в нашем царстве мужика!

Но Бог знал, что помещик тот глупый, и прощению его не внял.

Видит помещик, что мужика с каждым днем не убывает, а все прибывает, — видит и опасается: «А ну, как он у меня все добро приест?»

Заглянет помещик в газету «Весть», как в сем случае поступать должно, и прочитает: «Старайся!»

— Одно только слово написано, — молвит глупый помещик, — а золотое это слово!

И начал он стараться, и не то чтоб как-нибудь, а все по правилу. Курица ли крестьянская в господские овсы забредет — сейчас ее, по правилу, в суп; дровец ли крестьянин нарубить, по секрету, в господском лесу соберется — сейчас эти самые дрова на господский двор, а с порубщика, по правилу, штраф.

— Больше я нынче этими штрафами на них действую! — говорит помещик соседям своим. — Потому что для них это понятнее.

Видят мужики: хоть и глупый у них помещик, а разум ему дан большой. Сократил он их так, что некуда носа высунуть: куда ни глянут — все нельзя, да не позволено, да не ваше! Скотинка на водопой выйдет — помещик кричит: «Моя вода!» — курица за околицу выбредет — помещик кричит: «Моя земля!» И земля, и вода, и воздух — все его стало! Лучины не стало мужику в светец зажечь, прута не стало, чем избу вымести. Вот и взмолились крестьяне всем миром к Господу Богу:

— Господи! легче нам пропасть и с детьми с малыми, нежели всю жизнь так маяться!

Услышал милостивый Бог слезную молитву сиротскую, и не стало мужика на всем пространстве владений глупого помещика. Куда девался мужик — никто того не заметил, а только видели люди, как вдруг поднялся мякинный вихрь и, словно туча черная, пронеслись в воздухе посконные мужицкие портки. Вышел помещик на балкон, потянул носом и чувствует: чистый-пречистый во всех его владениях воздух сделался. Натурально, остался доволен. Думает: «Теперь-то я понежу свое тело белое, тело белое, рыхлое, рассыпчатое!»

И начал он жить да поживать и стал думать, чем бы ему свою душу утешить.

«Заведу, думаю, театр у себя! напишу к актеру Садовскому: приезжай, мол, любезный друг! и актерок с собой привози!»

Послушался его актер Садовский: сам приехал и актерок привез. Только видит, что в доме у помещика пусто и ставить театр и занавес поднимать некому.

— Куда же ты крестьян своих девал? — спрашивает Садовский у помещика.

— А вот Бог, по молитве моей, все мои владения от мужика очистил!

— Однако, брат, глупый ты помещик! кто же тебе, глупому, умываться подает?

— Да я уж и то сколько дней невымытый хожу!

— Стало быть, шампиньоны на лице растить собрался? — сказал Садовский и с этим словом и сам уехал, и актерок увез.

Вспомнил помещик, что есть у него поблизости четыре генерала знакомых; думает: «Что это я все гранпасьянс да гранпасьянс раскладываю! Попробую-ко я с генералами впятером пульку-другую сыграть!»

Сказано — сделано; написал приглашения, назначил день и отправил письма по адресу. Генералы были хоть и настоящие, но голодные, а потому очень скоро приехали. Приехали — и не могут надивиться, отчего такой у помещика чистый воздух стал.

— А оттого это, — хвастается помещик, — что Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика очистил!

— Ах, как это хорошо! — хвалят помещика генералы. — Стало быть, теперь у вас этого холопьяго запаху нисколько не будет?

— Нисколько, — отвечает помещик.

Сыграли пульку, сыграли другую; чувствуют генералы, что пришел их час водку пить, приходят в беспокойство, озираются.

— Должно быть, вам, господа генералы, закусить захотелось? — спрашивает помещик.

— Не худо бы, господин помещик!

Встал он из-за стола, подошел к шкапу и вынимает оттуда по леденцу да по печатному прянику на каждого человека.

— Что ж это такое? — спрашивают генералы, вытаращив на него глаза.

— А вот, закусите, чем Бог послал!

— Да нам бы говядинки! говядинки бы нам!

— Ну, говядинки у меня про вас нет, господа генералы, потому что с тех пор, как меня Бог от мужика избавил, и печка на кухне стоит нетоплена!

Рассердились на него генералы, так что даже зубы у них застучали.

— Да ведь жрешь же ты что-нибудь сам-то? — накинулись они на него.

— Сырьем кой-каким питаюсь, да вот пряники еще покуда есть...

— Однако, брат, глупый же ты помещик! — сказали генералы и, не dokonчив пульки, разбрелись по домам.

Видит помещик, что его уж в другой раз дураком чествуют, и хотел было уж задуматься, но так как в это время на глаза попалась колода карт, то махнул на все рукою и начал раскладывать гранпасьянс.

— Посмотрим, — говорит, — господа либералы, кто кого одолеет! Докажу я вам, что может сделать истинная твердость души!

Раскладывает он «дамский каприз» и думает: «Ежели сряду три раза выйдет, стало быть, надо не взирать». И, как назло, сколько раз ни разложит — все у него выходит, все выходит! Не осталось в нем даже сомнения никакого.

— Уж если, — говорит, — сама фортуна указывает, стало быть, надо оставаться твердым до конца. А теперь, покуда, довольно гранпасьянс раскладывать, пойду позаймусь!

И вот ходит он; ходит по комнатам, потом сядет и посидит. И все думает. Думает, какие он машины из Англии выпишет, чтоб все паром да паром, а холопского духу чтоб нисколько не было. Думает, какой он плодовый сад разведет: «Вот тут будут груши, сливы; вот тут — персики, тут — грецкий орех!» Посмотрит в окошко — ан там все, как он задумал, все точно так уж и есть! Ломятся, по щучьему велению, под грузом плодов деревья грушевые, персиковые, абрикосовые, а он только знай фрукты машинами собирает да в рот кладет! Думает, каких он коров разведет, что ни кожи, ни мяса, а все одно молоко, все молоко! Думает, какой он клубники насадит, все двойной да тройной, по пяти ягод на фунт, и сколько он этой клубники в Москве продаст. Наконец устанет думать, пойдет к зеркалу посмотреться — ан там уж пыли на вершок насело...

— Сенька! — крикнет он вдруг, забывшись, но потом спохватится и скажет: — Ну, пускай себе до поры до времени так постоит! а уж докажу же я этим либералам, что может сделать твердость души!

Промаячит таким манером, покуда стемнеет, — и спать!

А во сне сны еще веселее, нежели наяву, снятся. Снится ему, что сам губернатор о такой его помещицкой непреклонности узнал и спрашивает у исправника: «Какой такой твердый курицын сын у вас в уезде завелся?» Потом снится, что его за эту самую непреклонность министром сделали, и ходит он в лентах, и пишет циркуляры: «Быть твердым и не взирать!» Потом снится, что он ходит по берегам Евфрата и Тигра...

— Ева, мой друг! — говорит он.

Но вот и сны все пересмотрел: надо вставать.

— Сенька! — опять кричит он, забывшись, но вдруг вспомнит... и поникнет головою.

— Чем бы, однако, заняться? — спрашивает он себя. — Хоть бы лешего какого-нибудь нелегкая принесла!

И вот по этому его слову вдруг приезжает сам капитан-исправник. Обрадовался ему глупый помещик несказанно; побежал в шкаф, вынул два печатных пряника и думает: «Ну, этот, кажется, останется доволен!»

— Скажите, пожалуйста, господин помещик, каким это чудом все ваши временнообязанные вдруг исчезли? — спрашивает исправник.

— А вот так и так, Бог, по молитве моей, все владения мои от мужика совершенно очистил!

— Так-с; а не известно ли вам, господин помещик, кто подати за них платить будет?

— Подати?... это они! это они сами! это их священнейший долг и обязанность!

— Так-с; а каким манером эту подать с них взыскать можно, коли они, по вашей молитве, по лицу земли рассеяны?

— Уж это... не знаю... я, с своей стороны, платить не согласен!

— А известно ли вам, господин помещик, что казначейство без податей и повинностей, а тем паче без винной и соляной регалий, существовать не может?

— Я что ж... я готов! рюмку водки... я заплачу!

— Да вы знаете ли, что, по милости вашей, у нас на базаре ни куска мяса, ни фунта хлеба купить нельзя? знаете ли вы, чем это пахнет?

— Помилуйте! я, с своей стороны, готов пожертвовать! Вот целых два пряника!

— Глупый же вы, господин помещик! — молвил исправник, повернулся и уехал, не взглянув даже на печатные пряники.

Задумался на этот раз помещик не на шутку. Вот уж третий человек его дураком чествует, третий человек посмотрит-посмотрит на него, плюнет и отойдет. Неужто он в самом деле дурак? неужто та непреклонность, которую он так лелеял в душе своей, в переводе на обыкновенный язык означает только глупость и безумие? и неужто, вследствие одной его непреклонности, остановились и подати и регалии и не стало возможности достать на базаре ни фунта муки, ни куска мяса?

И как был он помещик глупый, то сначала даже фыркнул от удовольствия при мысли, какую он штуку сыграл, но потом вспомнил слова исправника: «А знаете ли, чем это пахнет?» — и струсил не на шутку.

Стал он, по обыкновению, ходить взад да вперед по комнатам и все думает: «Чем же это пахнет? уж не пахнет ли водворением каким? например, Чебоксарами? или, быть может, Варнавинным?»

— Хоть бы в Чебоксары, что ли! по крайней мере, убедился бы мир, что значит твердость души! — говорит помещик, а сам по секрету от себя уж думает: «В Чебоксарах-то я, может быть, мужика бы моего милого увидал!»

Походит помещик, и посидит, и опять походит. К чему ни подойдет, все, кажется, так и говорит: «А глупый ты, господин помещик!» Видит он, бежит через комнату мышонок и крадется к картам, которыми он гранпасьянс делал и достаточно уже замаслил, чтоб возбудить ими мышинный аппетит.

— Кшшш... — бросился он на мышонка.

Но мышонок был умный и понимал, что помещик без Сеньки никакого вреда ему сделать не может. Он только хвостом вильнул в ответ на грозное восклицание помещика и чрез мгновение уже выглядывал на него из-под дивана, как будто говоря: «Погоди, глупый помещик! то ли еще будет! я не только карты, а и халат твой съем, как ты его позамаслишь как следует!»

Много ли, мало ли времени прошло, только видит помещик, что в саду у него дорожки репейником поросли, в кустах змеи да гады всякие кишмя кишат, а в парке звери дикие воют. Однажды к самой усадьбе подошел медведь, сел на корточках, поглядывает в окошки на помещика и облизывается.

— Сенька! — вскрикнул помещик, но вдруг спохватился... и заплакал.

Однако твердость души все еще не покидала его. Несколько раз он ослабевал, но как только почувствует, что сердце у него начнет растворяться, сейчас бросится к газете «Весть» и в одну минуту ожесточится опять.

— Нет, лучше совсем одичаю, лучше пусть буду с дикими зверьми по лесам скитаться, но да не скажет никто, что российский дворянин, князь Урус-Кучум-Кильдибаев, от принцев отступил!

И вот он одичал. Хотя в это время наступила уже осень и морозцы стояли порядочные, но он не чувствовал даже холода.

Иллюстрация к сказке. Художники Кукрыниксы. 1939 г.

Весь он, с головы до ног, оброс волосами, словно древний Исав, а ногти у него сделались как железные. Сморгаться уж он давно перестал, ходил же все больше на четвереньках и даже удивлялся, как он прежде не замечал, что такой способ прогулки есть самый приличный и самый удобный. Утратил даже способность произносить членораздельные звуки и усвоил себе какой-то особенный победный клик, среднее между свистом, шипеньем и рывканьем. Но хвоста еще не приобрел.

Выйдет он в свой парк, в котором он когда-то нежил свое тело рыхлое, белое, рассыпчатое, как кошка, в один миг, взлезет на самую вершину дерева и стережет оттуда. Прибежит это заяц, встанет на задние лапки и прислушивается, нет ли откуда опасности, — а он уж тут как тут. Словно стрела соскочит с дерева, вцепится в свою добычу, разорвет ее ногтями, да так со всеми внутренностями, даже со шкурой, и съест.

И сделался он силен ужасно, до того силен, что даже счел себя вправе войти в дружеские сношения с тем самым медведем, который некогда посматривал на него в окошко.

— Хочешь, Михайло Иваныч, походы вместе на зайцев будем делать? — сказал он медведю.

— Хотеть — отчего не хотеть! — отвечал медведь. — Только, брат, ты напрасно мужика этого уничтожил!

— А почему так?

— А потому, что мужика этого есть не в пример способнее было, нежели вашего брата дворянина. И потому скажу тебе прямо: глупый ты помещик, хоть мне и друг!

Между тем капитан-исправник хоть и покровительствовал помещикам, но ввиду такого факта, как исчезновение с лица земли мужика, смолчать не посмел. Встревожилось его донесением и губернское начальство, пишет к нему: «А как вы думаете, кто теперь подати будет вносить? кто будет вино по кабакам пить? кто будет невинными занятиями заниматься?» Отвечает капитан-исправник: казначейство-де теперь упразднить следует, а невинные-де занятия и сами собой упразднились, вместо же них распространились в уезде грабежи, разбой и убийства. На днях-де и его, исправника, какой-то медведь не медведь, человек не человек едва не задрал, в каковом человеко-медведе и подозревает он того самого глупого помещика, который всей смуте зачинщик.

Обеспокоились начальники и собрали совет. Решили: мужика изловить и водворить, а глупому помещику, который всей смуте зачинщик, наиделикатнейше внушить, дабы он фанфаронства свои прекратил и поступлению в казначейство податей препятствия не чинил.

Как нарочно, в это время чрез губернский город летел отроившийся рой мужиков и осыпал всю базарную площадь. Сейчас эту благодать обрали, посадили в плетушку и послали в уезд.

И вдруг опять запахло в том уезде мякиной и овчинами; но в то же время на базаре появились и мука, и мясо, и живность всякая, а податей в один день поступило столько, что казначей, увидав такую груду денег, только всплеснул руками от удивления и вскрикнул:

— И откуда вы, шельмы, берете!!

«Что же сделалось, однако, с помещиком?» — спросят меня читатели. На это я могу сказать, что хотя и с большим трудом, но и его изловили. Изловивши, сейчас же высморкали,

вымыли и обстригли ногти. Затем капитан-исправник сделал ему надлежащее внушение, отобрал газету «Весть» и, поручив его надзору Сеньки, уехал.

Он жив и доныне. Раскладывает гранпасьянс, тоскует по прежней своей жизни в лесах, умывается лишь по принуждению и по временам мычит.

1869

Вопросы и задания

1. Какие чувства вызвала у вас сказка?
2. Что невероятно и вполне реалистично в сказке «Дикий помещик»?
3. Подготовьте цитатный план сказки.
- 4*. В чем отличия этой сказки от народной? С какой целью писатель-сатирик обращается к жанру сказки?
5. Какие средства помогают М.Е. Салтыкову-Щедрину вызвать «смех сквозь слезы»? Почему, читая щедринские «Сказки», хочется смеяться и одновременно грустить?
6. Литературоведы считают, что в народных сказках повествуется о том, что было, в баснях — о том, что бывает. К какому времени обращены сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина?

ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ОДИН МУЖИК ДВУХ ГЕНЕРАЛОВ ПРОКОРМИЛ

Жили да были два генерала, и так как оба были легкомысленны, то в скором времени, по щучьему велению, по моему хотению, очутились на необитаемом острове.

Служили генералы всю жизнь в какой-то регистратуре; там родились, воспитались и состарились, следовательно, ничего не понимали. Даже слов никаких не знали, кроме: «Примите уверение в совершенном моем почтении и преданности».

Уиразднили регистратуру за ненадобностью и выпустили генералов на волю. Оставшись за штатом, поселились они в Петербурге, в Подьяческой улице, на разных квартирах; имели каждый свою кухарку и получали пенсию. Только вдруг очутились на необитаемом острове, проснулись и видят: оба под одним одеялом лежат. Разумеется, сначала ничего не поняли и стали разговаривать, как будто ничего с ними и не случилось.

— Странный, ваше превосходительство, мне нынче соннился, — сказал один генерал, — вижу, будто живу я на необитаемом острове...

Сказал это, да вдруг как вскочит! Вскочил и другой генерал.

— Господи? да что ж это такое! где мы! — вскрикнули оба не своим голосом.

И стали друг друга ощупывать, точно ли не во сне, а наяву с ними случилась такая оказия. Однако, как ни старались уверить себя, что все это не больше как сновидение, пришлось убедиться в печальной действительности.

Перед ними с одной стороны расстилалось море, с другой стороны лежал небольшой клочок земли, за которым стлалось все то же безграничное море. Заплакали генералы в первый раз после того, как закрыли регистратуру.

Стали они друг друга рассматривать и увидели, что они в ночных рубашках, а на шеях у них висит по ордену.

— Теперь бы кофейку испить хорошо! — молвил один генерал, но вспомнил, какая с ним неслыханная штука случилась, и во второй раз заплакал. — Что же мы будем, однако, делать? — продолжал он сквозь слезы. — Ежели теперича доклад написать — какая польза из этого выйдет?

— Вот что, — отвечал другой генерал, — подите вы, ваше превосходительство, на восток, а я пойду на запад, а к вечеру опять на этом месте сойдемся; может быть, что-нибудь и найдем.

Стали искать, где восток и где запад. Вспомнили, как начальник однажды говорил: «Если хочешь сыскать восток, то встань глазами на север, и в правой руке получишь искомое». Начали искать севера, становились так и сяк, перепробовали все страны света, но так как всю жизнь служили в регистратуре, то ничего не нашли.

— Вот что, ваше превосходительство: вы пойдите направо, а я налево; этак-то лучше будет! — сказал один генерал, кото-

рый, кроме регистратуры, служил еще в школе военных кантонистов учителем каллиграфии и, следовательно, был поумнее.

Сказано — сделано. Пошел один генерал направо и видит — растут деревья, а на деревьях всякие плоды. Хочет генерал достать хоть одно яблоко, да все так высоко висят, что надобно лезть. Попробовал полезть — ничего не вышло, только рубашку изорвал. Пришел генерал к ручью, видит: рыба там, словно в садке на Фонтанке, так и кишит, и кишит.

«Вот кабы этакой-то рыбки да на Подьяческую!» — подумал генерал и даже в лице изменился от аппетита.

Зашел генерал в лес — а там рябчики свищут, тетерева току-ют, зайцы бегают.

— Господи! еды-то! еды-то! — сказал генерал, почувствовав, что его уже начинает тошнить.

Иллюстрация к сказке. Художники Кукрыниксы

Делать нечего, пришлось возвращаться на условленное место с пустыми руками. Приходит, а другой генерал уж дожидается.

— Ну что, ваше превосходительство, промыслил что-нибудь?

— Да вот нашел старый номер «Московских ведомостей», и больше ничего!

Легли опять спать генералы, да не спится им натошак. То беспокоит их мысль, кто за них будет пенсию получать, то припоминаются виденные днем плоды, рыбы, рябчики, тетерева, зайцы.

— Кто бы мог думать, ваше превосходительство, что человеческая пища, в первоначальном виде, летает, плавает и на деревьях растет? — сказал один генерал.

— Да, — отвечал другой генерал, — признаться, и я до сих пор думал, что булки в том самом виде родятся, как их утром к кофею подают!

— Стало быть, если, например, кто хочет куропатку съесть, то должен сначала ее изловить, убить, ошипать, изжарить... Только как все это сделать?

— Как все это сделать? — словно эхо, повторил другой генерал.

Замолчали и стали стараться заснуть; но голод решительно отгонял сон. Рябчики, индейки, поросята так и мелькали перед глазами, сочные, слегка подрумяненные, с огурцами, пикулями и другим салатом.

— Теперь я бы, кажется, свой собственный сапог съел! — сказал один генерал.

— Хороши тоже перчатки бывают, когда долго ношены! — вздохнул другой генерал.

Вдруг оба генерала взглянули друг на друга: в глазах их светился зловещий огонь, зубы стучали, из груди вылетало глухое рычание. Они начали медленно подползать друг к другу и в одно мгновение ока остервенились. Полетели клочья, раздался визг и оханье; генерал, который был учителем каллиграфии, откусил у своего товарища орден и немедленно проглотил. Но вид текущей крови как будто образумил их.

— С нами крестная сила! — сказали они оба разом. — Ведь этак мы друг друга съедим! И как мы попали сюда! кто тот злодей, который над нами такую штуку сыграл!

— Надо, ваше превосходительство, каким-нибудь разговором развлечься, а то у нас тут убийство будет! — проговорил один генерал.

— Начинайте! — отвечал другой генерал.

— Как, например, думаете вы, отчего солнце прежде восходит, а потом заходит, а не наоборот?

— Станный вы человек, ваше превосходительство; но ведь и вы прежде встаете, идете в департамент, там пишете, а потом ложитесь спать?

— Но отчего же не допустить такую перестановку: сперва ложусь спать, вижу различные сновидения, а потом встаю?

— Гм... да... А я, признаться, как служил в департаменте, всегда так думал: «Вот теперь утро, а потом будет день, а потом подадут ужинать — и спать пора!»

Но упоминание об ужине обоих повергло в уныние и пресекло разговор в самом начале.

— Слышал я от одного доктора, что человек может долгое время своими собственными соками питаться, — начал опять один генерал.

— Как так?

— Да так-с. Собственные свои соки будто бы производят другие соки, эти, в свою очередь, еще производят соки, и так далее, покуда, наконец, соки совсем не прекратятся...

— Тогда что ж?

— Тогда надобно пищу какую-нибудь принять.

— Тьфу!

Одним словом, о чем ни начинали генералы разговор, он постоянно сводился на воспоминание об еде, и это еще более раздражало аппетит. Положили: разговоры прекратить и, вспомнив о найденном нумере «Московских ведомостей», жадно принялись читать его.

— «Вчера, — читал взволнованным голосом один генерал, — у почтенного начальника нашей древней столицы был парадный обед. Стол сервирован был на сто персон с роскошью изумительною. Дары всех стран назначили себе как бы randevu на этом волшебном празднике. Тут была и «шекснинска стерлядь золотая», и питомец лесов кавказских — фазан, и, столь редкая в нашем севере в феврале месяце, земляника...»

— Тьфу ты, Господи! да неужто ж, ваше превосходительство, не можете найти другого предмета? — воскликнул в отчаянии другой генерал и, взяв у товарища газету, прочел следующее:

— «Из Тулы пишут: вчерашнего числа, по случаю поимки в реке Упе осетра (происшествие, которого не запомнят даже

старожилы, тем более что в осетре был опознан частный пристав Б.), был в здешнем клубе фестиваль. Виновника торжества внесли на громадном деревянном блюде, обложенного огурчиками и держащего в пасти кусок зелени. Доктор П., бывший в тот же день дежурным старшиною, заботливо наблюдал, дабы все гости получили по куску. Подливка была самая разнообразная и даже почти прихотливая...»

— Позвольте, ваше превосходительство, и вы, кажется, не слишком осторожны в выборе чтения! — прервал первый генерал и, взяв, в свою очередь, газету, прочел:

— «Из Вятки пишут: один из здешних старожилов изобрел следующий оригинальный способ приготовления ухи: взяв живого налима, предварительно его высечь; когда же, от огорчения, печень его увеличится...»

Генералы поникли головами. Все, на что бы они ни обратили взоры, — все свидетельствовало об еде. Собственные их мысли злоумышляли против них, ибо как они ни старались отгонять представления о бифштексах, но представления эти пробивали себе путь насильственным образом.

И вдруг генерала, который был учителем каллиграфии, озаорило вдохновение...

— А что, ваше превосходительство, — сказал он радостно, — если бы нам найти мужика?

— То есть как же... мужика?

— Ну, да, простого мужика... какие обыкновенно бывают мужики! Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы!

— Гм... мужика... но где же его взять, этого мужика, когда его нет?

— Как нет мужика — мужик везде есть, стоит только поискать его! Наверное, он где-нибудь спрятался, от работы отлынивает!

Мысль эта до того ободрила генералов, что они вскочили как встрепанные и пустились отыскивать мужика.

Долго они бродили по острову без всякого успеха, но наконец острый запах мякинного хлеба и кислой овчины навел их на след. Под деревом, брюхом кверху и подложив под голову кулак, спал громаднейший мужичина и самым нахальным образом уклонялся от работы. Негодованию генералов предела не было.

— Спишь, лежебок! — накинулись они на него. — Небось и ухом не ведешь, что тут два генерала вторые сутки с голода умирают! сейчас марш работать!

Встал мужичина; видит, что генералы строгие. Хотел было дать от них стречка, но они так и закоченели, вцепившись в него.

И зачал он перед ними действовать. Полез сперва-наперво на дерево и нарвал генералам по десятку самых спелых яблоков, а себе взял одно, кислое. Потом покопался в земле — и добыл оттуда картофелю; потом взял два куска дерева, потер их друг об дружку — и извлек огонь. Потом из собственных волос сделал силок и поймал рябчика. Наконец, развел огонь и напек столько разной провизии, что генералам пришло даже на мысль: «Не дать ли и тунеядцу частичку?»

Смотрели генералы на эти мужицкие старания, и сердца у них весело играли. Они уже забыли, что вчера чуть не умерли с голоду, а думали: «Вот как оно хорошо быть генералами — нигде не пропадешь!»

— Довольны ли вы, господа генералы? — спрашивал между тем мужичина-лежебок.

— Довольны, любезный друг, видим твое усердие! — отвечали генералы.

— Не позволите ли теперь отдохнуть?

— Отдохни, дружок, только своей прежде веревочку.

Набрал сейчас мужичина дикой конопли, размочил в воде, поколотил, помял — и к вечеру веревка была готова. Этою веревкою генералы привязали мужичину к дереву, чтоб не убежал, а сами легли спать.

Прошел день, прошел другой; мужичина до того изловчился, что стал даже в пригоршне суп варить. Сделались наши генералы веселые, рыхлые, сытые, белые. Стали говорить, что вот они здесь на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние все накапливаются да накапливаются.

— А как вы думаете, ваше превосходительство, в самом ли деле было вавилонское столпотворение, или это только так, одно иносказание? — говорит, бывало, один генерал другому, позавтракавши.

— Думаю, ваше превосходительство, что было в самом деле, потому что иначе как же объяснить, что на свете существуют разные языки!

— Стало быть, и потоп был?

— И потоп был, потому что, в противном случае, как же было бы объяснить существование допотопных зверей? Тем более что в «Московских ведомостях» повествуют...

— А не почитать ли нам «Московских ведомостей»?

Сыщут нумер, усядутся под тенью, прочтут от доски до доски, как ели в Москве, ели в Туле, ели в Пензе, ели в Рязани — и ничего, не тошнит!

Долго ли, коротко ли, однако генералы соскучились. Чаще и чаще стали они припоминать об оставленных ими в Петербурге кухарках и втихомолку даже поплакивали.

— Что-то теперь делается в Подьяческой, ваше превосходительство? — спрашивал один генерал другого.

— И не говорите, ваше превосходительство! Все сердце изныло! — отвечал другой генерал.

— Хорошо-то оно хорошо здесь — слова нет! а все, знаете, как-то неловко барашку без ярочки! да и мундира тоже жалко!

— Еще как жалко-то! Особливо, как четвертого класса, так на одно шитье посмотреть, голова закружится!

И начали они нудить мужика: представь да представь их в Подьяческую! И что ж! оказалось, что мужик знает даже Подьяческую, что он там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало!

— А ведь мы с Подьяческой генералы! — обрадовались генералы.

— А я, коли видели: висит человек снаружи дома, в ящике на веревке, и стену краской мажет или по крыше словно муха ходит — это он самый я и есть! — отвечал мужик.

И начал мужик на бобах разводить, как бы ему своих генералов порадовать за то, что они его, тунеядца, баловали и мужицким его трудом не гнушались! И выстроил он корабль — не корабль, а такую посудину, чтоб можно было океан-море переплыть вплоть до самой Подьяческой.

— Ты смотри, однако, каналья, не утопи нас! — сказали генералы, увидев покачивавшуюся на волнах ладью.

— Будьте покойны, господа генералы, не впервой! — отвечал мужик и стал готовиться к отъезду.

Набрал мужик пуху лебяжьего мягкого и устлал им дно лодочки. Устлавши, уложил на дно генералов и, перекрестившись, поплыл. Сколько набрались страху генералы во время пути от бурь да от ветров разных, сколько они ругали мужичину за его

тунеядство — этого ни пером описать, ни в сказке сказать. А мужик все гребет да гребет да кормит генералов селедками.

Вот наконец и Нева-матушка, вот и Екатерининский славный канал, вот и Большая Подъяческая! Всплеснули кухарки руками, увидевши, какие у них генералы стали сытые, белые да веселые! Напились генералы кофею, наелись сдобных булок и надели мундиры. Поехали они в казначейство, и сколько тут денег загребли — того ни в сказке сказать, ни пером описать!

Однако и об мужике не забыли; выслали ему рюмку водки да пятак серебра: веселись, мужичина!

1869

Вопросы и задания

1. Найдите в тексте сказки и зачитайте фрагменты, в которых дается описание внешности генералов. Что оно привносит в текст?
2. Что говорит автор о занятиях героев?
3. Имеются ли в сказке сведения о том, за какие деяния был получен героями чин генерала?
4. Генералы совершенно не приспособлены к жизни, не могут позаботиться о себе, не могут даже бороться за свое спасение. Что же они могут? Какой ответ на этот вопрос дан в сказке?
5. Охарактеризуйте речь генералов. Какая лексика для них наиболее употребительна? Выпишите по 1—2 примера.
6. Как относятся к мужику генералы? А он к ним?
7. Обратите внимание на авторское отношение к мужику. Оно проявляется в описании того, как мужик воспринимает приказания генералов. Как он их воспринимает: спокойно, с раздражением, неохотно, с восторгом, как должное? Выберите нужное слово и объясните, почему именно так.
8. Чем отличен портрет мужика от изображения генералов? Приведите примеры, дающие представление о его внешности. Какие качества в характере и личности мужика особо выделяет М.Е. Салтыков-Щедрин?
9. Как мужик выполнил приказания генералов?

10. Что высмеивает сатирик в мужике? Какой это смех — веселый, грустный, злой? Аргументируйте свой ответ.

11. Какие качества персонажей подчеркнуты в иллюстрациях художников Кукрыниксов?

Живое слово

1. Составьте словесный портрет мужика из «Повести о том, как один мужик двух генералов прокормил».

2. Напишите сочинение-миниатюру на тему «Нужна ли сатира сегодня?».

Пофантазируем

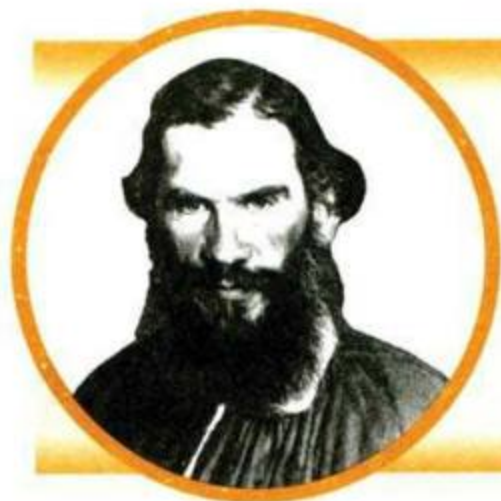
Нарисуйте портрет одного из генералов. Предварительно определите, какой литературный прием лежит в основе изображения характера. Это поможет вам точнее выполнить задание. Сопоставьте свой рисунок с работой товарища. Есть ли в ваших рисунках принципиальная разница? Если нет, то почему? Если есть, то в чем она?

Советуем прочитать

Турков А.М. «Ваш суровый друг...»: Повесть о Салтыкове-Щедрине. — М., 1988.

**ЛЕВ
НИКОЛАЕВИЧ
ТОЛСТОЙ**
1828—1910

К истории Отечества, к дням испытаний и побед Л.Н. Толстой обращался в своем творчестве неоднократно. Более всего его волновали не сами по себе военные события, хотя описанию их уделял он немало времени. Главное — люди, участники этих событий.

В своих произведениях и дневниках офицер Л.Н. Толстой не раз ставит вопрос о том, что можно считать храбростью и кто действительно храбр, и всегда отвечает определенно: храбр тот, кто при любых обстоятельствах исполняет свой долг. Не бояться смерти — не значит быть храбрым, потому что нет на свете человека, который бы не боялся смерти; зато есть много таких, которые говорят, что они не боятся, и хвастают этим. Истинно храбрые люди — солдаты — на вопрос: «Ты разве боишься?» — часто отвечают у Толстого утвердительно. Солдаты не считают постыдным или унижительным наклонить голову при летящей бомбе или лечь на землю, когда разрывается граната; но те же солдаты, не задумываясь, идут в адский огонь, когда это нужно. Вот она, истинная храбрость, без ложного стыда и стремления к славе.

Особое значение в жизни Толстого имеет его участие в севастопольских событиях Крымской войны. В Севастополь Толстой прибыл в ноябре 1854 г. и оставался здесь вплоть до конца осады. В мае 1855-го он назначен был командиром горного дивизиона и принимал активное участие в неудачной для русских битве при Черной речке (11 августа).

Узнав о поражении Крымской армии под Инкерманом, он записывает в своем дневнике: «Дело предательское, возмути-

Обстрел Севастополя турецко-англо-французским флотом
5 октября 1854 г. Литография В.Ф. Тимма

тельное... Ужасное убийство. Оно ляжет на душе многих!» И вместе с тем Толстой уверен в силе духа русского солдата и здесь же в дневнике продолжает: «Велика моральная сила русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьется в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к Отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы».

Поражение под Инкерманом не было решающим. Все должен был решить Севастополь. Оборона города длилась почти год. Первой бомбардировке город подвергся 5 октября 1854 г.

Толстой увидел мужественное спокойствие севастопольцев, почувствовал их огромную моральную силу. Он был потрясен и воодушевлен этим. Все впечатления и переживания молодого офицера нашли отражение в его рассказе «Севастополь в декабре месяце».

Написанное Толстым нужно было людям не менее его активного участия в боевых событиях. Вот что говорит о нем один из его севастопольских сослуживцев: «Толстой своими рассказами и наскоро набросанными куплетами одушевлял всех и каждого в трудные минуты боевой жизни. Он был в пол-

Л.Н. Толстой. Дагеротип. 1854 г.

ном смысле душой нашего общества. Толстой с нами — и мы не видим, как летит время, и нет конца общему веселью; нет графа, укатил в Симферополь — и все носы повесили... Это был редкий товарищ, честнейшая душа, и забыть его решительно невозможно».

Вопросы и задания

1. Расскажите об отношении Л.Н. Толстого к таким проявлениям человеческого духа, как храбрость, чувство долга, истинный героизм.
2. Подготовьте сообщение об источниках для рассказа Л.Н. Толстого «Севастополь в декабре месяце».
3. Какое значение для защитников Севастополя имели строки писателя?

СЕВАСТОПОЛЬ В ДЕКАБРЕ МЕСЯЦЕ

Утренняя заря только что начинает окрашивать небосклон над Сапун-горою; темно-синяя поверхность моря сбросила с себя уже сумрак ночи и ждет первого луча, чтобы заиграть веселым блеском; с бухты несет холодом и туманом; снега нет — все черно, но утренний резкий мороз хватает за лицо и трещит под ногами, и далекий неумолкаемый гул моря, изредка прерываемый раскатистыми выстрелами в Севастополе, один нарушает тишину утра. На кораблях глухо бьет восьмая склянка.

На Северной денная деятельность понемногу начинает заменять спокойствие ночи: где прошла смена часовых, побрякивая ружьями; где доктор уже спешит к госпиталю; где солдатик вылез из землянки, моет оледенелой водой загорелое лицо и, оборотясь на зардевшийся восток, быстро крестясь, молится Богу; где высокая тяжелая *маджара* на верблюдах со скрипом протащилась на кладбище хоронить окровавленных покойников, которыми она чуть не доверху наложена... Вы подходите к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас; тысячи разнородных предметов — дрова, мясо, туры, мука, железо и т.п. — кучей лежат около пристани; солдаты разных полков, с мешками и ружьями, без мешков и без ружей, толпятся тут, курят, бранятся, перетаскивают тяжести на пароход, который, дымясь, стоит около помоста; вольные ялики, наполненные всякого рода народом — солдатами, моряками, купцами, женщинами, — причаливают и отчаливают от пристани.

— На Графскую, ваше благородие? Пожалуйте, — предлагают вам свои услуги два или три отставных матроса, вставая из яликов.

Вы выбираете тот, который к вам поближе, шагаете через полусгнивший труп какой-то гнедой лошади, которая тут в грязи лежит около лодки, и проходите к рулю. Вы отчалили от берега. Кругом вас блестящее уже на утреннем солнце море, впереди — старый матрос в верблюжьем пальто и молодой белоголовый мальчик, которые молча усердно работают веслами. Вы смотрите

и на полосатые громады кораблей, близко и далеко рассыпанных по бухте, и на черные небольшие точки шлюпок, движущихся по блестящей лазури, и на красивые светлые строения города, окрашенные розовыми лучами утреннего солнца, виднеющиеся на той стороне, и на пенящуюся белую линию бона и затопленных кораблей, от которых кой-где грустно торчат черные концы мачт, и на далекий неприятельский флот, маячащий на хрустальном горизонте моря, и на пенящиеся струи, в которых прыгают соляные пузырьки, поднимаемые веслами; вы слушаете равномерные звуки ударов весел, звуки голосов, по воде долетающих до вас, и величественные звуки стрельбы, которая, как вам кажется, усиливается в Севастополе.

Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникли в душу вашу чувства какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...

— Ваше благородие! прямо под Кистентина¹ держите, — скажет вам старик матрос, оборотясь назад, чтобы поверить направление, которое вы даете лодке, — вправо руля.

— А на нем пушки-то еще все, — заметит беловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

— А то как же: он новый, на нем Корнилов жил, — заметит старик, тоже взглядывая на корабль.

— Вишь ты, где разорвало! — скажет мальчик после долгого молчания, взглядывая на белое облачко расходящегося дыма, вдруг появившегося высоко над Южной бухтой и сопровождаемого резким звуком разрыва бомбы.

— Это *он* с новой батареи нынче палит, — прибавит старик, равнодушно поплеывая на руку. — Ну, навались, Мишка, баркас перегоним. — И ваш ялик быстрее подвигается вперед по широкой зыби бухты, действительно перегоняет тяжелый баркас, на котором навалены какие-то кули и неровно гребут неловкие солдаты, и пристаёт между множеством причаленных всякого рода лодок к Графской пристани.

На набережной шумно шевелятся толпы серых солдат, черных матросов и пестрых женщин. Бабы продают булки, русские мужики с самоварами кричат: *сбитень горячий*, и тут же на первых ступенях валяются заржавевшие ядра, бомбы, картечи и чугунные пушки разных калибров. Немного далее боль-

¹ Корабль «Константин». (Примеч. авт.)

шая площадь, на которой валяются какие-то огромные брусья, пушечные станки, спящие солдаты; стоят лошади, повозки, зеленые орудия и ящики, пехотные кóзлы; двигаются солдаты, матросы, офицеры, женщины, дети, купцы; ездят телеги с сеном, с кулями и с бочками; кой-где проедут казак и офицер верхом, генерал на дрожках. Направо улица загорожена баррикадой, на которой в амбразурах стоят какие-то маленькие пушки, и около них сидит матрос, покуривая трубочку. Налево красивый дом с римскими цифрами на фронте, под которым стоят солдаты и окровавленные носилки, — везде вы видите неприятные следы военного лагеря. Первое впечатление ваше непременно самое неприятное: странное смешение лагерной и городской жизни, красивого города и грязного бивуака не только не красиво, но кажется отвратительным беспорядком; вам даже покажется, что все перепуганы, суетятся, не знают, что делать. Но взгляните ближе в лица этих людей, движущихся вокруг вас, и вы поймете совсем другое. Посмотрите хоть на этого фурашского солдатику, который ведет поить какую-то гнедую тройку и так спокойно мурлыкает себе что-то под нос, что, очевидно, он не заблудится в этой разнородной толпе, которой для него и не существует, но что он исполняет свое дело, какое бы оно ни было — поить лошадей или таскать орудия, — так же спокойно, и самоуверенно, и равнодушно, как бы все это происходило где-нибудь в Туле или в Саранске. То же выражение читаете вы и на лице этого офицера, который в безукоризненно белых перчатках проходит мимо, и в лице матроса, который курит, сидя на баррикаде, и в лице рабочих солдат, с носилками ожидающих на крыльце бывшего Собрания, и в лице этой девицы, которая, боясь замочить свое розовое платье, по камешкам перепрыгивает через улицу.

Да! вам непременно предстоит разочарование, ежели вы в первый раз въезжаете в Севастополь. Напрасно вы будете искать хоть на одном лице следов суетливости, растерянности или даже энтузиазма, готовности к смерти, решимости, — ничего этого нет: вы видите будничных людей, спокойно занятых будничным делом, так что, может быть, вы упрекнете себя в излишней восторженности, усомнитесь немного в справедливости понятия о героизме защитников Севастополя, которое составилось в вас по рассказам, описаниям и вида и звуков с Северной стороны. Но прежде чем сомневаться, сходите на бастионы, посмотрите

Портреты героев-
севастопольцев
и другие иллюстрации
к рассказу —
художник А.В. Кокорин

защитников Севастополя на самом месте защиты или, лучше, зайдите прямо напротив в этот дом, бывший прежде Севастопольским собранием и на крыльце которого стоят солдаты с носилками, — вы увидите там защитников Севастополя, увидите там ужасные и грустные, великие и забавные, но изумительные, возвышающие душу зрелища.

Вы входите в большую залу Собрания. Только что вы открыли дверь, вид и запах сорока или пятидесяти ампутационных и самых тяжело раненных больных, одних на койках, большей частью на полу, вдруг поражает вас. Не верьте чувству, которое удерживает вас на пороге залы, — это дурное чувство, — идите вперед, не стыдитесь того, что вы как будто пришли *смотреть* на страдальцев, не стыдитесь подойти и поговорить с ними: несчастные любят видеть человеческое сочувствующее лицо, любят рассказать про свои страдания и услышать слова любви и участия. Вы проходите посредине постелей и ищете лицо менее строгое и страдающее, к которому вы решитесь подойти, чтобы побеседовать.

— Ты куда ранен? — спрашиваете вы нерешительно и робко у одного старого исхудалого солдата, который, сидя на койке, следит за вами добродушным взглядом и как будто приглашает подойти к себе. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страдания, кроме глубокого сочувствия, внушают почему-то страх оскорбить и высокое уважение к тому, кто перенесет их.

— В ногу, — отвечает солдат; но в это самое время вы сами замечаете по складкам одеяла, что у него ноги нет выше колена. — Слава Богу теперь, — прибавляет он, — на выписку хочу.

— А давно ты уже ранен?

— Да вот шестая неделя пошла, ваше благородие!

— Что же, болит у тебя теперь?

— Нет, теперь не болит, ничего; только как будто в икре ноет, когда непогода, а то ничего.

— Как же ты это был ранен?

— На пятом баксионе, ваше благородие, как первая бандировка была: навел пушку, стал отходить, этаким манером, к другой амбразуре, как *он* ударит меня по ноге, ровно как в яму оступился. Глядь, а ноги нет.

— Неужели больно не было в эту первую минуту?

— Ничего; только как горячим чем меня пхнули в ногу.

— Ну, а потом?

— И потом ничего; только как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, *не думать много*: как не думаешь, оно тебе и ничего. Все больше оттого, что думает человек.

В это время к вам подходит женщина в сереньком полосатом платье и повязанная черным платком; она вмешивается в ваш разговор с матросом и начинает рассказывать про него, про его страдания, про отчаянное положение, в котором он был четыре недели, про то, как, бывши ранен, остановил носилки, с тем чтобы посмотреть на залп нашей батареи, как великие князья говорили с ним и пожаловали ему двадцать пять рублей и как он сказал им, что он опять хочет на бастион, с тем чтобы учить молодых, ежели уже сам работать не может. Говоря все это одним духом, женщина эта смотрит то на вас, то на матроса, который, отвернувшись и как будто ее слушая, щиплет у себя на подушке корпию, и глаза ее блестят каким-то особенным восторгом.

— Это хозяйка моя, ваше благородие! — замечает вам матрос с таким выражением, как будто говорит: «Уж вы ее извините. Известно, бабье дело — глупые слова говорить».

Вы начинаете понимать защитников Севастополя; вам становится почему-то совестно за самого себя перед этим человеком. Вам хотелось бы сказать ему слишком много, чтобы выразить ему свое сочувствие и удивление; но вы не находите слов или недовольны теми, которые приходят вам в голову, — и вы молча склоняетесь перед этим молчаливым, бессознательным величием и твердостью духа, этой стыдливостью перед собственным достоинством.

— Ну, дай Бог тебе поскорее поправиться, — говорите вы ему и останавливаетесь перед другим больным, который лежит на полу и, как кажется, в нестерпимых страданиях ожидает смерти.

Это белокурый, с пухлым и бледным лицом человек. Он лежит навзничь, закинув назад левую руку, в положении, выражающем жестокое страдание. Сухой открытый рот с трудом выпускает хрипящее дыхание; голубые оловянные глаза закатаны кверху, и из-под сбившегося одеяла высунут остаток правой руки, обернутый бинтами. Тяжелый запах мертвого тела сильнее поражает вас, и пожирающий внутренний жар, проникающий все члены страдальца, проникает как будто и вас.

— Что, он без памяти? — спрашиваете вы у женщины, которая идет за вами и ласково, как на родного, смотрит на вас.

— Нет, еще слышит, да уж очень плох, — прибавляет она шепотом. — Я его нынче чаем поила — что ж, хоть и чужой, все надо жалость иметь, — так уж не пил почти.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваете вы его.

Раненый поворачивает зрачки на ваш голос, но не видит и не понимает вас.

— У сердце гхорить.

Немного далее вы видите старого солдата, который переменяет белье. Лицо и тело его какого-то коричневого цвета и худы, как скелет. Руки у него совсем нет: она вылучена в плече. Он сидит бодро, он поправился; но по мертвому, тусклому взгляду, по ужасной худобе и морщинам лица вы видите, что это существо, уже выстрадавшее лучшую часть своей жизни.

С другой стороны вы увидите на койке страдальческое, бледное и нежное лицо женщины, на котором играет во всю щеку горячечный румянец.

— Это нашу матроску пятого числа в ногу задело бомбой, — скажет вам ваша путеводительница, — она мужу на бастион обедать носила.

— Что ж, отрезали?

— Выше колена отрезали.

Теперь, ежели нервы ваши крепки, пройдите в дверь налево: в той комнате делают перевязки и операции. Вы увидите там докторов с окровавленными по локти руками и бледными угрюмыми физиономиями, занятых около койки, на которой,

с открытыми глазами и говоря, как в бреду, бессмысленные, иногда простые и трогательные слова, лежит раненый под влиянием хлороформа. Доктора заняты отвратительным, но благотворным делом ампутаций. Вы увидите, как острый кривой нож входит в белое здоровое тело; увидите, как с ужасным, раздирающим криком и проклятиями раненый вдруг приходит в чувство; увидите, как фельдшер бросит в угол отрезанную руку; увидите, как на носилках лежит, в той же комнате, другой раненый и, глядя на операцию товарища, корчится и стонет не столько от физической боли, сколько от моральных страданий ожидания, — увидите ужасные, потрясающие душу зрелища; увидите войну не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а увидите войну в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...

Выходя из этого дома страданий, вы непременно испытаете отрадное чувство, полнее вдохнете в себя свежий воздух, почувствуете удовольствие в сознании своего здоровья, но вместе с тем в созерцании этих страданий почерпнете сознание своего ничтожества и спокойно, без нерешимости пойдете на бастионы...

«Что значат смерть и страдания такого ничтожного червяка, как я, в сравнении с столькими смертями и столькими страданиями?» Но вид чистого неба, блестящего солнца, красивого города, отворенной церкви и движущегося по разным направлениям военного люда скоро приведет ваш дух в нормальное состояние легкомыслия, маленьких забот и увлечения одним настоящим.

Навстречу попадутся вам, может быть, из церкви похороны какого-нибудь офицера, с розовым гробом и музыкой и развевающимися хоругвями; до слуха вашего долетят, может быть, звуки стрельбы с бастионов, но это не наведет вас на прежние мысли; похороны покажутся вам весьма красивым воинственным зрелищем, звуки — весьма красивыми воинственными звуками, и вы не соедините ни с этим зрелищем, ни с этими звуками мысли ясной, перенесенной на себя, о страданиях и смерти, как вы это сделали на перевязочном пункте.

Пройдя церковь и баррикаду, вы войдете в самую оживленную внутреннюю жизнью часть города. С обеих сторон вывески лавок, трактиров. Купцы, женщины в шляпках и платочках, щеголеватые офицеры — все говорит вам о твердости духа, самоуверенности, безопасности жителей.

Зайдите в трактир направо, ежели вы хотите послушать толки моряков и офицеров: там уж, верно, идут рассказы про нынешнюю ночь, про Феньку, про дело двадцать четвертого, про то, как дорого и нехорошо подают котлетки, и про то, как убит тот-то и тот-то товарищ.

— Черт возьми, как нынче у нас плохо! — говорит басом белобрысенький безусый морской офицерик в зеленом вязаном шарфе.

— Где у нас? — спрашивает его другой.

— На четвертом бастионе, — отвечает молоденький офицер, и вы непременно с большим вниманием и даже некоторым уважением посмотрите на белобрысенького офицера при словах: «на четвертом бастионе». Его слишком большая развязность, размахивание руками, громкий смех и голос, казавшиеся вам нахальством, покажутся вам тем особенным бретерским настроением духа, которое приобретают иные очень молодые люди после опасности; но все-таки вы подумаете, что он станет вам рассказывать, как плохо на четвертом бастионе от бомб и пуль: ничуть не бывало! плохо оттого, что грязно. «Пройти на батарею нельзя», — скажет он, показывая на сапоги, выше икор покрытые грязью. «А у меня нынче лучшего комендора убили, прямо в лоб влепило», — скажет другой. «Кого это? Митюхина?» — «Нет... Да что, дадут ли мне телятины? Вот каналы! — прибавит он к трактирному слуге. — Не Митюхина, а Абросимова. Молодец такой — в шести вылазках был».

На другом углу стола, за тарелками котлет с горошком и бутылкой кислого крымского вина, называемого «бордо», сидят два пехотных офицера: один, молодой, с красным воротником и с двумя звездочками на шинели, рассказывает другому, старому, с черным воротником и без звездочек, про альминское дело. Первый уже немного выпил, и по остановкам, которые делают в его рассказе, по нерешительному взгляду, выражающему сомнение в том, что ему верят, и главное, что слишком велика роль, которую он играл во всем этом, и слишком все страшно, заметно, что он сильно отклоняется от строгого повествования истины. Но вам не до этих рассказов, которые вы долго еще будете слушать во всех углах России: вы хотите скорее идти на бастионы, именно на четвертый, про который вам так много и так различно рассказывали. Когда кто-нибудь говорит, что он был на четвертом бастионе, он говорит это с особенным удо-

вольствием и гордостью; когда кто говорит: «Я иду на четвертый бастион», — непременно заметны в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: «Тебя бы поставить на четвертый бастион»; когда встречают носилки и спрашивают: «Откуда?» — большей частью отвечают: «С четвертого бастиона». Вообще же существуют два совершенно различные мнения про этот страшный бастион: тех, которые никогда на нем не были и которые убеждены, что четвертый бастион есть верная могила для каждого, кто пойдет на него, и тех, которые живут на нем, как белобрысенький мичман, и которые, говоря про четвертый бастион, скажут вам, сухо или грязно там, тепло или холодно в землянке и т. д.

В полчаса, которые вы провели в трактире, погода успела перемениться: туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые, скучные, сырые тучи и закрыл солнце; какая-то печальная изморось сыплется сверху и мочит крыши, тротуары и солдатские шинели...

Пройдя еще одну баррикаду, вы выходите из дверей направо и поднимаетесь вверх по большой улице. За этой баррикадой дома по обеим сторонам улицы необитаемы, вывесок нет, двери закрыты досками, окна выбиты, где отбит угол стены, где пробита крыша. Строения кажутся старыми, испытанными всякое горе и нужду ветеранами и как будто гордо и несколько презрительно смотрят на вас. По дороге спотыкаетесь вы на валяющиеся ядра и в ямы с водой, вырытые в каменном грунте бомбами. По улице встречаете вы и обгоняете команды солдат, пластунов, офицеров; изредка встречаются женщина или ребенок, но женщина уже не в шляпке, а матроска в старой шубейке и в солдатских сапогах. Проходя дальше по улице и спустясь под маленький изволок, вы замечаете вокруг себя уже не дома, а какие-то странные груды развалин-камней, досок, глины, бревен; впереди себя на крутой горе видите какое-то черное, грязное пространство, изрытое канавами, и это-то впереди и есть четвертый бастион... Здесь народу встречается еще меньше, женщин совсем не видно, солдаты идут скоро, по дороге попадают капли крови, и непременно встретите тут четырех солдат с носилками и на носилках бледно-желтоватое лицо и окровавленную шинель. Ежели вы спросите: «Куда ранен?» — носильщики сердито, не поворачиваясь к вам, скажут: в ногу

или в руку, ежели он ранен легко; или сурово промолчат, ежели из-за носилок не видно головы и он уже умер или тяжело ранен.

Недалекий свист ядра или бомбы, в то самое время как вы станете подниматься на гору, неприятно поразит вас. Вы вдруг поймете, и совсем иначе, чем понимали прежде, значение тех звуков выстрелов, которые вы слушали в городе. Какое-нибудь тихо-отрадное воспоминание вдруг блеснет в вашем воображении; собственная ваша личность начнет занимать вас больше, чем наблюдения; у вас станет меньше внимания ко всему окружающему, и какое-то неприятное чувство нерешимости вдруг овладеет вами. Несмотря на этот подленький голос при виде опасности, вдруг заговоривший внутри вас, вы, особенно взглянув на солдата, который, размахивая руками и осклизаясь под гору, по жидкой грязи, рысью, со смехом бежит мимо вас, — вы заставляете молчать этот голос, невольно выпрямляете грудь, поднимаете выше голову и карабкаетесь вверх на скользкую глинистую гору. Только что вы немного взобрались в гору, справа и слева вас начинают жужжать штуцерные пули, и вы, может быть, призадумаетесь, не идти ли вам по траншее, которая ведет параллельно с дорогой; но траншея эта наполнена такой жидкой, желтой, вонючей грязью выше колена, что вы непременно выберете дорогу по горе, тем более что вы видите: *все идут по дороге*. Пройдя шагов двести, вы входите в изрытое грязное пространство, окруженное со всех сторон турами, насыпями, погребями, платформами, землянками, на которых стоят большие чугунные орудия и правильными кучами лежат ядра. Все это кажется вам нагроможденным без всякой цели, связи и порядка. Где на батарее сидит кучка матросов, где посередине площадки, до половины потонув в грязи, лежит разбитая пушка, где пехотный солдатик, с ружьем переходящий через батарею и с трудом вытаскивающий ноги из липкой грязи. Но везде, со всех сторон и во всех местах, видите черепки, неразорванные бомбы, ядра, следы лагеря, и все это затопленное в жидкой, вязкой грязи. Как вам кажется, недалеко от себя слышите вы удар ядра, со всех сторон, кажется, слышите различные звуки пуль — жужжащие, как пчела, свистящие, быстрые или визжащие, как струна, — слышите ужасный гул выстрела, потрясающий всех вас и который вам кажется чем-то ужасно страшным.

«Так вот он, четвертый бастион, вот оно, это страшное, действительно ужасное место!» — думаете вы себе, испытывая маленькое чувство гордости и большое чувство подавленного страха. Но разочаруйтесь: это еще не четвертый бастион. Это Язоновский редут — место сравнительно очень безопасное и вовсе не страшное. Чтобы идти на четвертый бастион, возьмите направо, по этой узкой траншее, по которой, нагнувшись, побрел пехотный солдатик. По траншее этой встретите вы, может быть, опять носилки, матроса, солдат с лопатами, увидите проводники мин, землянки в грязи, в которые, согнувшись, могут влезать только два человека, и там увидите пластунов черноморских батальонов, которые там переобучаются, едят, курят трубки, живут, и увидите опять везде ту же вонючую грязь, следы лагеря и брошенный чугун во всевозможных видах. Пройдя еще шагов триста, вы снова выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под бруствером, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытного, с удовольствием покажет вам свое хозяйство и все, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свертывает папиросу из желтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно прохаживается от одной амбразуры к другой, так спокойно, без малейшей аффектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно расспрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам — но только, ежели вы его расспросите, — про бомбардированье пятого числа, расскажет, как на его батарею только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось восемь человек, и как все-таки на другое утро, шестого, *он палил*¹ из всех орудий; расскажет вам, как пятого попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь как в тридцати — сорока саженьях. Одного я боюсь, что под влиянием жужжания пуль, высовываясь из амбразуры, чтобы посмотреть неприятеля,

¹ Моряки все говорят палить, а не стрелять. (Примеч. авт.)

теля, вы ничего не увидите, а ежели увидите, то очень удивитесь, что этот белый каменистый вал, который так близко от вас и на котором вспыхивают белые дымки, этот-то белый вал и есть неприятель — *он*, как говорят солдаты и матросы.

Даже очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. «Послать комендора и прислугу к пушке», — и человек четырнадцать матросов живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, подойдут к пушке и зарядят ее. Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства; но здесь на каждом лице кажется вам, что опасность, злоба и страдания войны, кроме этих главных признаков, проложили еще следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства.

Вдруг ужаснейший, потрясающий не одни ушные органы, но все существо ваше, гул поражает вас так, что вы вздрагиваете всем телом. Вслед за тем вы слышите удаляющийся свист снаряда, и густой пороховой дым застилает вас, платформу и черные фигуры движущихся по ней матросов. По случаю этого нашего выстрела вы услышите различные толки матросов и увидите их одушевление и проявление чувства, которого вы не ожидали видеть, может быть, — это чувство злобы, мщения врагу, которое таится в душе каждого. «В самую *абразуру* попало; кажись, убило двух... вон понесли», — услышите вы радостные восклицания. «А вот он рассерчает: сейчас пустит сюда», — скажет кто-нибудь; и действительно, скоро вслед за этим вы увидите впереди себя молнию, дым; часовой, стоящий на бруствере, крикнет: «Пу-у-шка!» И вслед за этим мимо вас взвизгнет ядро, шлепнется в землю и воронкой взбросит вокруг себя брызги грязи и камни. Батарейный командир рассердится за это ядро, прикажет зарядить другое и третье орудия, неприятель тоже станет отвечать нам, и вы испытаете интересные чувства, услышите и увидите интересные вещи. Часовой опять закричит: «Пушка!» — и вы услышите тот же звук и удар, те же

брызги, или закричит: «Маркела!»¹ — и вы услышите равномерное, довольно приятное и такое, с которым с трудом соединяется мысль об ужасном, посвистывание бомбы, услышите приближающееся к вам и ускоряющееся это посвистывание, потом увидите черный шар, удар о землю, ощутительный, звенящий разрыв бомбы. Со свистом и визгом разлетятся потом осколки, зашуршат в воздухе камни, и забрызгает вас грязью. При этих звуках вы испытаете странное чувство наслаждения и вместе страха. В ту минуту, как снаряд, вы знаете, летит на вас, вам непременно придет в голову, что снаряд этот убьет вас; но чувство самолюбия поддерживает вас, и никто не замечает ножа, который режет вам сердце. Но зато, когда

¹ Мортира. (Примеч. авт.)

снаряд пролетел, не задев вас, вы оживаете, и какое-то отрад-ное, невыразимо приятное чувство, но только на мгновение, овладевает вами, так что вы находите какую-то особенную прелесть в опасности, в этой игре жизнью и смертью; вам хо-чется, чтобы еще и еще поближе упали около вас ядро или бомба. Но вот еще часовой прокричал своим громким, густым голосом: «Маркела!», еще посвистыванье, удар и разрыв бом-бы; но вместе с этим звуком вас поражает стон человека. Вы подходите к раненому, который, в крови и грязи, имеет какой-то странный нечеловеческий вид, в одно время с носилками. У матроса вырвана часть груди. В первые минуты на забрыз-ганном грязью лице его видны один испуг и какое-то прит-ворное преждевременное выражение страдания, свойственное человеку в таком положении; но в то время как ему приносят носилки и он сам на здоровый бок ложится на них, вы замеча-ете, что выражение это сменяется выражением какой-то вос-торженности и высокой, невысказанной мысли: глаза горят яр-че, зубы сжимаются, голова с усилием поднимается выше; и в то время как его поднимают, он останавливает носилки и с трудом, дрожащим голосом говорит товарищам: «Простите, братцы!» — еще хочет сказать что-то, и видно, что хочет сказать что-то трогательное, но повторяет только еще раз: «Простите, братцы!» В это время товарищ-матрос подходит к нему, надева-ет фуражку на голову, которую подставляет ему раненый, и спокойно, равнодушно, размахивая руками, возвращается к своему орудию. «Это вот каждый день этак человек семь или восемь», — говорит вам морской офицер, отвечая на выраже-ние ужаса, выражающегося на вашем лице, зевая и свертывая папиросу из желтой бумаги...

.....

Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внима-ния на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, — идете с спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, — это убеждение в невозможности взять Севастополь, и не толь-ко взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поня-

ли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что, вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого, — любовь к родине. Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нем не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его и все-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — о временах, когда этот герой, достойный древней Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «Умрем, ребята, а не отдадим Севастополя», и наши русские, неспособные к фразерству, отвечали: «Умрем! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом. Вы ясно поймете, вообразите себе тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те тяжелые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти, не за город, а за родину. Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...

Уже вечерет. Солнце перед самым закатом вышло из-за серых туч, покрывающих небо, и вдруг багряным светом осветило лиловые тучи, зеленоватое море, покрытое кораблями и лодками, колыхаемое ровной широкой зыбью, и белые строения города, и народ, движущийся по улицам. По воде разносятся звуки какого-то старинного вальса, который играет полковая музыка на бульваре, и звуки выстрелов с бастионов, которые странно вторят им.

Севастополь. 1855 года, 25 апреля

Л.Н. Толстой в год публикации «Севастопольских рассказов»
в журнале Н.А. Некрасова «Современник».
Фотография С.Л. Левицкого. 1856 г.

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

Рассказ «Севастополь в декабре месяце» написан в апреле 1855 г., когда Толстой сам сражался на самом опасном и прославленном его укреплении — четвертом бастионе. Между атаками, в свободное от боевого дежурства время и писался рассказ.

Современники писателя воспринимали его рассказ не как художественное произведение, а как очерк с места событий. Но это, конечно, высокохудожественный текст, основанный на реальных фактах, личных наблюдениях и переживаниях. Документальное здесь органично сочетается с художественно-обобщенным.

Рассказ «Севастополь в декабре месяце» написан в форме лирического монолога. Писатель выступает в нем от своего имени, но его лирическое «я» предельно обобщено: так он думает, так он видит, так он чувствует; но именно так видят, думают, чувствуют, действуют тысячи участников обороны — сол-

Севастополь. Угол 4-го бастиона,
ближайший к неприятельским позициям.

Литография Д. Россова по рисунку с натуры Н.В. Берга. 1854–1855 гг.

даты, офицеры, горожане, мужчины и женщины. Автора поражают спокойствие, деловитое мужество, бодрость духа защитников города. Толстой изображает войну «в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти...» и вместе с тем дает читателю почувствовать величие простоты и красоты героического духа севастопольцев.

Вопросы и задания

1. В каких эпизодах и деталях запечатлен героизм защитников Севастополя? Дайте название каждому такому эпизоду.
2. Выпишите ключевые слова для обрисовки конкретного участника событий и собирательного образа защитника города.
3. Какие детали помогают писателю показать будничную жизнь сражающегося города (лица людей, звуки, краски и т.д.)? Согласны ли вы с тем, что картина построена на контрасте? Докажите это текстом.

4. Перечитайте описание утра в начале рассказа и сопоставьте его с пейзажем в финале. Какое настроение создает описание природы?

5. Почему картина сражающегося города открывается не батальной сценой, а эпизодом в госпитале? Найдите слова Толстого, в которых звучит прямая авторская оценка «войны в настоящем ее выражении...»

6. Чем гордится офицер Л.Н. Толстой, рассказывая о жизни русского солдата?

7. Как вы объясните роль использованных Толстым приемов: 1) он не дает имен своим героям; 2) обращается к читателю напрямую: «Вы подходите к пристани...», «Вы смотрите на полосатые громады кораблей...» и т. д.; 3) ведет повествование рассказчик, сам являющийся участником событий?

8. Подтвердите текстом мысль Толстого о ратном подвиге русского солдата и офицера: «...исполняет свое дело, какое бы оно ни было». Для этого перечитайте эпизоды: а) «В госпитале»; б) «На четвертом бастионе». Воспользуйтесь планом:

портрет героя;

участие в обороне Севастополя;

отношение к нему автора.

9. На с. 327 воспроизведены портреты героев-севастопольцев. Какие качества присущи каждому герою? Как эта общность подчеркнута в портретах?

Живое слово

Составьте рассказ очевидца (солдата, офицера, сестры милосердия) обороны Севастополя в форме письма с фронта.

После уроков

Проведите конкурс на лучший вопрос к рассказу «Севастополь в декабре месяце».

НИКОЛАЙ
СЕМЕНОВИЧ
ЛЕСКОВ

1831—1895

АВТОБИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМЕТКА (Фрагмент)

По происхождению я принадлежу к потомственному дворянству Орловской губернии, но дворянство наше, молодое и незначительное, приобретено моим отцом по чину коллежского асессора¹. Род наш собственно происходит из духовенства, и тут за ним есть своего рода почетная линия. Мой дед, священник Димитрий Лесков, и его отец, дед и прадед, все были священниками в селе Лесках, которое находится в Карачевском или Трубчевском уезде Орловской губернии. От этого села «Лески» и вышла наша родовая фамилия — Лесковы.

Отец мой, Семен Дмитриевич Лесков, «не пошел в попы», а пресек свою духовную карьеру тотчас же по окончании курса наук в Севской семинарии. Это, говорили, будто очень огорчило деда и едва ли не свело его в могилу. Огорчение имело тем большее место, что места сдать было некому, потому что другой брат моего отца, а мой дядя, был убит в каком-то семинарском побоище и из-за какого-то ничтожного повода. Но отец мой был непреклонен в своих намерениях и ни за что не хотел надеть рясы, к которой всегда чувствовал неодолимое отвращение, хотя был человек очень хорошо богословски образованный и истинно религиозный. Место было передано «зятю», то есть мужу матушки Пелагеи Дмитриевны, который вскоре умер, и левитский род Лесковых в селе Лесках пресекся, но зато появился Лесков в орловском приказничестве.

¹ Коллежский асессор — гражданский чин восьмого класса в дореволюционной России, то есть чиновник среднего уровня.

Выгнанный дедам из дома за отказ идти в духовное звание, отец мой бежал в Орел с сорока копейками меди, которые подала ему его покойная мать «через задние ворота».

Гнев деда был так велик, что он выгнал отца буквально безо всего, даже без куска хлеба за пазухой халата.

В Орле отца избрали заседателем от дворянства в Орловскую уголовную палату, где он скоро стал известен умом и твердостью убеждений, из-за чего наживал себе очень много врагов. Я даже помню дела каких-то Юшковых, Игиных и Желудковых, которые, говорили, «пахли сотнями тысяч» и решались сенатом «по разногласию» в духе особых мнений моего отца, несогласных с мнениями всей палаты. Притом отец был превосходный следователь и, по тогдашним обычаям, был часто командирован для важных следствий в разные города, и особенно долго жил в Ельце, где им раскрыто весьма запутанное уголовное дело, производившееся по высочайшему повелению¹.

От отца требовали какой-то уступки губернатору, которую он будто бы мог оказать в виде вежливости, съездив к нему с визитом. Я помню, как несколько дворян приезжали его к этому склонить, но он додержал свою репутацию «крутого человека» и не поехал, а дворяне не нашли возможным его баллотировать.

Дом Лесковых в Кромском уезде. Гравюра первой половины XIX в.

¹ По высочайшему повелению — по повелению государя.

Тогда мы оставили наш орловский домик, помещавшийся на 3-й Дворянской улице, продали все в городе и купили 50 душ крестьян у генерала А.И. Кривцова, в Кромском уезде.

Неудачи сломили «крутого человека», и отец хотя не сделал ни одной уступки и никому ни на что не жаловался, но захандрил и стал очевидно слабеть и опускаться.

Жили мы в крошечном домике, который состоял из одного большого крестьянского сруба, оштукатуренного внутри и покрытого соломой.

Отец сам ходил сеять на поле, сам смотрел за садом и за мельницей и при этом постоянно читал, но хозяйство у него шло плохо, потому что это совсем было не его дело. Он был человек умный, и ему нужна была живая, умственная жизнь, а не маленькое однодворческое хозяйство, в котором не к чему было приложить рук. Меня в это время отвезли в Орел и определили в первый класс Орловской гимназии.

Матушка была тоже религиозна, но чисто церковным образом, — она читала дома акафисты¹ и каждое первое число слу-

Н.П. Лескова (Алферьева), мать писателя. Фотография. 1880 г.

¹ *Акафист* — в христианской богослужебной литературе особый вид молитвенно-хвалебных песнопений в честь Христа, Богородицы и святых.

жила молебны и наблюдала, какие это имеет последствия в обстоятельствах жизни. В деревне я жил на полной свободе, которой пользовался как хотел. Сверстниками моими были крестьянские дети, с которыми я и жил и сживался душа в душу. Простонародный быт я знал до мельчайших подробностей и до мельчайших же оттенков понимал, как к нему относятся из большого барского дома, из нашего «мелкопоместного курничка», из постоялого двора и с поповки. А потому, когда мне привелось впервые прочесть «Записки охотника» И.С. Тургенева, я весь задрожал от правды представлений и сразу понял, что называется искусством. Все же прочее, кроме еще одного Островского, — мне казалось деланным и неверным. Самый Писемский мне не нравился, а публицистических речей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудирруя ее, а живучи ею. Я, слава Богу, так и знал его, то есть народ, — знал с детства и без всяких натуг и стараний; а если я его не всегда умел изображать, то это так и надо относить к неумению.

Вопросы и задания

1. Какими предстают родители писателя в его «Автобиографической заметке»?
2. Н.С. Лесков особо характеризует характер отца. Выпишите из «Заметки» ключевые слова об отце и подберите к ним синонимы.

Живое слово

1. В библиотеке найдите книги о жизни и творчестве Н.С. Лескова и подберите материалы для сообщения «Жизнь писателя». Подготовьте сообщение.
2. В пятом классе вы уже познакомились со сказом — одной из форм эпического повествования. Подберите материал и напишите словарную статью «Сказ».

ЛЕВША

(СКАЗ О ТУЛЬСКОМ КОСОМ ЛЕВШЕ И О СТАЛЬНОЙ БЛОХЕ)

Глава первая

Когда император Александр Павлович окончил венский совет, он захотел по Европе проездиться и в разных государствах чудес посмотреть. Объездил он все страны и везде через свою ласковость всегда имел самые междоусобные разговоры со всякими людьми, и все его чем-нибудь удивляли и на свою сторону преклонять хотели, но при нем был донской казак Платов, который этого склонения не любил и, скучая по своему хозяйству, все государя домой манил. И чуть если Платов заметит, что государь чем-нибудь иностранным очень интересуется, то все провожатые молчат, а Платов сейчас скажет: «Так и так, и у нас дома свое не хуже есть», — и чем-нибудь отведет.

Англичане это знали и к приезду государеву выдумали разные хитрости, чтобы его чужестранностью пленить и от русских отвлечь, и во многих случаях они этого достигали, особенно в больших собраниях, где Платов не мог по-французски вполне говорить; но он этим мало и интересовался, потому что был человек женатый и все французские разговоры считал за пустяки, которые не стоят воображения. А когда англичане стали звать государя во всякие свои цейгаузы¹, оружейные и мыльно-пильные заводы, чтобы показать свое над нами во всех вещах преимущество и тем славиться, — Платов сказал себе:

— Ну уж тут шабаш. До этих пор еще я терпел, а дальше нельзя. Сумею я или не сумею говорить, а своих людей не выдам.

И только он сказал себе такое слово, как государь ему говорит:

— Так и так, завтра мы с тобою едем их оружейную кунсткамеру смотреть. Там, — говорит, — такие природы совершенства, что как посмотришь, то уже больше не будешь спорить, что мы, русские, со своим значением никуда не годимся.

¹ Цейгаузы (цейхаузы) — военные кладовые для оружия или обмундирования.

Иллюстрации к сказу «Левша» — художник Н.В. Кузьмин.
Первая половина 1950-х гг.

Платов ничего государю не ответил, только свой грабоватый нос в лохматую бурку спустил, а пришел в свою квартиру, велел денщику подать из погребца фляжку кавказской водки-кислярки¹, дерябнул хороший стакан, на дорожный складень² Богу помолился, буркой укрылся и захрапел так, что во всем доме англичанам никому спать нельзя было.

Думал: утро ночи мудренее.

Глава вторая

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную.

Приезжают в пребольшое здание — подъезд неописанный, коридоры до бесконечности, а комнаты одна в одну, и, наконец, в самом главном зале разные огромные бюстры, и посредине под балдахином стоит Аболон полведерский.

¹ Кислярки. (Примеч. автора.)

² Складень — складная икона.

Государь оглядывается на Платова: очень ли он удивлен и на что смотрит; а тот идет глаза опустивши, как будто ничего не видит, — только из усов кольца вьет.

Англичане сразу стали показывать разные удивления и пояснять, что к чему у них приноровлено для военных обстоятельств: буреметры морские, мерблюзьи мантоны пеших полков, а для конницы смолевые непромокабли. Государь на все это радуется, все кажется ему очень хорошо, а Платов держит свою ажидацию, что для него все ничего не значит.

Государь говорит:

— Это безрассудок.

Платов отвечает:

— Не знаю, к чему отнести, но спорить не смею и должен молчать.

А англичане, видя между государя такую перемолвку, сейчас подвели его к самому Аболону полведерскому и берут у того из одной руки Мортимерово ружье, а из другой пистолю.

— Вот, — говорят, — какая у нас производительность, — и подают ружье.

Государь на Мортимерово ружье посмотрел спокойно, потому что у него такие в Царском Селе есть, а они потом дают ему пистолю и говорят:

— Это пистоля неизвестного, неподражаемого мастерства — ее наш адмирал у разбойничьего атамана в Канделабрии из-за пояса выдернул.

Государь взглянул на пистолю и наглядеться не может. Взахался ужасно.

— Ах, ах, ах, — говорит, — как это так... как это даже можно так тонко сделать! — И к Платову по-русски оборачивается и говорит: — Вот если бы у меня был хотя один такой мастер в России, так я бы этим весьма счастливый был и гордился, а того мастера сейчас же благородным бы сделал.

А Платов на эти слова в ту же минуту опустил правую руку в свои большие шаровары и тащит оттуда ружейную отвертку. Англичане говорят: «Это не отворяется», а он, внимания не обращая, ну замок ковырять. Повернул раз, повернул два — замок и вынулся. Платов показывает государю собачку, а там на самом сугибе сделана русская надпись: «Иван Москвин во граде Туле».

Англичане удивляются и друг дружку поталкивают:

— Ох-де, мы маху дали!

А государь Платову грустно говорит:

— Зачем ты их очень сконфузил, мне их теперь очень жалко. Поедем.

Сели опять в ту же двухсестную карету и поехали, и государь в этот день на бале был, а Платов еще больший стакан кислярки выдушил и спал крепким казачьим сном.

Было ему и радостно, что он англичан оконфузил, а тульского мастера на точку вида поставил, но было и досадно: зачем государь под такой случай англичан сожалел!

«Через что это государь огорчился? — думал Платов, — совсем того не понимаю», — и в таком рассуждении он два раза вставал, крестился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навел.

А англичане же в это самое время тоже не спали, потому что и им завертело. Пока государь на бале веселился, они ему такое новое удивление подстроили, что у Платова всю фантазию отняли.

Глава третья

На другой день, как Платов к государю с добрым утром явился, тот ему и говорит:

— Пусть сейчас заложат двухсестную карету, и поедем в новые кунсткамеры смотреть.

Платов даже осмелился доложить, что не довольно ли, мол, чужеземные продукты смотреть и не лучше ли к себе в Россию собираться, но государь говорит:

— Нет, я еще желаю другие новости видеть: мне хвалили, как у них первый сорт сахар делают.

Поехали.

Англичане всё государю показывают: какие у них разные первые сорта, а Платов смотрел, смотрел да вдруг говорит:

— А покажите-ка нам ваших заводов сахар молво?

А англичане и не знают, что это такое молво. Перешептываются, перемигиваются, твердят друг дружке: «Молво, молво», а понять не могут, что это у нас такой сахар делается, и должны сознаться, что у них все сахара есть, а «молва» нет.

Платов говорит:

— Ну, так и нечем хвастаться. Приезжайте к нам, мы вас напоим чаем с настоящим молво Бобринского завода.

А государь его за рукав дернул и тихо сказал:

— Пожалуйста, не порть мне политики.

Тогда англичане позвали государя в самую последнюю кунсткамеру, где у них со всего света собраны минеральные камни нимфозории, начиная с самой огромнейшей египетской керамиды до закожной блохи, которую глазам видеть невозможно, а угрызение ее между кожей и телом.

Государь поехал.

Осмотрели керамиды и всякие чучелы и выходят вон, а Платов думает себе:

«Вот, слава Богу, все благополучно: государь ничему не удивляется».

Но только пришли в самую последнюю комнату, а тут стоят их рабочие в тужурных жилетках и в фартуках и держат поднос, на котором ничего нет.

Государь вдруг и удивился, что ему подают пустой поднос.

— Что это такое значит? — спрашивает; а англиские мастера отвечают:

— Это вашему величеству наше покорное поднесение.

— Что же это?

— А вот, — говорят, — извольте видеть сориночку?

Государь посмотрел и видит: точно, лежит на серебряном подносе самая крошечная соринка.

Работники говорят:

— Извольте пальчик послюнить и ее на ладошку взять.

— На что же мне эта соринка?

— Это, — отвечают, — не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет, — отвечают, — не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. Извольте ключиком повернуть: она сейчас начнет дансе танцевать.

Государь залюбопытствовал и спрашивает:

— А где же ключик.

А англичане говорят:

— Здесь и ключ перед вашими очами.

— Отчего же, — государь говорит, — я его не вижу?

— Потому, — отвечают, — что это надо в мелкоскоп.

Подали мелкоскоп, и государь увидел, что возле блохи действительно на подносе ключик лежит.

— Извольте, — говорят, — взять ее на ладошечку — у нее в пузичке заводная дырка, а ключ семь поворотов имеет, и тогда она пойдет дансе...

Насилу государь этот ключик ухватил и насилу его в щепотке мог удержать, а в другую щепотку блошку взял и только ключик вставил, как почувствовал, что она начинает усиками водить, потом ножками стала перебирать, а наконец вдруг прыгнула и на одном лету прямое дансе и две верояции в сторону, потом в другую, и так в три верояции всю кавриль станцевала.

Государь сразу же велел англичанам миллион **дать**, какими сами захотят деньгами, — хотят серебряными пяточками, хотят мелкими ассигнациями.

Англичане попросили, чтобы им серебром отпустили, потому что в бумажках они толку не знают; а потом сейчас и другую свою хитрость показали: блоху в дар подали, а футляра на нее не принесли: без футляра же ни ее, ни ключика держать нельзя, потому что затеряются и в сору их так и выбросят. А футляр на нее у них сделан из цельного бриллиантового ореха — и ей местечко в середине выдавлено. Этого они не подали, потому что футляр, говорят, будто казенный, а у них насчет казенного строго, хоть и для государя — нельзя жертвовать.

Платов было очень рассердился, потому что, говорит:

— Для чего такое мошенничество! Дар сделали и миллион за то получили, и все еще недостаточно! Футляр, — говорит, — всегда при всякой вещи принадлежит.

Но государь говорит:

— Оставь, пожалуйста, это не твое дело — не порть мне политики. У них свой обычай. — И спрашивает: — Сколько тот орех стоит, в котором блоха местится?

Англичане положили за это еще пять тысяч.

Государь Александр Павлович сказал: «Выплатить», а сам спустил блошку в этот орешек, а с нею вместе и ключик, а чтобы не потерять самый орех, опустил его в свою золотую табакерку, а табакерку велел положить в свою дорожную шкатулку, которая вся выстлана преламутом и рыбьей костью. Аглицких же мастеров государь с честью отпустил и сказал им: «Вы есть первые мастера на всем свете, и мои люди супротив вас сделать ничего не могут».

Те остались этим очень довольны, а Платов ничего против слов государя произнести не мог. Только взял мелкоскоп да, ничего не говоря, себе в карман спустил, потому что «он сюда же, — говорит, — принадлежит, а денег вы и без того у нас много взяли».

Государь этого не знал до самого приезда в Россию, а уехали они скоро, потому что у государя от военных дел сделалась меланхолия и он захотел духовную исповедь иметь в Таганроге у попа Федота¹. Дорогой у них с Платовым очень мало приятного разговора было, потому они совсем разных мыслей делали: государь так соображал, что англичанам нет равных в искусстве, а Платов доводил, что и наши на что взглянут — всё могут сделать, но только им полезного ученья нет. И представлял государю, что у аглицких мастеров совсем на всё другие правила жизни, науки и продовольствия, и каждый человек у них себе все абсолютные обстоятельства перед собою имеет, и через то в нем совсем другой смысл.

Государь этого не хотел долго слушать, а Платов, видя это, не стал усиливаться. Так они и ехали молча, только Платов на каждой станции выйдет и с досады квасной стакан водки выпьет, соленым бараночком закусит, закурит свою корешковую трубку, в которую сразу целый фунт Жукова табаку входило, а потом сядет и сидит рядом с царем в карете молча. Государь в одну сторону глядит, а Платов в другое окно чубук высунет

¹ «Поп Федот» не с ветра взят: император Александр Павлович перед своею кончиною в Таганроге исповедовался у священника Алексея *Федотова-Чеховского*, который после того именовался «духовником его величества» и любил ставить всем на вид это совершенно случайное обстоятельство. Вот этот-то *Федотов-Чеховский*, очевидно, и есть легендарный «поп Федот». (Примеч. авт.)

и дымит на ветер. Так они и доехали до Петербурга, а к попу Федоту государь Платова уже совсем не взял.

— Ты, — говорит, — к духовной беседе невозддержен и так очень много куришь, что у меня от твоего дыму в голове копоть стоит.

Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку, да так все и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи.

Глава четвертая

Удивительная блоха из аглицкой вороненой стали оставалась у Александра Павловича в шкатулке под рыбьей костью, пока он скончался в Таганроге, отдав ее попу Федоту, чтобы сдал после государыне, когда она успокоится. Императрица Елисавета Алексеевна посмотрела блохины верояции и усмехнулась, но заниматься ею не стала.

— Мое, — говорит, — теперь дело вдовье, — и мне никакие забавы не обольстительны, — а вернувшись в Петербург, передала эту диковину со всеми иными драгоценностями в наследство новому государю.

Император Николай Павлович поначалу тоже никакого внимания на блоху не обратил, потому что при восходе его было смятение, но потом один раз стал пересматривать доставшуюся ему от брата шкатулку и достал из нее табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, и в нем нашел стальную блоху, которая уже давно не была заведена и потому не действовала, а лежала смирно, как коченелая.

Государь посмотрел и удивился:

— Что это еще за пустяковина и к чему она тут у моего брата в таком сохранении!

Придворные хотели выбросить, но государь говорит:

— Нет, это что-нибудь значит.

Позвали от Аничкина моста из противной аптеки химика, который на самых мелких весах яды взвешивал, и ему показали, а тот сейчас взял блоху, положил на язык и говорит: «Чувствую холод, как от крепкого металла». А потом зубом ее слегка помял и объявил:

— Как вам угодно, а это не настоящая блоха, а нимфозория, и она сотворена из металла, и работа эта не наша, не русская.

Государь велел сейчас разузнать: откуда это и что такое означает?

Бросились смотреть в дела и в списки, — но в делах ничего не записано. Стали того, другого спрашивать, — никто ничего не знает. Но, по счастью, донской казак Платов был еще жив и даже все еще на своей досадной укушетке лежал и трубку курил. Он как услышал, что во дворце такое беспокойство, сейчас с укушетки поднялся, трубку бросил и явился к государю во всех орденах. Государь говорит:

— Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?

А Платов отвечает:

— Мне, ваше величество, ничего для себя не надо, так как я пью-ем что хочу и всем доволен, а я, — говорит, — пришел доложить насчет этой нимфозории, которую отыскиали: это, — говорит, — так и так было, и вот как происходило при моих глазах в Англии, — и тут при ней есть ключик, а у меня есть их же мелкоскоп, в который можно его видеть, и сим ключом через пузичко эту нимфозорию можно завести, и она будет скакать в каком угодно пространстве и в стороны верояции делать.

Завели, она и пошла прыгать, а Платов говорит:

— Это, — говорит, — ваше величество, точно, что работа очень тонкая и интересная, но только нам этому удивляться с одним восторгом чувств не следует, а надо бы подвергнуть ее русским пересмотрам в Туле или Сестербеке, — тогда еще Сестрорецк Сестербеком звали, — не могут ли наши мастера сего превзойти, чтобы англичане над русскими не предвозвышались.

Государь Николай Павлович в своих русских людях был очень уверенный и никакому иностранцу уступать не любил, он и ответил Платову:

— Это ты, мужественный старик, хорошо говоришь, и я тебе это дело поручаю поверить. Мне эта коробочка все равно теперь при моих хлопотах не нужна, а ты возьми ее с собою и на свою досадную укушетку больше не ложись, а поезжай на тихий Дон и поведи там с моими донцами междоусобные разговоры насчет их жизни и преданности и что им нравится. А когда будешь ехать через Тулу, покажи моим тульским мастерам эту нимфозорию,

и пусть они о ней подумают. Скажи им от меня, что брат мой этой вещи удивлялся и чужих людей, которые делали нимфозорию, больше всех хвалил, а я на своих надеюсь, что они никого не хуже. Они моего слова не проронят и что-нибудь сделают.

Глава пятая

Платов взял стальную блоху и как поехал через Тулу на Дон, показал ее тульским оружейникам и слова государевы им передал, а потом спрашивает:

— Как нам теперь быть, православные?

Оружейники отвечают:

— Мы, батюшка, милостивое слово государево чувствуем и никогда его забыть не можем за то, что он на своих людей надеется, а как нам в настоящем случае быть, того мы в одну минуту сказать не можем, потому что аглицкая нация тоже не глупая, а довольно даже хитрая, и искусство в ней с большим смыслом. Против нее, — говорят, — надо взяться подумавши и с Божьим благословением. А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай к себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть, в футляре и в золотой царской табакерочке. Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, — остановись и спыслай за нами: мы к той поре, Бог даст, что-нибудь придумаем.

Платов не совсем доволен был тем, что туляки так много времени требуют и притом не говорят ясно: что такое именно они надеются устроить. Спрашивал он их так и иначе и на все манеры с ними хитро по-донски заговаривал; но туляки ему в хитрости нимало не уступили, потому что имели они сразу же такой замысел, по которому не надеялись даже, чтобы и Платов им поверил, а хотели прямо свое смелое воображение исполнить, да тогда и отдать.

Говорят:

— Мы еще и сами не знаем, что учиним, а только будем на Бога надеяться, и авось слово царское ради нас в постыждении не будет.

Так и Платов умом виляет, и туляки тоже.

Платов вилял, вилял, да увидал, что туляка ему не перевилять, подал им табакерку с нимфозорией и говорит:

— Ну, нечего делать, пусть, — говорит, — будет по-вашему; я вас знаю, какие вы, ну, иначе, делать нечего, — я вам верю, но только смотрите, бриллиант чтобы не подменить и аглицкой тонкой работы не испортить, да недолго возитесь, потому что я шибко езжу: двух недель не пройдет, как я с тихого Дона опять в Петербург поворочу, — тогда мне чтоб непременно было что государю показать.

Оружейники его вполне успокоили:

— Тонкой работы, — говорят, — мы не повредим и бриллианта не обменим, а две недели нам времени довольно, а к тому случаю, когда назад возвратишься, будет тебе что-нибудь государеву великолепию достойное представить.

А что именно, этого так-таки и не сказали.

Глава шестая

Платов из Тулы уехал, а оружейники три человека, самые искусные из них, один косой левша, на щеке пятно родимое, а на висках волосья при ученье выдраны, попрощались с товарищами и с своими домашними да, ничего никому не сказывая, взяли сумочки, положили туда что нужно съестного и скрылись из города.

Заметили за ними только то, что они пошли не в Московскую заставу, а в противоположную, киевскую сторону, и думали, что они пошли в Киев почивающим угодникам поклониться или посоветовать там с кем-нибудь из живых святых мужей, всегда пребывающих в Киеве в изобилии.

Но это было только близко к истине, а не самая истина. Ни время, ни расстояние не позволяли тульским мастерам сходить в три недели пешком в Киев да еще потом успеть сделать посрамительную для аглицкой нации работу. Лучше бы они могли сходить помолиться в Москву, до которой всего «два девяносто верст», а святых угодников и там почивает немало. А в другую сторону, до Орла, такие же «два девяносто», да за Орел до Киева снова еще добрых пять сот верст. Этакого пути скоро не сделаешь, да и сделавши его, не скоро отдохнешь — долго еще будут ноги остекливши и руки трястись.

Иным даже думалось, что мастера набахвалили перед Платовым, а потом как пообдумались, то и струсили и теперь совсем сбежали, унеся с собою и царскую золотую табакерку, и бриллиант, и наделавшую им хлопот аглицкую стальную блоху в футляре.

Однако такое предположение было тоже совершенно неосновательно и недостойно искусных людей, на которых теперь почивала надежда нации.

Глава седьмая

Туляки, люди умные и сведущие в металлическом деле, известны также как первые знатоки в религии. Их славою в этом отношении полна и родная земля, и даже святой Афон: они не только мастера петь с вавилонами, но они знают, как пишется картина «вечерний звон», а если кто из них посвятит себя большому служению и пойдет в монашество, то таковые слывут лучшими монастырскими экономами, и из них выходят самые способные сборщики. На святом Афоне знают, что туляки — народ самый выгодный, и если бы не они, то темные уголки России, наверно, не видали бы очень многих святостей отдаленного Востока, а Афон лишился бы многих полезных приношений от русских щедрот и благочестия. Теперь «афонские туляки» обвозят святости по всей

нашей родине и мастерски собирают сборы даже там, где взять нечего. Туляк полон церковного благочестия и великий практик этого дела, а потому и те три мастера, которые взялись поддержать Платова и с ним всю Россию, не делали ошибки, направляясь не к Москве, а на юг. Они шли вовсе не в Киев, а к Мценску, к уездному городу Орловской губернии, в котором стоит древняя «камнесеченная» икона Св. Николая, приплавшая сюда в самые древние времена на большом каменном же кресте по реке Зуше. Икона эта вида «грозного и пристрастного» — святитель Мир-Ликийских изображен на ней «в рост», весь одет в сребропозлащенной одежде, а лицом темен и на одной руке держит храм, а в другой меч — «военное одоление». Вот в этом «одолении» и заключался смысл вещи: св. Николай вообще покровитель торгового и военного дела, а «мценский Никола» в особенности, и ему-то туляки и пошли поклониться. Отслужили они молебен у самой иконы, потом у каменного креста и, наконец, возвратились домой «нощию» и, ничего никому не рассказывая, принялись за дело в ужасном секрете. Сошлись они все трое в один домик к левше, двери заперли, ставни в окнах закрыли, перед Николиным образом лампадку затеплили и начали работать.

День, два, три сидят и никуда не выходят, все молоточками потюкивают. Куют что-то такое, а что куют — ничего не известно.

Всем любопытно, а никто ничего не может узнать, потому что работающие ничего не рассказывают и наружу не показываются. Ходили к домику разные люди, стучались в двери под разными видами, чтобы огня или соли попросить, но три искусника ни на какой спрос не отпираются, и даже чем питаются — неизвестно. Пробовали их пугать, будто по соседству дом горит, — не выскочут ли в перепуге и не объявится ли тогда, что ими выковано, но ничто не брало этих хитрых мастеров; один раз только левша высунулся по плечи и крикнул:

— Горите себе, а нам некогда, — и опять свою щипаную голову спрятал, ставню захлопнул, и за свое дело принялся.

Только сквозь малые щелочки было видно, как внутри дома огонек блестит, да слышно, что тонкие молоточки по звонким наковальням вытюкивают.

Словом, все дело велось в таком страшном секрете, что ничего нельзя было узнать, и притом продолжалось оно до самого возвращения казака Платова с тихого Дона к государю, и во все это время мастера ни с кем не видались и не разговаривали.

Глава восьмая

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. А если какой казак задремлет, Платов его сам из коляски ногою ткнет, и еще злее понесутся. Эти меры побуждения действовали до того успешно, что нигде лошадей ни у одной станции нельзя было удержать, а всегда сто скачков мимо остановочного места перескакивали. Тогда опять казак над ямщиком обратно сдействует, и к подъезду возвратятся.

Так они и в Тулу прикатили, — тоже пролетели сначала сто скачков дальше Московской заставы, а потом казак сдействовал над ямщиком нагайкою в обратную сторону, и стали у крыльца новых коней запрягать. Платов же из коляски не вышел, а только велел свистовому как можно скорее привести к себе мастеровых, которым блоху оставил.

Побежал один свистовой, чтобы шли как можно скорее и несли ему работу, которою должны были англичан посра-

мить, и еще мало этот свистовой отбежал, как Платов вдогонку за ним раз за разом новых шлет, чтобы как можно скорее.

Всех свистовых разогнал и стал уже простых людей из любопытной публики посылать, да даже и сам от нетерпения ноги из коляски выставляет и сам от нетерпеливости бежать хочет, а зубами так и скрипит — все ему еще не скоро показывается.

Так в тогдaшнее время все требовалось очень в аккурате и в скорости, чтобы ни одна минута для русской полезности не пропадала.

Глава девятая

Тульские мастера, которые удивительное дело делали, в это время как раз только свою работу оканчивали. Свистовые прибежали к ним запыхавшись, а простые люди из любопытной публики — те и вовсе не добежали, потому что с непривычки по дороге ноги рассыпали и повалились, а потом от страха, чтобы не глядеть на Платова, ударились домой да где попало спрятались.

Свистовые же как прискочили, сейчас вскрикнули и как видят, что те не отпирают, сейчас без церемонии рванули болты у ставен, но болты были такие крепкие, что нимало не подались, дернули двери, а двери изнутри заложены на дубовый засов. Тогда свистовые взяли с улицы бревно, поддели им на пожарный манер под кровельную застреху¹ да всю крышу с маленького домика сразу и своротили. Но крышу сняли, да и сами сейчас повалились, потому что у мастеров в их тесной хороминке от безотдышной работы в воздухе такая потная спираль сделалась, что непривычному человеку с свежего поветрия и одного раза нельзя было продохнуть. Послы закричали:

— Что же вы, такие-сякие, сволочи, делаете, да еще этакою спиралью ошибаться смее! Или в вас после этого Бога нет!

А те отвечают:

— Мы сейчас, последний гвоздик заколачиваем и, как забьем, тогда нашу работу вынесем.

А послы говорят:

— Он нас до того часу живьем съест и на помин души не оставит.

¹ *Застреха* — доска соломенной крыши, поддерживающая солому с нижнего края.

Но мастера отвечают:

— Не успеет он вас поглотить, потому вот пока вы тут говорили, у нас уже и этот последний гвоздь заколочен. Бегите и скажите, что сейчас несем.

Свистовые побежали, но не с уверкою: думали, что мастера их обманут; а потому бежат, бежат да оглянутся; но мастера за ними шли и так очень скоро поспешали, что даже не вполне как следует для явления важному лицу оделись, а на ходу крючки в кафтанах застегивают. У двух у них в руках ничего не содержалось, а у третьего, у левши, в зеленом чехле царская шкатулка с аглицкой стальной блохой.

Глава десятая

Свистовые подбежали к Платову и говорят:

— Вот они сами здесь!

Платов сейчас к мастерам:

— Готово ли?

— Всё, — отвечают, — готово.

— Подавай сюда.

Подали.

А экипаж уже запряжен, и ямщик и фореитор на месте. Казаки сейчас же рядом с ямщиком уселись и нагайки над ним подняли и так замахнувши и держат.

Платов сорвал зеленый чехол, открыл шкатулку, вынул из ваты золотую табакерку, а из табакерки бриллиантовый орех, — видит: аглицкая блоха лежит там какая была, а кроме ее ничего больше нет.

Платов говорит:

— Это что же такое? А где же ваша работа, которою вы хотели государя утешить?

Оружейники отвечали:

— Тут и наша работа.

Платов спрашивает:

— В чем же она себя заключает?

А оружейники отвечают:

— Зачем это объяснять? Всё здесь в вашем виду, — и предусматривайте.

Платов плечами вздвигнул и закричал:

— Где ключ от блохи?

— А тут же, — отвечают. — Где блоха, тут и ключ, в одном орехе.

Хотел Платов взять ключ, но пальцы у него были куцапые: ловил, ловил, — никак не мог ухватить ни блохи, ни ключика от ее брюшного завода и вдруг рассердился и начал ругаться словами на казацкий манер.

Кричал:

— Что вы, подлецы, ничего не сделали, да еще, пожалуй, всю вещь испортили! Я вам голову сниму!

А туляки ему в ответ:

— Напрасно так нас обижаете, — мы от вас, как от государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы мы у него люди и есть ли ему за нас постыждение.

А Платов крикнул:

— Ну, так врете же вы, подлецы, я с вами так не расстануся, а один из вас со мною в Петербург поедет и я его там допытаюся, какие есть ваши хитрости.

И с этим протянул руку, схватил своими куцаными пальцами за шивороток косого левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля, — ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента увозите? ему нельзя будет назад следовать! А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» А казакам говорит:

— Гайда, ребята!

Казаки, ямщики и кони — все враз заработало и умчали левшу без тугамента, а через день, как приказал Платов, так его и подкатили к государеву дворцу и даже, рассказавшись как следует, мимо колонн проехали.

Платов встал, подцепил на себя ордена и пошел к государю, а косого левшу велел свистовым казакам при подъезде караулить.

Глава одиннадцатая

Платов боялся к государю на глаза показаться, потому что Николай Павлович был ужасно какой замечательный и памятный — ничего не забывал. Платов знал, что он непременно его о блохе спросит. И вот он хоть никакого в свете неприятеля не пугался, а тут струсил: вошел во дворец со шкатулочкою да потихонечку ее в зале за печкой и поставил. Спрятавши шкатулку, Платов предстал к государю в кабинет и начал поскорее докладывать, какие у казаков на тихом Дону междоусобные разговоры. Думал он так: чтобы этим государя занять, и тогда, если государь сам вспомнит и заговорит про блоху, надо подать и ответственность, а если не заговорит, то промолчать; шкатулку кабинетному камердинеру велеть спрятать, а тульского левшу в крепостной каземат без срока посадить, чтобы посидел там до времени, если понадобится.

Но государь Николай Павлович ни о чем не забывал, и чуть Платов насчет междоусобных разговоров кончил, он его сейчас же и спрашивает:

— А что же, как мои тульские мастера против аглицкой нимфозории себя оправдали?

Платов отвечал в том роде, как ему дело казалось.

— Нимфозория, — говорит, — ваше величество, все в том же пространстве, и я ее назад привез, а тульские мастера ничего удивительнее сделать не могли.

Государь ответил:

— Ты — старик мужественный, а этого, что ты мне докладываешь, быть не может.

Платов стал его уверять и рассказал, как все дело было, и как досказал до того, что туляки просили его блоху государю показать, Николай Павлович его по плечу хлопнул и говорит:

— Подавай сюда. Я знаю, что мои меня не могут обманывать. Тут что-нибудь сверх понятия сделано.

Глава двенадцатая

Вынесли из-за печки шкатулку, сняли с нее суконный покров, открыли золотую табакерку и бриллиантовый орех, — а в нем блоха лежит, какая прежде была и как лежала.

Государь посмотрел и сказал:

— Что за лихо! — Но веры своей в русских мастеров не убавил, а велел позвать свою любимую дочь Александру Николаевну и приказал ей:

— У тебя на руках персты тонкие — возьми маленький ключик и заведи поскорее в этой нимфозории брюшную машинку.

Принцесса стала крутить ключиком, и блоха сейчас усиками зашевелила, но ногами не трогает. Александра Николаевна весь завод натянула, а нимфозория все-таки ни дансе не танцует и ни одной верояции, как прежде, не выкидывает.

Платов весь позеленел и закричал:

— Ах они, шельмы собаческие! Теперь понимаю, зачем они ничего мне там сказать не хотели. Хорошо еще, что я одного ихнего дурака с собой захватил.

С этими словами выбежал на подъезд, словил левшу за волосы и начал туда-сюда трепать так, что клочья полетели. А тот, когда его Платов перестал бить, поправился и говорит:

— У меня и так все волосья при учебе выдраны, а не знаю теперь, за какую надобность надо мною такое повторение?

— Это за то, — говорит Платов, — что я на вас надеялся и заручался, а вы редкостную вещь испортили.

Левша отвечает:

— Мы много довольны, что ты за нас ручался, а испортить мы ничего не испортили: возьмите, в самый сильный мелкоскоп смотрите.

Платов назад побежал про мелкоскоп сказывать, а левше только погрозился:

— Я тебе, — говорит, — такой-сякой-этакой, еще задам.

И велел свистовым, чтобы левше еще крепче локти назад закрутить, а сам поднимается по ступеням, запыхался и читает молитву: «Благого царя благая мати, пречистая и чистая», и дальше, как надобно. А царедворцы, которые на ступенях стоят, все от него отворачиваются, думают: попался Платов и сейчас его из дворца вон погонят, — потому они его терпеть не могли за храбрость.

Глава тринадцатая

Как довел Платов левшины слова государю, тот сейчас с радостью говорит:

— Я знаю, что мои русские люди меня не обманут. — И приказал подать мелкоскоп на подушке.

В ту же минуту мелкоскоп был подан, и государь взял блоху и положил ее под стекло сначала кверху спинкою, потом бочком, потом пузичком, — словом сказать, на все стороны ее повернули, а видеть нечего. Но государь и тут своей веры не потерял, а только сказал:

— Привести сейчас ко мне сюда этого оружейника, который внизу находится.

Платов докладывает:

— Его бы приодеть надо — он в чем был взят, и теперь очень в злом виде.

А государь отвечает:

— Ничего — ввести как он есть.

Платов говорит:

— Вот иди теперь сам, такой-этакой, перед очами государю отвечай.

А левша отвечает:

— Что ж, такой и пойду, и отвечу.

Идет в чем был: в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик¹ старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится.

«Что же такое? — думает. — Если государю угодно меня видеть, я должен идти; а если при мне тугамента нет, так я тому не причинен и скажу, отчего так дело было».

Как взошел левша и поклонился, государь ему сейчас и говорит:

— Что это такое, братец, значит, что мы и так и этак смотрели, и под мелкоскоп клали, а ничего замечательного не усматриваем?

А левша отвечает:

— Так ли вы, ваше величество, изволили смотреть?

Вельможи ему кивают: дескать, не так говоришь! а он не понимает, как надо по-придворному, с лестью или с хитростью, а говорит просто.

Государь говорит:

— Оставьте над ним мудрить, — пусть его отвечает, как он умеет.

И сейчас ему пояснил:

¹ *Озямчик (азям)* — длинный кафтан халатного покроя.

— Мы, — говорит, — вот как клали. — И положил блоху под мелкоскоп. — Смотри, — говорит, — сам — ничего не видно.

Левша отвечает:

— Этак, ваше величество, ничего и невозможно видеть, потому что наша работа против такого размера гораздо секретнее.

Государь спросил:

— А как же надо?

— Надо, — говорит, — всего одну ее ножку в подробности под весь мелкоскоп подвести и отдельно смотреть на всякую пяточку, которой она ступает.

— Помилуй, скажи, — говорит государь, — это уже очень сильно мелко!

— А что же делать, — отвечает левша, — если только так нашу работу и заметить можно: тогда все и удивление окажется.

Положили, как левша сказал, и государь как только глянул в верхнее стекло, так весь и просиял — взял левшу, какой он был неубранный и в пыли, неумытый, обнял его и поцеловал, а потом обернулся ко всем придворным и сказал:

— Видите, я лучше всех знал, что мои русские меня не обманут. Глядите, пожалуйста: ведь они, шельмы, аглицкую блоху на подковы подковали!

Глава четырнадцатая

Стали все подходить и смотреть: блоха действительно была на все ноги подкована на настоящие подковы, а левша доложил, что и это еще не все удивительное.

— Если бы, — говорит, — был лучше мелкоскоп, который в пять миллионов увеличивает, так вы изволили бы, — говорит, — увидеть, что на каждой подковинке мастерово имя выставлено: какой русский мастер ту подковку делал.

— И твое имя тут есть? — спросил государь.

— Никак нет, — отвечает левша, — моего одного и нет.

— Почему же?

— А потому, — говорит, — что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелкоскоп взять не может.

Государь спросил:

— Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?

А левша ответил:

— Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши.

Тут и другие придворные, видя, что левши дело выгорело, начали его целовать, а Платов ему сто рублей дал и говорит:

— Прости меня, братец, что я тебя за волосы отодрал.

Левша отвечает:

— Бог простит, — это нам не впервые такой снег на голову.

А больше и говорить не стал, да и некогда ему было ни с кем разговаривать, потому что государь приказал сейчас же эту подкованную нимфозорию уложить и отослать назад в Англию — вроде подарка, чтобы там поняли, что нам это не удивительно. И велел государь, чтобы вез блоху особый курьер, который на все языки учен, а при нем чтобы и левша находился и чтобы он сам англичанам мог показать работу и каковые у нас в Туле мастера есть.

Платов его перекрестил.

— Пусть, — говорит, — над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей следственно.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельвроде велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего, для того, дабы похоже было, будто и на нем какой-нибудь жалованный чин есть.

Как его таким манером обформировали, напоили на дорогу чаем с платовскою кисляркою, затянули ременным поясом как можно туже, чтобы кишки не тряслись, и повезли в Лондон. Отсюда с левшой и пошли заграничные виды.

Глава пятнадцатая

Ехали курьер с левшой очень скоро, так что от Петербурга до Лондона нигде отдыхать не останавливались, а только на каждой станции пояса на один значок еще уже перетягивали, чтобы кишки с легкими не перепутались; но как левше после представления государю, по платовскому приказанию, от казны винная порция вволю полагалась, то он, не евши, этим одним себя поддерживал и на всю Европу русские песни пел, только припев делал по-иностранному: «Ай люли — се тре жули».

Курьер как привез его в Лондон, так появился кому надо и отдал шкатулку, а левшу в гостинице в номер посадил, но ему тут скоро скучно стало, да и есть захотелось. Он постучал в дверь и показал служающему себе на рот, а тот сейчас его и свел в пищеприемную комнату.

Сел тут левша за стол и сидит, а как чего-нибудь по-аглицки спросить — не умеет. Но потом догадался: опять просто по столу перстом постучит да в рот себе покажет, — англичане догадываются и подают, только не всегда того, что надобно, но он что ему не

подходящее не принимает. Подали ему ихнего приготовления горячий студинг в огне, — он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», и вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили. Также и водки их пить не стал, потому что она зеленая — вроде как будто купоросом заправлена, а выбрал, что всего натуральнее, и ждет курьера в прохладе за баклажечкой.

А те лица, которым курьер нимфозорию сдал, сию же минуту ее рассмотрели в самый сильный мелкоскоп и сейчас в публицейские ведомости описание, чтобы завтра же на всеобщее известие клеветон вышел.

— А самого этого мастера, — говорят, — мы сейчас хотим видеть.

Курьер их препроводил в номер, а оттуда в пищеприемную залу, где наш левша порядочно уже подрумянился, и говорит: «Вот он!»

Англичане левшу сейчас хлоп-хлоп по плечу и как ровного себе — за руки. «Камрад, — говорят, — камрад — хороший мастер, — разговаривать с тобой со временем, после будем, а теперь выпьем за твое благополучие».

Спросили много вина, и левше первую чарку, а он с вежливостью первый пить не стал: думает, — может быть, отравить с досады хотите.

— Нет, — говорит, — это не порядок: и в Польше нет хозяина больше, — сами вперед кушайте.

Англичане всех вин перед ним опробовали и тогда ему стали наливать. Он встал, левой рукой перекрестился и за всех их здоровье выпил.

Они заметили, что он левой рукой крестится, и спрашивают у курьера:

— Что он — лютеранец или протестантист?

Курьер отвечает:

— Нет, он не лютеранец и не протестантист, а русской веры.

— А зачем же он левой рукой крестится?

Курьер сказал:

— Он — левша и все левой рукой делает.

Англичане еще более стали удивляться и начали накачивать вином и левшу и курьера и так целые три дня обходились, а потом говорят: «Теперь довольно». По симфону воды с ерфиксом приняли и, совсем освежившись, начали расспрашивать левшу: где он и чему учился и до каких пор арифметику знает?

Левша отвечает:

— Наша наука простая: по Псалтирю да по Полусоннику, а арифметики мы нимало не знаем.

Англичане переглянулись и говорят:

— Это удивительно.

А левша им отвечает:

— У нас это так повсеместно.

— А что же это, — спрашивают, — за книга в России Полусонник?

— Это, — говорит, — книга, к тому относящая, что если в Псалтире что-нибудь насчет гаданья царь Давид неясно открыл, то в Полусоннике угадывают дополнение.

Они говорят:

— Это жалко, лучше бы, если б вы из арифметики по крайности хоть четыре правила сложения знали, то бы вам было гораздо полезнее, чем весь Полусонник. Тогда бы вы могли сообразить, что в каждой машине расчет силы есть, а то вот хоща вы очень в руках искусны, а не сообразили, что такая малая машинка, как в нимфозории, на самую аккуратную точность рассчитана и ее подковок несть не может. Через это теперь нимфозория и не прыгает, и дансе не танцует.

Левша согласился.

— Об этом, — говорит, — спору нет, что мы в науках не зашлись, но только своему отечеству верно преданные.

А англичане сказывают ему:

— Оставайтесь у нас, мы вам большую образованность передадим, и из вас удивительный мастер выйдет.

Но на это левша не согласился.

— У меня, — говорит, — дома родители есть.

Англичане назвались, чтобы его родителям деньги послать, но левша не взял.

— Мы, — говорит, — к своей родине привержены, и тятенька мой уже старичок, а родительница — старушка и привыкши в свой приход в церковь ходить, да и мне тут в одиночестве очень скучно будет, потому что я еще в холостом звании.

— Вы, — говорят, — обвыкнете, наш закон примете, и мы вас женим.

— Этого, — ответил левша, — никогда быть не может.

— Почему так?

— Потому, — отвечает, — что наша русская вера самая пра-

вильная, и как верили наши правотцы, так же точно должны верить и потомцы.

— Вы, — говорят англичане, — нашей веры не знаете: мы того же закона христианского и то же самое Евангелие содержим.

— Евангелие, — отвечал левша, — действительно у всех одно, а только наши книги против ваших толще, и вера у нас полнее.

— Почему вы так это можете судить?

— У нас тому, — отвечает, — есть все очевидные доказательства.

— Какие?

— А такие, — говорит, — что у нас есть и боготворные иконы, и гроботочивые главы и мощи, а у вас ничего, и даже, кроме одного воскресенья, никаких экстренных праздников нет, а по второй причине — мне с англичанкою, хоть и повенчавшись в законе, жить конфузно будет.

— Отчего же так? — спрашивают. — Вы не пренебрегайте: наши тоже очень чисто одеваются и хозяйственные.

А левша говорит:

— Я их не знаю.

Англичане отвечают:

— Это не важно суть — узнать можете: мы вам грандеву сделаем.

Левша застыдился.

— Зачем, — говорит, — напрасно девушек морочить. — И отнекался. — Грандеву, — говорит, — это дело господское, а нам нейдет, и если об этом дома, в Туле, узнают, надо мною большую насмешку сделают.

Англичане любопытствовали:

— А если, — говорят, — без грандеву, то как же у вас в таких случаях поступают, чтобы приятный выбор сделать?

Левша им объяснил наше положение.

— У нас, — говорит, — когда человек хочет насчет девушки обстоятельное намерение обнаружить, посылает разговорную женщину, и как она предлог сделает, тогда вместе в дом идут вежливо и девушку смотрят не таясь, а при всей родственности.

Они поняли, но отвечали, что у них разговорных женщин нет и такого обыкновения не водится, а левша говорит:

— Это тем и приятнее, потому что таким делом если заняться, то надо с обстоятельным намерением, а как я сего к чужой нации не чувствую, то зачем девушек морочить?

Он англичанам и в этих своих суждениях понравился, так что они его опять пошли по плечам и по коленям с приятством ладошками хлопывать, а сами спрашивают:

— Мы бы, — говорят, — только через одно любопытство знать желали: какие вы порочные приметы в наших девицах приметили и за что их обегаете?

Тут левша им уже откровенно ответил:

— Я их не порочу, а только мне то не нравится, что одежда на них как-то машется, и не разобрать, что такое надето и для какой надобности; тут одно что-нибудь, а ниже еще другое пришили, а на руках какие-то ногавочки. Совсем точно обезьяна-сапажу — плисовая тальма.

Англичане засмеялись и говорят:

— Какое же вам в этом препятствие?

— Препятствия, — отвечает левша, — нет, а только опасаясь, что стыдно будет смотреть и дожидаться, как она из всего из этого разбираться станет.

— Неужели же, — говорят, — ваш фасон лучше?

— Наш фасон, — отвечает, — в Туле простой: всякая в своих кружевцах, и наши кружева даже и большие дамы носят.

Они его тоже и своим дамам казали, и там ему чай наливали и спрашивали:

— Для чего вы морщитесь?

Он отвечал, что мы, говорит, очень сладко не приучены.

Тогда ему по-русски вприкуску подали.

Им показывается, что этак будто хуже, а он говорит:

— На наш вкус этак вкуснее.

Ничем его англичане не могли сбить, чтобы он на их жизнь прельстился, а только уговорили его на короткое время погостить, и они его в это время по разным заводам водить будут и все свое искусство покажут.

— А потом, — говорят, — мы его на своем корабле привезем и живого в Петербург доставим.

На это он согласился.

Глава шестнадцатая

Взяли англичане левшу на свои руки, а русского курьера назад в Россию отправили. Курьер хотя и чин имел и на разные языки был учен, но они им не интересовались, а левшою интересовались, — и пошли они левшу водить и все ему показывать. Он смотрел все их производство: и металлические фабрики, и мыльно-пильные заводы, и все хозяйственные порядки их ему очень нравились, особенно насчет рабочего содержания. Всякий работник у них постоянно в сытости, одет не в обрывках, а на каждом способный тужурный жилет, обут в толстые щиглеты с железными набалдашниками, чтобы нигде ноги ни на что не напороть; работает не с бойлом, а с обучением и имеет себе понятия. Перед каждым на виду висит долбица умножения, а под рукою стирабельная досочка: все, что который мастер делает, — на долбицу смотрит и с понятием сверяет, а потом на досечке одно пишет, другое стирает и в аккурат сводит: что на цыфриях написано, то и на деле выходит. А придет праздник, соберутся по парочке, возьмут в руки по палочке и идут гулять чинно-благородно, как следует.

Левша на все их житье и на все их работы насмотрелся, но больше всего внимание обращал на такой предмет, что англичане очень удивлялись. Не столь его занимало, как новые ружья делают, сколь то, как старые в каком виде состоят. Все обойдет и хвалит, и говорит:

— Это и мы так можем.

А как до старого ружья дойдет, — засунет палец в дуло, поводит по стенкам и вздохнет:

— Это, — говорит, — против нашего не в пример превосходнейше.

Англичане никак не могли отгадать, что такое левша замечает, а он спрашивает:

— Не могу ли, — говорит, — я знать, что наши генералы это когда-нибудь глядели или нет?

Ему говорят:

— Которые тут были, те, должно быть, глядели.

— А как, — говорит, — они были: в перчатке или без перчатки?

— Ваши генералы, — говорят, — парадные, они всегда в перчатках ходят; значит, и здесь так были.

Левша ничего не сказал. Но вдруг начал беспокойно скучать. Затосковал и затосковал и говорит англичанам:

— Покорно благодарствуйте на всем угощении, и я всем у вас очень доволен и все, что мне нужно было видеть, уже видел, а теперь я скорее домой хочу.

Никак его более удержать не могли. По сути его пустить нельзя, потому что он на все языки не умел, а по воде плыть нехорошо было, потому что время было осеннее, бурное, но он пристал: отпустите.

— Мы на буреметр, — говорят, — смотрели: буря будет, потонуть можешь; это ведь не то, что у вас Финский залив, а тут настоящее Твердиземное море.

— Это все равно, — отвечает, — где умереть, — все единственно, воля Божия, а я желаю скорее в родное место, потому что иначе я могу род помешательства достать.

Его силом не удерживали: напители, деньгами наградили, подарили ему на память золотые часы с трепетиром, а для морской прохлады на поздний осенний путь дали байковое пальто с ветряной нахлобучкою на голову. Очень тепло одели и отвезли левшу на корабль, который в Россию шел. Тут поместили левшу в лучшем виде, как настоящего барина, но он с другими господами в закрытии сидеть не любил и совестился, а уйдет на палубу, под презент сядет и спросит: «Где наша Россия?»

Англичанин, которого он спрашивает, рукою ему в ту сторону покажет или головою махнет, а он туда лицом оборотится и нетерпеливо в родную сторону смотрит.

Как вышли из буфты в Твердиземное море, так стремление его к России такое сделалось, что никак его нельзя было успокоить. Водоплавание стало ужасное, а левша все вниз в каюты пойдет — под презентом сидит, нахлобучку надвинул и к отечеству смотрит.

Много раз англичане приходили его в теплое место вниз звать, но он, чтобы ему не докучали, даже отлыгаться начал.

— Нет, — отвечает, — мне тут наружи лучше; а то со мною под крышей от колтыхания морская свинка сделается.

Так все время и не сходил до особого случая и через это очень понравился одному подшкиперу, который, на горе нашего левши, умел по-русски говорить. Этот полшкипер не мог надивиться, что русский сухопутный человек и так все непогоды выдерживает.

— Молодец, — говорит, — рус! Выпьем!

Левша выпил.

А подшкипер говорит:

— Еще!

Левша и еще выпил, и напились.

Полшкипер его и спрашивает:

— Ты какой от нашего государства в Россию секрет везешь?

Левша отвечает:

— Это мое дело.

— А если так, — отвечал полшкипер, — так давай держать с тобой аглицкое пари.

Левша спрашивает:

— Какое?

— Такое, чтобы ничего в одиночку не пить, а всего пить zároveň: что один, то непременно и другой, и кто кого перепьет, того и горка.

Левша думает: небо тучится, брюхо пучится, — скука большая, а путина длинная, и родного места за волною не видно — пари держать все-таки веселее будет.

— Хорошо, — говорит, — идет!

— Только чтоб честно.

— Да уж это, — говорит, — не беспокойтесь.

Согласились и по рукам ударили.

Глава семнадцатая

Началось у них пари еще в Твердиземном море, и пили они до рижского Динаминде, но шли всё наравне и друг другу не уступали и до того аккуратно равнялись, что когда один,глянув в море, увидал, как из воды черт лезет, так сейчас то же самое и другому объявилось. Только полшкипер видит черта рыжего, а левша говорит, будто он темен, как мурын.

Левша говорит:

— Перекрестись и отворотись — это черт из пучины.

А англичанин спорит, что «это морской водоглаз».

— Хочешь, — говорит, — я тебя в море швырну? Ты не бойся — он мне тебя сейчас назад подаст.

А левша отвечает:

— Если так, то швыряй.

Полшкипер его взял на закорки и понес к борту.

Матросы это увидали, остановили их и доложили капитану, а тот велел их обоих вниз запереть и дать им рому и вина и холодной пищи, чтобы могли и пить и есть и свое пари выдержать, — а горячего студингу с огнем им не подавать, потому что у них в нутре может спирт загореться.

Так их и привезли взаперти до Петербурга, и пари из них ни один друг у друга не выиграл; а тут расклали их на разные повозки и повезли англичанина в посланнический дом на Аглицкую набережную, а левшу — в квартал.

Отсюда судьба их начала сильно разниться.

Глава восемнадцатая

Англичанина как привезли в посольский дом, сейчас сразу позвали к нему лекаря и аптекаря. Лекарь велел его при себе в теплую ванну всадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взялись и положили на перину и сверху шубой покрыли и оставили потеть, а чтобы ему никто не мешал, по всему посольству приказ дан, чтобы никто чихать не смел. Дождались лекарь и аптекарь, пока полшкипер заснул, и тогда другую гуттаперчевую пилюлю ему приготовили, возле его изголовья на столик положили и ушли.

А левшу свалили в квартале на пол и спрашивают:

— Кто такой и откуда, и есть ли паспорт или какой другой тугамент?

А он от болезни, от питья и от долгого колтыханья так ослабел, что ни слова не отвечает, а только стонет.

Тогда его сейчас обыскали, пестрое платье с него сняли и часы с трепетиром, и деньги обрали, а самого пристав велел на встречном извозчике бесплатно в больницу отправить.

Повел городской левшу на санки сажать, да долго ни одного встречника поймать не мог, потому извозчики от полицейских бегают. А левша все это время на холодном парате лежал; потом поймал городской извозчика, только без теплой лисы, потому что они лису в санях в таком разе под себя прячут, чтобы у полицейских скорей ноги стыли. Везли левшу так непокрытого, да как с одного извозчика на другой станут пересаживать, всё роняют, а поднимать станут — ухи рвут, чтобы в память пришел. Привезли в одну больницу — не принимают без тугамента, привезли в другую — и там не принимают, и так в третью, и в четвертую — до самого утра его по всем отдаленным кривопуткам таскали и все пересаживали, так что он весь избился. Тогда один подлекарь сказал городовому везти его в простонародную Обухвинскую больницу, где неведомого со словия всех умирать принимают.

Тут велели расписку дать, а левшу до разборки на полу в коридоре посадить.

А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на легкий завтрак курицу с рысью съел, ерфиксом запил и говорит:

— Где мой русский камрад? Я его искать пойду.

Оделся и побежал.

Глава девятнадцатая

Удивительным манером полшкипер как-то очень скоро левшу нашел, только его еще на кровать не уложили, а он в коридоре на полу лежал и жаловался англичанину.

— Мне бы, — говорит, — два слова государю непременно надо сказать.

Англичанин побежал к графу Клейнмихелю и зашумел:

— Разве так можно! У него, — говорит, — хоть и шуба овечкина, так душа человеческина.

Англичанина сейчас оттуда за это рассуждение вон, чтобы не смел поминать душу человеческину. А потом ему кто-то сказал: «Сходил бы ты лучше к казаку Платову — он простые чувства имеет».

Англичанин достиг Платова, который теперь опять на укушетке лежал. Платов его выслушал и про левшу вспомнил.

— Как же, братец, — говорит, — очень коротко с ним знаком, даже за волоса его драл, только не знаю, как ему в таком несчастном разе помочь; потому что я уже совсем отслужился и полную пуплекцию получил — теперь меня больше не уважают, — а ты беги скорее к коменданту Скобелеву, он в силах и тоже в этой части опытный, он что-нибудь сделает.

Полскипер пошел и к Скобелеву и все рассказал: какая у левши болезнь и отчего сделалась. Скобелев говорит:

— Я эту болезнь понимаю, только немцы ее лечить не могут, а тут надо какого-нибудь доктора из духовного звания, потому что те в этих примерах выросли и помогать могут; а сейчас пошлю туда русского доктора Мартын-Сольского.

Но только когда Мартын-Сольский приехал, левша уже кончался, потому что у него затылок о парат раскололся, и он одно только мог внятно выговорить:

— Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог, война, они стрелять не годятся.

И с этою верностью левша перекрестился и помер.

Мартын-Сольский сейчас же поехал, об этом графу Чернышеву доложил, чтобы до государя довести, а граф Чернышев на него закричал:

— Знай, — говорит, — свое рвотное да слабительное, а не в свое дело не мешайся, в России на это генералы есть.

Государю так и не сказали, и чистка все продолжалась до самой Крымской кампании. В тогдaшнее время как стали ружья заряжать, а пули в них и болтаются, потому что стволы кирпичом расчищены.

Тут Мартын-Сольский Чернышеву о левше и напомнил, а граф Чернышев и говорит:

— Пошел к черту, плезирная трубка, не в свое дело не мешайся, а не то я отопрусь, что никогда от тебя об этом не слышал, — тебе же и достанется.

Мартын-Сольский подумал: «И вправду отопрется», — так и молчал.

А доведи они левшины слова в свое время до государя, — в Крыму на войне с неприятелем совсем бы другой оборот был.

Глава двадцатая

Теперь все это уже «дела минувших дней» и «преданья старины», хотя и не глубокой, но предания эти нет нужды торопиться забывать, несмотря на баснословный склад легенды и эпический характер ее главного героя. Собственное имя левши, подобно именам многих величайших гениев, навсегда утрачено для потомства; но как олицетворенный народною фантазиею миф он интересен, а его происхождения могут служить воспоминанием эпохи, общий дух которой схвачен метко и верно.

Таких мастеров, как баснословный левша, теперь, разумеется, уже нет в Туле: машины сравняли неравенство талантов и дарований, и гений не рвется в борьбе против прилежания и аккуратности. Благоприятствуя возвышению заработка, машины не благоприятствуют артистической удали, которая иногда превосходила меру, вдохновляя народную фантазию к сочинению подобных нынешней баснословных легенд.

Работники, конечно, умеют ценить выгоды, доставляемые им практическими приспособлениями механической науки, но о прежней старине они вспоминают с гордостью и любовью. Это их эпос, и притом с очень «человечкиной душою».

1881

1. Сказ «Левша» состоит из глав. Дайте названия каждой из них, используя при этом слова и сочетания слов из текста.
2. Какими предстают в изображении Н.С. Лескова государь, Платов, англичане?
3. Составьте план характеристики левши. К каждому пункту вашего плана подберите примеры из сказа.
4. Какие сцены из произведения вы считаете центральными? Почему?
5. В каких словах заключена основная идея «Левши»?
6. Какие сказовые элементы используются автором?
7. Как вы думаете, каково отношение художника Н.В. Кузмина к изображаемым персонажам? Свой ответ аргументируйте.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Н.С. ЛЕСКОВА

Прочитайте фрагмент статьи М.С. Горячкиной, в котором идет речь о своеобразии языка и стиля сказа «Левша». В чем проявилось с наибольшей силой художественное своеобразие писателя?

«Облик сказителя в сказе «Левша», его речь сливаются с обликом и речью главного героя сказа. Оригинальность восприятия жизни, чуждой сказителю и герою, комическое и сатирическое переосмысление многих ее понятий, языка и создает особый стиль сказа о Левше. Сравнивая впоследствии стиль своей легенды «Скоморох Памфалон» и стиль «Левши», Лесков писал: «Этот язык, как язык «Стальной Блохи», дается не легко, а очень трудно, и одна любовь к делу может побудить человека взяться за такую мозаическую работу. Но этот-то самый «своеобразный язык» ставили мне в вину и так заставили меня его немножко портить и обесцвечивать».

Признавая наличие в языке «Левши» элементов стилизации, Лесков тем не менее считал этот язык по-настоящему народным, пронизанным подлинно национальным юмором. Поэтому он предупреждал переводчика на немецкий язык о трудностях передачи чисто русского смысла комических словообразований в «Левше». «С «Левшой» и «Блохой» трудно будет Вам справиться. Тут знания немецкого просторечия недостаточно. Что Вы сделаете с созвучиями и игрой слов: «клеветон» вместо «фельетон», «спираль» вместо «спертый воздух», «досадительная укушетка» и т. п. Конечно, что-нибудь выйдет, но общего тона такой вещи передать на ином языке нельзя». И это справедливо: сказ о Левше насквозь русский и по языку, и по мироощущению, и по манере мышления.

Лесков использует в нем приемы сказочного повествования: зачины, построения диалога, концовки: «Государь говорит: «Что тебе, мужественный старик, от меня надобно?» А Платов отвечает: «Мне, ваше величество, ничего для себя не надо...» Или: «А ты, если твоя милость, как и государь наш, имеешь к нам доверие, поезжай себе на тихий Дон, а нам эту блошку оставь, как она есть... Гуляй себе по Дону и заживляй раны, которые принял за отечество, а когда назад будешь через Тулу ехать, — остановись и спылай за нами: мы к той поре, Бог даст, что-нибудь придумаем». Но описание рассказчиком обстановки, в которой происходят события, и содержание диалогов персонажей, в сущности, лишены всякого сказочного элемента. Речь персонажей из народа типична для бывалого мастерового человека или крестьянина. Она ясная, точная, певучая: «Напрасно так нас обижаете, — мы от вас, как государева посла, все обиды должны стерпеть, но только за то, что вы в нас усумнились и подумали, будто мы даже государево имя обмануть сходственны, — мы вам секрета нашей работы теперь не скажем, а извольте к государю отвезти — он увидит, каковы у него люди и есть ли ему за нас постыждение». Слова «сходственны», «постыждение», как и слово «тугамент» вместо «документ», взяты из народной речи.

Словотворчество начинается там, где рассказчик или герой сталкиваются с нерусскими названиями или явлениями, чуждыми, непонятными малограмотному мастеровому или кре-

Н.С. Лесков. Фотография Г. Деньера. 1885—1886 гг.

стьянину. Как правило, это словотворчество прекрасно гармонирует с общим строем мысли и речи повествования. Оно основано на глубоком знании народного языка и идет в этом же направлении, что и другие образные народные выражения, вроде «умом виляет», «щипаная голова», «неописанный подъезд», «по дороге ноги рассыпали», «глаз пристрелявши», «правотцы» <...> и т. п.

Вполне естественно и закономерно, что крестьянин, рассказывая о вещах, ему неизвестных и чужеземных, искажает их названия согласно своему представлению о них. Представление это строится и на звуковом произношении, но, искажая слова по созвучию, рассказчик одновременно вкладывает в них юмористический смысл в духе народного понимания: Апполон Бельведерский — Аболон полведерский, бюсты — бюстры, балдахин — валдахин, пирамида — кирамида, кушетка — укушетка, багровый — бугровый, инфузории — нимфозории, вестовые — свистовые, таблица — долбица. Иногда это даже не столько искажение, сколько уточнение смысла слова, так сказать, перевод с иностранного:

буреметр (барометр), мелкоскоп (микроскоп), непромокабли (галоши), ветряная нахлобучка (капюшон). Как и во всякой народной сказке, повествование в сказе «Левша» идет в одном стиле: и царь, и генерал Платов, и Левша употребляют простонародные обороты речи: «Государь спросил: «Где же ваш мелкоскоп, с которым вы могли произвести это удивление?» А Левша ответил: «Мы люди бедные и по бедности своей мелкоскопа не имеем, а у нас так глаз пристрелявши».

Автор характеризует стиль сказа «Левша» как «баснословный», то есть сказочный, басенный, а характер героя считает «эпическим». Но Левша встает перед читателями как живой человек, а не условный сказочный герой. И впечатление это создается во многом благодаря народному разговорному языку, данному во всей его бытовой достоверности, благодаря умению сказителя раскрыть психологию персонажа через диалог. И события и речь персонажей сказа лишены фантастики. Все воспринимается как вполне реальное и правдоподобное. И этому восприятию не только не мешает причудливый язык сказа, но даже помогает — настолько он оживляет, делает незабываемыми нарисованные типы людей.

Замысел «Левши», по признанию Лескова, возник из поговорки: «Англичанин сделал блоху из стали, а русский ее подковал». Богато использованы русские пословицы и поговорки в языке сказа: <...> «Небо тучится, брюхо пучится — скука большая, а дорога длинная», «У него хоть шуба овечкина, да душа человечкина» и т. п.

Лесков неоднократно выступал в печати со статьями, раскрывающими тот огромный вред, который приносило русскому языку введение в него массы чужеродных, неблагозвучных, непонятных народу иностранных слов.

«Новые слова иностранного происхождения вводятся в русскую речь беспрестанно и часто совсем без надобности. Надо беречь наш богатый и прекрасный язык от порчи», — писал он еще в 1878 году.

Л. Толстой называл Лескова «писателем будущего», вкладывая в это определение, видимо, мысль о том, что грядущие поколения поймут, как много сделал Лесков для познания характера русского человека. Пророчество Л. Толстого оправдалось».

Образы сказа в книжной иллюстрации и театральной постановке:
 Левша. Художники Кукрыниксы. 1974 г.
 Атаман Платов. Эскиз театрального костюма.
 Художник Б.М. Кустодиев

Советуем прочитать

Аннинский Л. Лесковское ожерелье. — М., 1986.

Живое слово

Используя материалы рекомендованной выше книги, подготовьте сообщения: «Левша» в изобразительном искусстве»; «Сказ Н.С. Лескова на театральной сцене».

**АФАНАСИЙ
АФАНАСЬЕВИЧ
ФЕТ
1820—1892**

С портрета смотрит на вас бородатый человек. Взгляд его строг, может показаться даже самоуверен или самодоволен. Управляющий имением? Мировой судья? Военный лекарь? Невозможно себе представить, что за этой кожурой непроницаемой внешности скрывалось легко ранимое ядро — сердце одного из самых нежных русских лириков. До чего же бывает внешность обманчивой и подчас противоречивой тому, что показывает духовная жизнь этого же человека!

Лирик из рук в руки передает читателю свое сердце. Я не открываю здесь ничего нового. Но это повторяю потому, что Фет являет собой удивительный пример такой передачи сердца из рук в руки. Более того, он не только передает читателю свое сердце, он делает это охотно, без оглядки, упоенно, самозабвенно...

Природа, любовь, творчество... Вот треугольник, условно очерчивающий и вбирающий в себя все пространство фетовской лирики. В этом огромном треугольнике природа обозреваема влюбленным сердцем творящего человека. Еще точнее: природа вокруг вас и — заодно и вместе с ней — природа души человеческой. Вот владения Фета. Они невелики, если судить о них тематически. Они неоглядны, если видеть за ними все несметное богатство образов и мотивов, наполняющих поэтический мир Фета. Здесь мастер погружен в разгадку вечных тайн бытия. «Как жить?» — вопрошает он. Здесь ничто не мелко, здесь все важно, коли вошло в душу человека: от розы до зари, от звезды до былинки.

Л.А. Озеров

Вопросы и задания

1. Как вы поняли слова критика: «Лирик из рук в руки передает читателю свое сердце»? Дайте развернутый ответ.
2. Составьте тезисный или цитатный план статьи. Подготовьте рассказ о Фете по плану.

Живое слово

Из доступных вам источников подберите материал для рассказа о жизни А.А. Фета. Обратите внимание на сложность личной судьбы поэта. Подумайте: нашли ли в его творчестве отражение собственные страдания? Подготовьте сообщение и выступите с ним в классе.

* * *

Зреет рожь над жаркой нивой,
И от нивы и до нивы
Гонит ветер прихотливый
Золотые переливы.

Робко месяц смотрит в очи,
Изумлен, что день не минул,
Но широко в область ночи
День объятия раскинул.

Над безбрежной жатвой хлеба
Меж заката и востока
Лишь на миг смежает небо
Огнедышащее око.

Конец 1850-х гг.

ВЕЧЕР

Прозвучало над ясной рекою,
Прозвенело в померкшем лугу,
Прокатилось над рощей немою,
Засветилось на том берегу.

Далеко в полумраке, луками¹
Убегает на запад река.
Погорев золотыми каймами,
Разлетелись, как дым, облака.

На пригорке то сыро, то жарко,
Вздохи дня есть в дыханье ночном, —
Но зарница уж теплится ярко
Голубым и зеленым огнем.

1855

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА А.А. ФЕТА

Л.А. Озеров, характеризуя особенность лирики природы в творчестве Фета, отмечает, что у него «природа вокруг вас и — заодно и вместе с ней — природа души человеческой». Такое ощущение возникает из тонкого, почти невидимого для читательского взгляда, сцепления на маленьком пространстве лирического стихотворения цельного, яркого, удивительно наполненного красками и звуками мира природы и мира человека. Неожиданно появляются почти загадочные, кажется, невысказанные в обыденной, бытовой речи сочетания слов. Они рисуют точную, живую картину, вдруг пришедшую и запоминающуюся. Чего стоит только первая строка заключительной строфы стихотворения: «На пригорке то сыро, то жарко...»!

¹ *Луки* — здесь: рукава, излучины реки.

В стихотворении «Вечер» человек, лирический персонаж вообще не дан, но ощущение его присутствия не покидает нас. Может, это происходит потому, что мы слышим голос поэта, запечатлевшего волшебную красоту и неповторимость летнего вечера? Или оттого, что воображаем себя в нем? У каждого это проявляется по-своему — в зависимости от жизненного опыта, развитости чувств, даже сиюминутного настроения. Только не надо искать точного, конкретного ответа на возникающий вопрос: что «прозвучало, прозвенело, прокатилось»? — исчезнет красота вдохновенного слова и образа, разрушится впечатление, тайна перестанет быть тайной.

1. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворений. Как вы полагаете, в чем вы будете испытывать наибольшее затруднение? Каким образом попытаетесь его преодолеть?
2. Что необычного для вас в прочитанных стихотворениях А.А. Фета?
- 3*. Произведите синтаксический разбор первой строфы стихотворения «Вечер». Почему усиливается художественная выразительность за счет применения именно данной синтаксической конструкции?
4. Прочитайте стихотворение «Вечер» еще раз. С помощью каких образных средств переданы краски и звуки природы?
- 5*. Продолжите данное рассуждение о стихотворении «Вечер»:

Мир неназванных звуков летнего дня исчезает, но я слышу в этих звуках голоса людей, пенье птиц, вздохи падающей травы на летнем покосе. Однако все «прозвучало, прозвенело, прокатилось», исчезло — и осталась удивительная звенящая тишина...

Советуем прочитать

Маймин Е.А. А.А. Фет: Книга для учащихся. — М., 1989.

АНТОН
ПАВЛОВИЧ
ЧЕХОВ

1860—1904

После окончания таганрогской гимназии Антон Чехов поступил на медицинский факультет Московского университета. Таганрогская городская управа выдала юноше стипендию на четыре месяца. Антон Павлович любил медицину, благоговейно слушал лекции выдающихся профессоров, среди которых были крупнейшие ученые Захарьин, Склифосовский — имена, составляющие гордость русской науки.

Но не менее любил он и сочинительство. Студент-медик одновременно был и сотрудником юмористических журналов. Причем сотрудничество в них стало главным источником средств к существованию семьи. Забота о ней ложилась в основном на его плечи и требовала много сил и труда. Гонорары были нищенские, и писать приходилось постоянно, много, не зная отдыха.

Многие писатели и критики воспринимали Антошу Чехонте (это один из псевдонимов молодого писателя) с улыбкой, как одного из поставщиков увеселительного чтения для масс. Однако очень скоро более чуткие читатели увидели, что перед ними нечто особенное, новое, только внешне похожее на обыкновенное.

В маленьких рассказах Чехов научился передавать всю жизнь человека. Чехов стал творцом нового вида литературы — маленького рассказа, вбирающего в себя признаки таких жанров, как повесть или роман. Юмор в произведениях Чехова чаще становится «грустным», «серьезным» — он оттеняет трагическое или, наоборот, смягчает трагедию мудрой, светлой улыбкой.

А.П. Чехов в первый год врачебной практики.
Фотография Г. Трунова. Москва, 1884 г.

СОВРЕМЕННОКИ О ЧЕХОВЕ

В Москве, в девяносто пятом году, я увидел человека средних лет, в пенсне, одетого просто и приятно, довольно высокого, очень стройного и очень легкого в движениях. Встретил он меня приветливо, но так просто, что я, — тогда еще юноша, не привыкший к такому тону при первых встречах, — принял эту простоту за холодность. В Ялте я нашел его сильно изменившимся: он похудел, потемнел в лице; во всем его облике по-прежнему сквозило присущее ему изящество, — однако это было изящество уже не молодого, а много пережившего и еще более облагороженного пережитым человеком. И голос его звучал уже мягче... Но в общем он был почти тот же, что в Москве: приветлив, но сдержан, говорил довольно оживленно, но еще более просто и кратко, и во время разговора все думал о чем-то своем, предоставляя собеседнику самому улавливать переходы в скрытом течении своих мыслей, и все глядел на море сквозь стекла пенсне, слегка приподняв лицо...

Он любил смех, но смеялся своим милым, заразительным смехом только тогда, когда кто-нибудь другой расска-

зывал что-нибудь смешное: сам он говорил самые смешные вещи без малейшей улыбки. Он очень любил шутки, нелепые прозвища, мистификацию¹; в последние годы, как только ему хоть ненадолго становилось лучше, он был неистощим на них; но каким тонким комизмом вызывал он неудержимый смех! Бросит два-три слова, лукаво блеснет глазом поверх пенсне...

Сдержанность Чехова сказывалась и во многом другом, более важном, свидетельствуя о редкой силе его натуры. Кто, например, слышал от него жалобы? А причин для жалоб было много. Он начал работать в большой семье, терпевшей в ту пору его молодости большую нужду, и работал мало того что за гроши, но еще и в обстановке, способной угасить самое пылкое вдохновение: в маленькой квартирке, среди говора и шума, часто на краешке стола, вокруг которого сидела не только вся семья, но еще несколько человек гостей-студентов. Он долго нуждался и потом... Но никто никогда не слышал от него сетований на судьбу, и это вытекало не из скрытности его характера и не из ограниченности его потребностей: будучи на редкость благородно-скромным в своем образе жизни, он в то же время прямо-таки ненавидел серую, скудную жизнь... Он пятнадцать лет был болен изнурительной болезнью, которая неуклонно вела его к смерти; но знал ли это читатель, — русский читатель, который слышал столько горьких писательских воплей? Больные любят свое привилегированное положение: часто самые сильные из них почти с наслаждением терзают окружающих злыми, горькими, непрестанными разговорами о своей болезни; но поистине было изумительно то мужество, с которым болел и умер Чехов! Даже в дни его самых тяжелых страданий часто никто не подозревал о них.

И.А. Бунин

Вообще мы почти ничего не знаем не только о тайнах его творчества, но даже и о внешних, привычных приемах его работы. В этом отношении А.П. был до странного скрытен и молчалив. Помню, как-то мимоходом он сказал очень значительную фразу:

¹ *Мистификация* — намеренное введение в обман и заблуждение.

Москва, ул. Садово-Кудринская, д. 6.
Дом-музей А.П. Чехова

А.П. Чехов.
Фотография. 1895 г.

— Только спаси вас Бог читать кому-нибудь свои произведения, пока они не напечатаны. Даже в корректуре¹ не читайте.

Так он и сам поступал постоянно, хотя иногда делал исключение для жены и сестры. Раньше, говорят, он был щедрее на этот счет.

Это было время, когда он писал очень много и очень быстро. Он сам говорил, что писал он тогда по рассказу в день. Об этом же рассказывала и Е.Я. Чехова (мать писателя. — *Ред.*). «Бывало, еще студентом, Антоша сидит утром за чаем и вдруг задумается, смотрит иногда прямо в глаза, а я знаю, что он уже ничего не видит. Потом достанет из кармана книжку и пишет быстро-быстро. И опять задумается...»

Но в последние годы Чехов стал относиться к себе все строже и все требовательнее: держал рассказы по несколько лет, не переставая их исправлять и переписывать, и все-таки, несмотря на такую кропотливую работу, последние корректуры, возвращавшиеся от него, бывали кругом испещрены знаками, пометками и вставками. Для того чтобы окончить произведе-

¹ *Корректюра* — 1) оттиск типографского набора; 2) исправление ошибок на оттиске.

ние, он должен был писать его не отрываясь. «Если я надолго оставлю рассказ, — говорил он как-то, — то уже не могу потом приняться за его окончание. Мне надо тогда начинать снова».

Где он черпал свои образы? Где находил свои наблюдения и сравнения? Где он выковывал свой великолепный, единственный в русской литературе язык? Он никому не поверял и не обнаруживал своих творческих путей. Говорят, после него осталось много записных книжек; может быть, в них со временем найдутся ключи к этим сокровенным тайнам? А может быть, они и навсегда останутся неразгаданными? Кто знает! Во всяком случае, мы должны довольствоваться в этом направлении только осторожными намеками и предположениями.

Я думаю, что всегда, с утра до вечера, а может быть, даже и ночью, во сне и бессоннице, совершалась в нем незримая, но упорная, порою даже бессознательная работа — работа взвешивания, определения и запоминания. Он умел слушать и спрашивать, как никто, но часто, среди живого разговора, можно было заметить, как его внимательный и доброжелательный взгляд вдруг делался неподвижным и глубоким, точно уходил куда-то внутрь, созерцая нечто таинственное и важное, совершавшееся в его душе.

А.И. Куприн

Ялта. Дом А.П. Чехова. Фотография начала 1900-х гг.

Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче невольно ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой, и я не раз наблюдал, как люди сбрасывали с себя пестрые наряды книжных фраз, модных слов и все прочие дешевенькие штучки, которыми русский человек, желая изобразить европейца, украшает себя, как дикарь раковинами и рыбьими зубами. Антон Павлович не любил рыбы зубы и петушиные перья; все пестрое, гремящее и чужое, надетое человеком на себя для «пушей важности», вызывало в нем смущение, и я замечал, что каждый раз, когда он видел пред собой разряженного человека, им овладевало желание освободить его от всей этой тягостной и ненужной мишуры, искажавшей настоящее лицо и живую душу собеседника. Всю жизнь А. Чехов прожил на средства своей души, всегда он был самим собой, был внутренне свободен и никогда не считался с тем, что одни ожидали от Антона Чехова, другие, более грубые, требовали. Он не любил разговоров на

А.П. Чехов в Ялте. Фотография С. Линдера. 18 апреля 1904 г.
Последняя фотография А.П. Чехова

«высокие» темы, — разговоров, которыми этот милый русский человек так усердно потешает себя, забывая, что смешно, но совсем не остроумно рассуждать о бархатных костюмах в будущем, не имея в настоящем даже приличных штанов.

Красиво простой, он любил все простое, настоящее, искреннее, и у него была своеобразная манера опрощать людей.

М. Горький

Вопросы и задания

1. Вспомните, когда произошла ваша первая встреча с произведениями А.П. Чехова и какое впечатление она произвела.
2. Какие рассказы писателя вам хочется перечитывать неоднократно и чем это вызвано?
3. На что обращают внимание в первую очередь авторы воспоминаний о Чехове? Каким человеком предстает Чехов? В чем особенность его творческой манеры? Запишите план ответов на вопросы.
4. Внимательно рассмотрите фотографии А.П. Чехова. Что говорят они вам о личности писателя?

ХАМЕЛЕОН¹

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает рыжий городской² с решетом, доверху наполненным конфискованным³ крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет Божий уныло, как голодные пасти, около них нет даже нищих.

¹ *Хамелеон* — порода ящериц, быстро меняющих цвет кожи в зависимости от окружающей среды.

² *Городовой* — низший чин полицейской охраны в городе.

³ *Конфискованный* (от *конфисковать*) — здесь: отобрать, отнять.

— Так ты кусаться, окаянная? — слышит вдруг Очумелов. — Ребята, не пущай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пущай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

— Никак, беспорядок, ваше благородие!.. — говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеписанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!» — да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала — белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

— По какому это случаю тут? — спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. — Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

— Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... — начинает Хрюкин, кашляя в кулак. — Насчет дров с Митрий Митричем, — и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пущай мне заплатят, потому — я этим пальцем, может, неделю не пошевелю. Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть. Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете.

— Гм!.. Хорошо... — говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. — Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставляю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить

внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!.. Елдырин, — обращается надзиратель к городовому, — узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она, наверное, бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

— Это, кажись, генерала Жигалова! — говорит кто-то из толпы.

— Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто. Ужас как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? — обращается Очумелов к Хрюкину. — Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

— Он, ваше благородие, цигаркой ей в харю для смеха, а она — не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

— Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пушай мировой¹ рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

— Не рассуждать!

— Нет, это не генеральская... — глубокомысленно замечает городской. — У генерала таких нет. У него всё больше легавые...

— Ты это верно знаешь?

— Верно, ваше благородие...

— Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта — черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально — не дыши!

¹ *Мировой* — судья, разбиравший единолично мелкие дела, устанавливавший мир между спорящими сторонами.

Ты, Хрюкин, пострадал и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

— А может быть, и генеральская... — думает вслух городской. — На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

— Вестимо, генеральская! — говорит голос из толпы.

— Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака — нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

— Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Поди-ка, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

— Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

— И спрашивать тут долго нечего, — говорит Очумелов. — Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть, и бродячая... Истребить, вот и все.

— Это не наша, — продолжает Прохор. — Это генералова брата, что намеднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

— Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? — спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. — Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

— В гости...

— Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма... цуцик этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

— Я еще доберусь до тебя! — грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

1884

1. Какие элементы фабулы в рассказе вы можете выделить? Где заканчивается один ее элемент и начинается другой? Все ли элементы фабулы присутствуют в рассказе?
2. Действие какого персонажа в рассказе кажется вам нелепым? Почему?
3. Имеются ли в «Хамелеоне» признаки сарказма? Или только юмор? Дайте аргументированный ответ.
4. В чем вам помогает разобраться эпизод, когда Очумелов постоянно просит Елдырина то снять, то надеть на него пальто?
5. Вспомните рассказы Чехова, изученные в 6 классе. В них значимую роль играла художественная деталь. В прочитанном вами рассказе также встречается этот художественный прием. Приведите примеры его использования. Для чего автор акцентирует внимание на деталях?

Деталь художественная — выразительная подробность произведения; несет значительную смысловую, образную и идейно-эмоциональную нагрузку.

6. Кого из персонажей рассказа можно назвать хамелеоном? Почему?
 7. Литературовед З.С. Паперный в статье о Чехове отмечал: «Чехов... создал юморески, которые никак не исчерпываются чистым юмором. Сквозь калейдоскопическую пестроту его ранних рассказов все более явственно проступают основные внутренние темы: человек и чин, поэзия и проза, фасад жизни и ее оборотная сторона... Человеческое оказывается не главным, не решающим в человеке, оно сразу же отступает перед его положением в обществе, рангом, служебным весом».
- Найдите и отметьте в тексте этого высказывания положения, которые, по вашему мнению, верны для рассказа «Хамелеон». Обоснуйте свои соображения.

СМЕРТЬ ЧИНОВНИКА

В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Он глядел и чувствовал себя наверху блаженства. Но вдруг... В рассказах часто встречается это «но вдруг». Авторы правы: жизнь так полна внезапностей! Но вдруг лицо его поморщилось, глаза подкатились, дыхание остановилось... он отвел от глаз бинокль, нагнулся и... апчхи!!! Чихнул, как видите. Чихать никому и нигде не возбраняется. Чихают и мужики, и полицеймейстеры, и иногда даже и тайные советники. Все чихают. Червяков несколько не сконфузился, утерся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя: не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем? Но тут уж пришлось сконфузиться. Он увидел, что старичок, сидевший впереди него, в первом ряду кресел, старательно вытирал свою лысину и шею перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова, служащего по ведомству путей сообщения.

«Я его обрызгал! — подумал Червяков. — Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Извиниться надо».

Червяков кашлянул, подался туловищем вперед и зашептал генералу на ухо:

— Извините, вашество, я вас обрызгал... я нечаянно...

— Ничего, ничего...

— Ради Бога, извините. Я ведь... я не желал!

— Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

Червяков сконфузился, глупо улыбнулся и начал глядеть на сцену. Глядел он, но уже блаженства больше не чувствовал. Его начало помучивать беспокойство. В антракте он подошел к Брижжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

— Я вас обрызгал, вашество... Простите... Я ведь... не то чтобы...

— Ах, полноте... Я уж забыл, а вы всё о том же! — сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

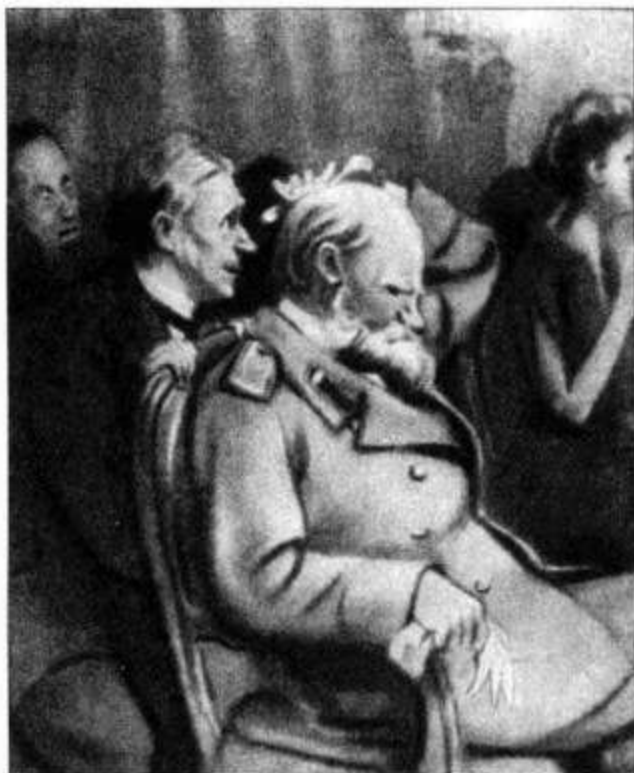

Иллюстрация к рассказу. Художник А. Базилевич

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, — подумал Червяков, подозрительно поглядывая на генерала. — И говорить не хочет. Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!..»

Придя домой, Червяков рассказал жене о своем невежестве. Жена, как показалось ему, слишком легкомысленно отнеслась к происшедшему; она только испугалась, а потом, когда узнала, что Брижжалов «чужой», успокоилась.

— А все-таки ты сходи, извинись, — сказала она. — Подумает, что ты себя в публике держать не умеешь!

— То-то вот и есть! Я извинялся, да он как-то странно... Ни одного слова путного не сказал. Да и некогда было разговаривать.

На другой день Червяков надел новый вицмундир, постригся и пошел к Брижжалову объяснить... Войдя в приемную генерала, он увидел там много просителей, а между просителями и самого генерала, который уже начал прием прошений. Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза и на Червякова.

— Вчера в «Аркадии», ежели припомните, вашество, — начал докладывать экзекутор, — я чихнул-с и... нечаянно обрызгал... Изв...

— Какие пустяки... Бог знает что! Вам что угодно? — обратился генерал к следующему просителю.

«Говорить не хочет! — подумал Червяков, бледнея. — Сердится, значит... Нет, этого нельзя так оставить... Я ему объясню...»

Когда генерал кончил беседу с последним просителем и направился во внутренние апартаменты, Червяков шагнул за ним и забормотал:

— Вашество! Ежели я осмеливаюсь беспокоить вашество, то именно из чувства, могу сказать, раскаяния!.. Не нарочно, сами изволите знать-с!

Генерал состроил плаксивое лицо и махнул рукой.

— Да вы просто смеетесь, милостисдарь! — сказал он, скрываясь за дверью.

«Какие же тут насмешки? — подумал Червяков. — Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять! Когда так, не стану же я больше извиняться перед этим фанфароном! Черт с ним! Напишу ему письмо, а ходить не стану! Ей-богу, не стану!»

Так думал Червяков, идя домой. Письма генералу он не написал. Думал, думал и никак не выдумал этого письма. Пришлось на другой день идти самому объяснять.

— Я вчера приходил беспокоить вашество, — забормотал он, когда генерал поднял на него вопрошающие глаза, — не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с... а смеяться я и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

— Пошел вон!! — гаркнул вдруг посиневший и затрясшийся генерал.

— Что-с? — спросил шепотом Червяков, млея от ужаса.

— Пошел вон!! — повторил генерал, затопав ногами.

В животе у Червякова что-то оторвалось. Ничего не видя, ничего не слыша, он попятился к двери, вышел на улицу и поплелся... Придя машинально домой, не снимая вицмундира, он лег на диван и... помер.

1883

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

А.П. ЧЕХОВА

1. Вы прочитали ряд биографических и литературно-критических материалов о писателе; выполнили задания, которые помогли вам охарактеризовать не только тему, но и художественное своеобразие рассказа «Хамелеон». Подобной работой вы занимались уже не один раз.

Самостоятельно дайте характеристику рассказа А.П. Чехова «Смерть чиновника».

Составьте план своей работы, стараясь уделить внимание теме произведения, характеристике образов и способам их раскрытия, художественно-выразительным средствам и их роли в каждом конкретном случае, основной мысли рассказа, то есть его художественной идее.

2. Внимательно рассмотрите иллюстрацию художника А. Базилевича. Какой эпизод на ней изображен? Найдите соответствующий ему фрагмент рассказа.

После уроков

1. Писатель и доктор Чехов активно помогал людям, постоянно приглашал к себе гостей, его окружали друзья, где бы он ни находился. Подготовьте материалы для заочной литературно-краеведческой экскурсии по одному из мест, связанных с именем Чехова.

2. Подготовьте вопросы к литературной викторине «По прочитанным произведениям А.П. Чехова» и проведите ее. Ниже приведены возможные вопросы к викторине:

1. Определите, из каких произведений взяты следующие фрагменты:

«...Приказчик стоял на краю дороги и, глядя сосредоточенно себе под ноги, о чем-то думал. Судя по морщинам, бороздившим его лоб, и по выражению глаз, думы его были напряженны, мучительны...»

«...Слышен был собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака...»

2. Какой рассказ так начинается:

«Через базарную площадь идет полицейский надзиратель...»

«У отставного генерал-майора Булдеева разболелись зубы...»

3. Кто из героев Чехова:

а) просил неоднократно то надеть, то снять с него шинель?

б) никак не мог вспомнить фамилию?

в) для рыбной ловли отвинчивал гайки?

3. Вы познакомились со многими юмористическими произведениями. Самое время провести вечер юмора на тему «Над чем смеетесь?». Отберите произведения сатириков (кроме произведений А.П. Чехова, это могут быть «Обезьяний язык» М.М. Зощенко, «Открытие Америки» А.Т. Аверченко, «Воротник», «Свой и чужие» Н.А. Тэффи и др.), напишите сценарий. Что-то на вечере просто будет прочитано, что-то инсценировано. Может быть, и в вашей среде есть начинающие сатирики? Дайте им слово.

Советуем прочитать

1. Бердников Г.П. Чехов. — М., 1978 (ЖЗЛ).

2. Громов М.П. Чехов. — М., 1993 (ЖЗЛ).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РУССКИХ ПОЭТОВ XIX ВЕКА О РОССИИ

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН (1799—1837)

* * *

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

На них основано от века
По воле Бога самого
Самостоянье человека,
Залог величия его.

1830

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ ЯЗЫКОВ (1803—1847)

ПЕСНЯ

Из страны, страны далекой,
С Волги-матушки широкой,
Ради сладкого труда,
Ради вольности высокой
Собралися мы сюда.
Помним хóлмы, помним доли,
Наши церкви, наши села,
И в краю, краю чужом
Мы пируем пир веселый
И за родину мы пьем.
Благодетельною силой
С нами немцев подружило
Откровенное вино;
Шумно, пламенно и мило
Мы гуляем заодно.
И с надеждою чудесной

Мы стакан, и полновесный,
Нашей Руси — будь она
Первым царством в поднебесной,
И счастлива и сильна!

1827

ИВАН САВВИЧ НИКИТИН (1824—1861)

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес —
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше темных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям в моря
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг —
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется.
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу —
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,

И горами лед
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Это ты, моя
Русь державная.
Моя родина
Православная!

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей — стола,
Меча — недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Перед кем себя
Ты унизила?
Кому в черный день
Низко кланялась?

На полях своих,
Под курганами,
Положила ты
Татар полчища.

Ты на жизнь и смерть
Вела спор с Литвой
И дала урок
Ляху гордому.

И давно ль было,
Когда с Запада
Облегла тебя
Туча темная?

Под грозой ее
Леса падали,
Мать сыра-земля
Колебалась,

И зловещий дым
От горевших сел
Высоко вставал
Черным облаком!

Но лишь кликнул царь
Свой народ на брань —
Вдруг со всех концов
Поднялась Русь.

Собрала детей,
Стариков и жен,
Приняла гостей
На кровавый пир.

И в глухих степях,
Под сугробами,
Улеглись спать
Гости навеки.

Хоронили их
Вьюги снежные,
Бури севера
О них плакали!..

И теперь среди
Городов твоих
Муравьем кишит
Православный люд.

По седым морям
Из далеких стран
На поклон к тебе
Корабли идут.

И поля цветут,
И леса шумят,
И лежат в земле
Груды золота.

И во всех концах
Света белого
Про тебя идет
Слава громкая.

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью,

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

1851

АПОЛЛОН НИКОЛАЕВИЧ МАЙКОВ (1821—1897)

НИВА

По ниве прохожу я узкою межой,
Поросшей кашкою и цепкой лебедой.
Куда ни оглянусь — повсюду рожь густая!
Иду — с трудом ее руками разбирая.
Мелькают и жужжат колосья предо мной,
И колют мне лицо... Иду я, наклоняясь,
Как будто бы от пчел тревожных отбиваясь,
Когда, перескочив чрез ивовый плетень,
Средь яблонь в пчельнике проходишь в ясный день.

О, Божья благодать!.. О, как прилечь отрадно
В тени высокой ржи, где сыро и прохладно!
Заботы полные, колосья надо мной
Беседу важную ведут между собой.
Им внемля, вижу я — на всем полей просторе
И жницы и жнецы, ныряя, точно в море,
Уж вяжут весело тяжелые снопы;
Вон на заре стучат проворные цепи;
В амбарах воздух полн и розана и меда;
Везде скрипят возы; средь шумного народа
На пристанях кули валяются; вдоль реки
Гуськом, как журавли, проходят бурлаки,
Нагнувши головы, плечами напирая
И длинной бечевой по влаге ударяя...

О Боже! Ты даешь для родины моей
Тепло и урожай, дары святые неба,
Но, хлебом золотя простор ее полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!
Уже над нивою, где мысли семена
Тобой насажены, повеяла весна,
И непогодами несгубленные зерна
Пустили свежие ростки свои проворно.
О, дай нам солнышка! пошли ты ведра нам,
Чтоб вызрел их побег по тучным бороздам!
Чтоб нам, хоть опершись на внуков, стариками
Прийти на тучные их нивы подышать
И, позабыв, что мы их полили слезами,
Промолвить: «Господи! какая благодать!»

1856

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ (1817—1875)

* * *

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

1856

Вопросы и задания

-
1. В чем своеобразие трактовки темы России в каждом из приведенных стихотворений?
 2. Какое стихотворение вам особенно понравилось? Почему?

СОДЕРЖАНИЕ

Любите читать! Д.С. Лихачев	3
ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА	6
Былины	6
Святогор и Микула Селянинович	13
Илья Муромец и Соловей-разбойник	16
Илья Муромец (В сокращении)	27
Русские народные песни	29
Обрядовая поэзия	29
Песни колядные	30
Песни масленичные	30
Песни свадебные	32
Лирические песни	33
Лирикоэпические песни	34
ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	38
...И вспомнил Олег коня своего.....	39
Повесть о Петре и Февронии Муромских	41
ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА	50
Классицизм	51
Михаил Васильевич Ломоносов	55
На день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года (<i>Отрывок</i>)	57
Предисловие о пользе книг церковных в российском языке (<i>Отрывок</i>)	59
Гавриил Романович Державин	66
Властителям и судиям	68
Денис Иванович Фонвизин	75
Недоросль (<i>В сокращении</i>).....	77

Александр Сергеевич Пушкин	121
К Чаадаеву	129
«Во глубине сибирских руд...»	134
Туча	135
Песнь о вещем Олеге	137
Полтава (<i>В сокращении</i>)	142
Михаил Юрьевич Лермонтов	154
Родина	159
Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова	162
Николай Васильевич Гоголь	183
Шинель	187
Иван Сергеевич Тургенев	222
Хорь и Калиныч	229
Певцы	242
Нищий (<i>Стихотворение в прозе</i>)	259
Николай Алексеевич Некрасов	262
«Вчерашний день, часу в шестом...»	265
Размышления у парадного подъезда	266
Русские женщины (Княгиня Трубецкая) (<i>В сокращении</i>)	273
Железная дорога	292
Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин	300
Дикий помещик	303
Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил	311
Лев Николаевич Толстой	321
Севастополь в декабре месяце	324
Николай Семенович Лесков	343
Левша	347
Афанасий Афанасьевич Фет	389
«Зреет рожь над жаркой нивой...»	390
Вечер	391
Антон Павлович Чехов	393
Хамелеон	399
Смерть чиновника	404
Произведения русских поэтов XIX века о России	409

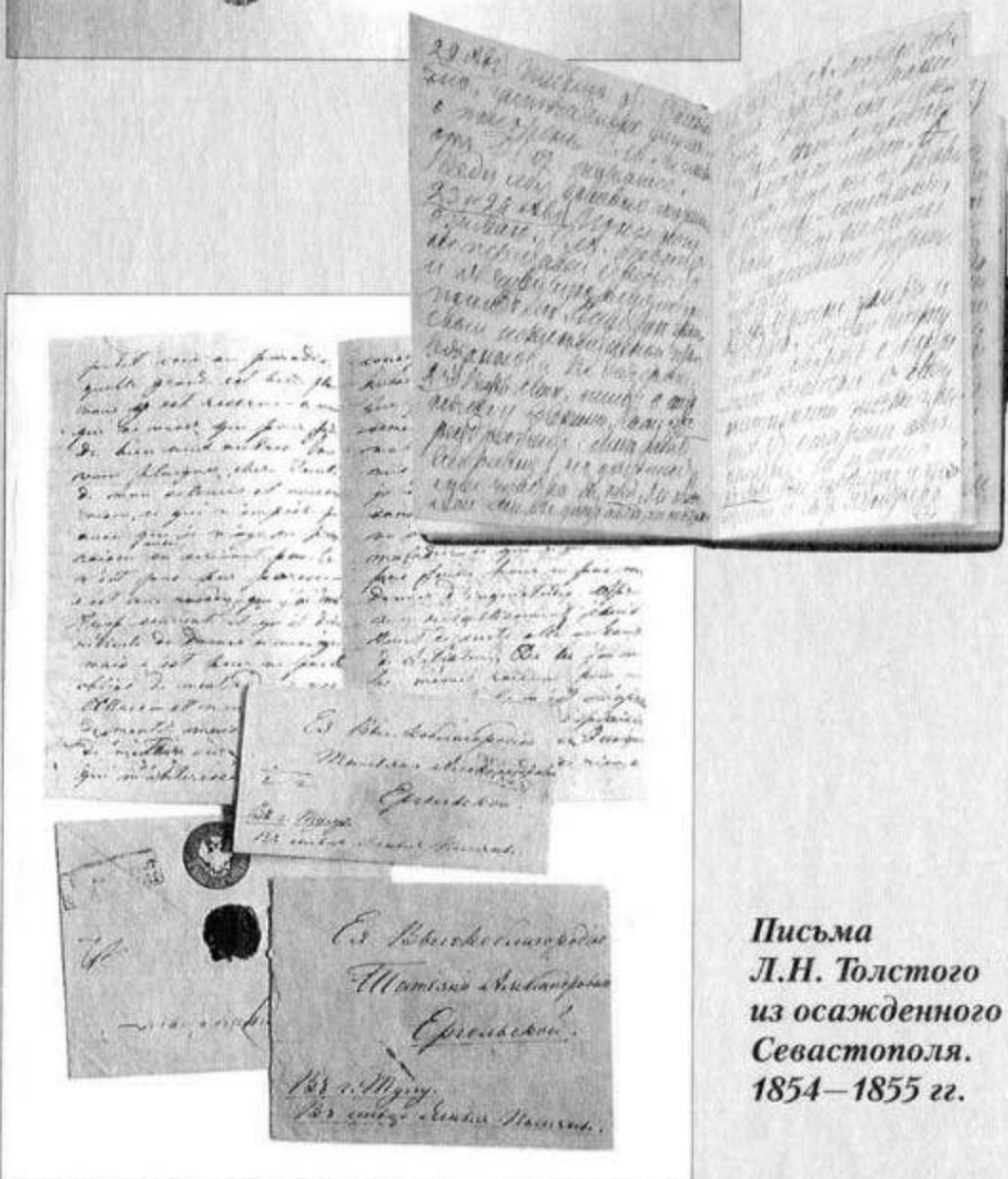
Ясная Поляна. Дом Л.Н. Толстого

Кабинет Л.Н. Толстого в Ясной Поляне

Чернильный
прибор
Л.Н. Толстого
и его дневник

Письма
Л.Н. Толстого
из осажденного
Севастополя.
1854—1855 гг.